

**КОНСТАНТИН
ЗАКУТАЕВ**

ЛЕХА

**СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ**

18+

Константин Закутаев

**Леха. Современная повесть
о настоящем человеке**

«Книжный мир»

2023

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-443

Закутаев К. О.

Леха. Современная повесть о настоящем человеке /
К. О. Закутаев — «Книжный мир», 2023

ISBN 978-5-6048888-2-7

Современная «повесть о настоящем человеке». Увлекательный и динамичный роман о молодости в тектоническом разломе новейшей истории России: в очередном, кипящем, рвущемся, бушующем каждые двадцать-тридцать лет. Начиная с Павки Корчагина из «Как закалялась сталь» и заканчивая Моро из «Иглы», великая страна бросает на угли затухающих пожарищ новых героев. В собирательном образе главного героя, студента-историка, Алексея Малыгина, сошлись характерные черты поколения 1990-х. Дерзость спортсмена и фундамент советского образования. Ясность мысли и абстрактные мечты. Ожидание счастья и пощечина реальности. Атмосфера тех дней практически тактильно ощущается в каждой строчке. «Крыши», «разборки», «новые элиты» и «война по телевизору» – приметы смутного времени, очень часто возвращающиеся спиралью. Когда выпускники гражданского ВУЗа становятся боевыми офицерами – это повод задуматься. На многие вопросы в «сейчас» нужно искать ответы в «тогда».

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-443

ISBN 978-5-6048888-2-7

© Закутаев К. О., 2023
© Книжный мир, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Константин Олегович Закутаев

Леха. Современная повесть о настоящем человеке

© Закутаев К.О., 2023

© Книжный мир, 2023

© ИП Лобанова О.В., 2023

*Автор выражает благодарность всем, кто помогал, мотивировал,
критиковал.*

Всем, кто выжил и сохранил человеческое достоинство.

Всем, кто не дожил, но навсегда остался в памяти.

*Это не беда, что там не ждут меня,
Что не сохранил с тобой себя,
Что я так уйду и, может, не пойму,
Что в мечте остался как в плену.
Это не беда, что я иду туда,
Что не озираюсь робко,
И неловко... Иду...*

А. Горшенёв

Пролог

Дождь, сочетаясь с набираемой поездом скоростью, размывал запыленное окно купейного вагона. Леха сидел в мягком отсеке в одиночестве. Попутчица вышла переодеться в туалет, а другие соседи ожидали не ранее чем через три часа, на остановке в Тихвине. Как это часто бывало, после принятия судьбоносного решения, голова становилась восхитительно пустой. Обрезки мыслей, ошметки эмоций и пепел постоянного стресса вымело легким росчерком собственного автографа на рапорте в адрес командующего. Возможно, это решение было сиюминутным, необдуманым, как и все остальные. В парке Мира, в вологодском областном военкомате или на джалкинском блок-посту. Скорее всего, оно было и неверным, но уже изменить ничего было нельзя. Наверное, надо начинать использовать складывающуюся ситуацию под себя, а не наоборот, получать от окружающей действительности по полной. Леха был спокоен. Впереди целый месяц на планирование жизни в новых обстоятельствах. Встречи с родителями и друзьями, ночи с Мариной, возможность восстановить подорванное здоровье и купить уникальный протез с возможностью игры в теннис. Так, кажется, рассказывал ему Миша, сосед по госпитальной палате в Ростове-на-Дону.

Институтское, полноценно гражданское, пятилетнее прошлое вдруг сжалось до размеров трехдневного боевого выхода. Годы семинаров, лекций, спортивных сборов, подработок в кабаках и бандитских «стрелках» оказались короче марш-броска от Хасавюрта до Бедено. Эти свойства памяти и времени Леха так и не смог понять. Порывшись в новеньком камуфляжном бауле, он вытащил два замкнутых в кольцо шнура. Четки, подаренные ему людьми из разных миров, планет, вселенных. Тяжелая каменная мусульманская святыня легла на купейный столик справа. Легкий, чуть потрескавшийся православный атрибут из мореного дерева слева. «Двое незнакомых между собой людей. Один человек Войны, а другой – Мира, глядя на символы прожитого и пережитого», – подумал Леха. Получив в подарок пару дней назад соловецкие четки, он, на следующее же утро, отчетливо вспомнил, откуда взялись первые, правдивые. Оба дарителя несли в себе противоположные заряды, но каждый из них сыграл в лехиной судьбе важнейшую роль. Малыгин взял ожерелья в простреленную руку и, ощущая синергетический посыл, откинулся на стенку. В любом случае, Леха понимал, что других решений в своей жизни он принять не мог. Отскочить от разборки с «макаровскими»? Косить от армии? Бросить комбата умирать на дороге? Не было других вариантов, не было.

Постукивающие рельсы несли его по старой дороге в новую жизнь. Леха уже не казался себе калечным потерпевшим. Внезапно появившаяся «невеста» накачала его тестостероном, растянув грудные мышцы и увеличив размах плеч. Ощущал Леха себя преторианцем, вернувшимся из дальнего похода и потребляющим заслуженную награду. Он уже хотел в родной спортзал, не боксировать, нет. Взять в руки штангу, отжаться на брусьях, поработать на тренажере. Хотелось почитать книгу. Любую от Агаты Кристи до Проханова. Прошлые рефлексии ушли на далекий третий план, согласившись на поминальное касание. Малыгин не забыл никого из погибших, просто рана покрылась струпом, естественным для человеческой сути. Банально – время лечит. Но Леха знал точно, что любое неосторожное движение и вскрытая поверхность душевного рубца вновь будет кровоточить. Забывать не надо, но и прошлым жить уже не стоит. Надо привыкать к этой реальности. Как сказал ему старый зек, в общем вагоне поезда «Москва – Санкт-Петербург»: «В тюрьме самое главное, надо найти какую-нибудь канитель, тогда и срок быстрее пройдет». Будем искать новую канитель. Будем жить.

Глава 1

– Фамилия? – в голосе коменданта общежития скрипнула старуха Шапокляк.

– Малыгин... – Леха, придерживая сползающую с плеча сумку, протянул свой паспорт, – из Ярославля, там должны были сообщить.

Он зачем-то неуверенно кивнул в направлении расхлябанного гробсбуха, архивно развалившегося на потрескавшейся столешнице забарьерного стола.

– Да мне хоть из Хренабля! – почему-то озлилась мини-начальница.

Грузная и неопрятная она, наконец, поднялась из-за стола: – Первый курс? Истфак?

Алексей ещё раз кивнул, решив в этот раз не утяжелять жесты текстом.

– Меня зовут Зинаида Полуэктовна, – нашаривая что-то в ящике стола, молвила комендантша, – я здесь всё решаю и за всё отвечаю. Я могу одним телефонным звонком выселить любого. Я даже могу отчислить. Если очень захочу. И еще...

Она на секунду замолкла, продолжая шебуршить обеими руками в выдвижном ящике. При этом Зинаида Полуэктовна имела сосредоточенный взгляд патологоанатома, наощупь определяющего причину смерти стотысячного за сегодняшний день пациента. Леха, помимо воли, улыбнулся неуместному сравнению.

– Не веришь мне, первак? – от зоркого ока не ускользнула неполиткорректная мимика.

– Тик у меня, нервный, – на всякий случай ляпнул Леха, – не климатит мне, адаптация к вологодскому воздуху...

– А-а, – протянула комендант, наконец выудив искомое – «ушастый» ключ на затрепанной веревочке, – вы, «пскавские», такие, вялые вечно.

Она вышла, нет, скорее вывалилась, из-за барьера, и только тут Леха понял, что Зинаида Полуэктовна безнадежно пьяна, крива и неустойчива.

Она несколько агрессивно осмотрела его с ног до головы, хмыкнула и скомандовала:

– Пятый этаж, 18-я комната, пшел!

Замшелый дух ликеро-водочного завода с тридцатилетней историей обдал обоняние семнадцатилетнего парня. Пристроившись в могучую корму танкера «Зинаида», студент первого курса исторического факультета Вологодского педагогического института Алексей Малыгин пошагал в свою новую самостоятельную жизнь.

От обычного ярославского парня Леху отличали, пожалуй, первый разряд по боксу (что, кстати, в Ярославле не было такой уж редкостью) и постоянные победы на общегородских олимпиадах по истории. Его отец, Михаил Петрович, уважаемый в городе ученый-химик, до самого окончания школы не смирившийся с противоречивой и мятежной натурой сына, принял единственно, как ему казалось, верное решение – отправить Алексея учиться в военное училище. Любое. Желательно такое, где за нарушение дисциплины полагаются шпицрутены. Однако он не учел гуманитарную изворотливость головного мозга своего наследника. Клятвенно заверив родного отца, в том, что последние полгода школы он, посвятит сбору документов для поступления в погранинститут, Алексей самозабвенно предался спорту. При этом для себя он решил, что как правильный пацан, сначала, по окончании одиннадцати классов, отслужит в армии, а уж потом с восторгом предастся в руки любого военного училища. Немаловажную роль в этом сыграл и круг общения Малыгина-младшего. Выросший в спальном районе Брагино (воспетом ещё Данелия в бессмертном «Афоне») и водивший дружбу с парнями старшего возраста, Малыга (так его прозвали ещё по розовому детству) впитал в себя тягу к знаниям и пацанские понятия о настоящей мужской линии поведения. А когда в его жизни пошла череда проводов дворовых друзей в армию, то тут уж сожаление о собственном допризывном возрасте защемило совсем не по-детски. Пьяные гуляния, перерастали в жестокие драки на дискотеках с такими же рекрутами, девчонки, контуженные либидо-взрывом стриженных без

пяти минут вояк, дарили тепло своих прелестей, а родители, кто, суровая, кто, причитая, на законных основаниях ставили на праздничный стол водку и портвешок.

А он учился в школе. И хотя этап дружеской агитации в техникумы и ПТУ уже давно прошел, Леха в своей компании всё равно ощущал себя, недавно вытершим соплю, малолеткой. Друзья обучались настоящим мужским профессиям, активно осваивали женские общежития, подтягивались на общение к «старшим». Выходцам из их района, не изменившим армейским прическам, в куртках из кожи, многие из которых вдруг становились обладателями красивых двухдверных «восьмерок». Очень часто эти парни заглядывали в спортзал, куда, начиная с седьмого класса, ходил Малыгин. Происходило всё это, в основном, по окончании основных тренировок, когда даже «сборники» завершали тренировки традиционными отжиманиями на брусьях. Мазав школяров грубыми взглядами, пришедшие давали понять, что начинающим спортсменам пора убираться. Именно у них Леха впервые увидел перчатки «EVERLAST», боксёрки «LONSDALE» и бинты «Green Hill». Почти все они были выходцы из клуба, отслужившие в армии и пожинавшие ныне нелегкую ниву какого-то опасного бизнеса. О том, кто они такие Леха знал разве что из дурацкой песни Асмолова: «...Мы бывшие спортсмены, а ныне рэкетмены...»

Всё это было рядом и далеко одновременно. Когда он после школы часами просиживал в некрасовской библиотеке, то пригороды украинского Луцка времен «брусиловского прорыва» казались ему ближе и роднее брагинских девятиэтажек. В то же время вечером, когда они с пацанами собирались в переоборудованном в «качалку» подвале, обсуждение предстоящего похода «по хореографам училища культуры» с возможностью кулачных стычек с конкурентами захватывало его с не меньшей силой. В школе, ввиду дружбы с подвальныеми качками, Малыгина уважали и побаивались даже старшекласники. А когда в девятом классе он занял первое место на городских соревнованиях по боксу и «засветился» в областной газете, то руку ему стал пожимать и сам Александр Андреевич – «главный» учитель физкультуры. К выпускному классу статус Алексея в школе окончательно был сформирован, что позволяло ему без риска репутационных потерь появляться на уроках с фингалом (на тренировке, мол) или в час ночи провожать девочек-хореографов после дискотеки в общежитие («кто, если не я?»). К слову, заметить, свой первый «судорожный» опыт Леха и получил на скрипучей общажной койке училища культуры. Веселая и пьяная третьекурсница из Костромы, Катька-Аэропорт, с хмельной легкостью увлекла, пустившего слюни, школяра во временно пустующую комнату, где и расправилась с его рвущейся эрекцией. Правда, гораздо быстрее, чем ей этого хотелось. Надо отдать должное будущему преподавателю хореографии, она не стала хохмить в стиле «Леша, это были лучшие 10 секунд в моей жизни...» и даже периодически подбрасывала, как она выражалась, «любимому десятикласснику» свободное от других, более статусных, мужчин своё любовное время.

Была она в этом плане не жадная и озорная. В случае с Лехой Катька воспринимала себя женским вариантом Пигмалиона, любясь сухим и жилистым торсом на застиранных простынях с лиловыми печатями. Алексею эти немногочисленные встречи помогли сформировать своё мужское эго, позволившее поглядывать с тайным превосходством на одноклассников и, с гендерным цинизмом, на лиц противоположного пола. Естественно, это был короткий роман и разбитная хореографиня, закончив учебу, умотала в свою Кострому. Лехе же оставалось почти целое лето на подготовку к экзаменам. Идею отслужить в армии после школы он уже оставил и, наверное, сожалел, что обманул родителей, забив на сбор документов в военный вуз. Было уже поздно как-то исправлять ситуацию и ему пришлось наврать отцу про некоего мифического горе-прапорщика из районного военкомата, потерявшего, по пьянке, личное дело будущего курсанта Малыгина. А сдача всей необходимой документации закончилась месяц назад. Михаил Петрович, хоть и не обладавший крутым нравом, тем не менее имевший определенные связи, схватил было телефонную трубку, дабы разрулить ситуацию, но отпрыск сдержал его

порыв, пояснив, что прапора выгонят из войск без пенсии и прочих средств существования. А у того трое детей. Милосердие, почти по Булгакову, постучалось в сердце Малыгина-старшего и телефон вернулся на коридорную тумбочку. На дальнейшем семейном совете было принято решение не терять год болтанием без дела и, во избежание грядущего призыва, поступить в какойнибудь гражданский вуз, пересидеть там, а потом спокойно, без дерготни и нервоотрепки, направить свои стопы в избранную военную колею.

И здесь не обошлось без принципиальных противоречий. Родители настаивали на любом ярославском вузе, Леха готов был ехать во Владивосток, лишь бы удовлетворить позывы своей мечущейся натуры. Отец настаивал на физтехе, физмате или, черт с ним, факультете физической культуры. Сына же непреодолимо влекло к отечественной истории либо, Бог с ней, юриспруденции. Победил, в конце концов, младшенький, правда, как это и положено при компромиссах, малость уступив. Остановились на Вологде (всего 200 км плюс многочисленные знакомые и родственники) и историческом факультете местного пединститута (по данным старшего, выпускники этого вуза очень часто поступали на службу в органы госбезопасности). Экзамены прошли как по вологодскому маслу, благо количество грамот олимпиад по истории превышали количество медалей, полученных вследствие обмена ударами на ринге.

Вот, собственно, так затейливо и непросто Леха оказался 30 августа 1994 года в общежитии Вологодского педагогического института на ул. Горького.

* * *

Первый этаж общежития напоминал о своём предназначении разве что коридорным форматом расположения дверей. В его полутьме навстречу Лехе попадались какие-то сильно небритые кавказцы в кепках, на дверях белели куски картона с надписями типа «ТОО Глория» или «ИЧП Махарадзе», колени бодали острые углы деревянных ящиков.

С грацией пьяного бегемота Зинаида Полуэктовна оплывала препятствия, успевая при этом матюгнуть беспорядок или многозначительно мигнуть очередному кепконосцу. Вознесясь на пятый этаж, Леха, ведомый комендантом, остановился около, аляповато окрашенной в убогий зеленый цвет, деревянной двери с цифрой 18, исполненной мелом. Первое что бросалось в глаза, это литровые и пол-литровые банки возле каждой двери в комнату. Забитые, где до отказа, где наполовину окурками, они, очевидно, исполняли роль пепельниц. А прокуренное пространство коридора – место для курения. Так как искомая комната находилась в конце коридора, то самой дальней точкой Алексей разглядел дверь с анахроничной надписью «Место для курения».

– Заходи, – комендант толкнула незапертую дверь, – здесь твоя обитель... Ик!

Служение при высшем учебном заведении наложило свой отпечаток на речь Зинаиды Полуэктовны, не сумев, правда, совладать с её манерами.

– Повезло тебе, костромской, – обзрев четыре панцирные кровати, стоявшие по углам запущенной комнаты, ухмыльнулась Зинаида Полуэтовна, – вчетвером жить будете.

– А как ещё бывает? – помещение произвело на Леху гнетущее впечатление.

– Вдесятером! Я могу, ведь, и вьетнамцев подселить... Такая вот я, кавээнщица...

Зинаида Полуэктовна, оставив Алексея одного в раскрытой пасти студенческого логова, балетно (в её понимании) упорхнула в сторону лестницы.

– Матрас получишь послезавтра, когда выйдет кастелянша! – д онеслось от лестничного пролета, – и не бухать!

Леха никогда не был маменькиным сыночком, но в этой ситуации растерялся. Комната представляла собой мышиную нору, элементами цивилизации были разве что кровати и плакат «Рокки 4» на внутренней стороне двери. Всё остальное могло служить объектом археологических раскопок. Шкаф, подернутый паутиной, двое разношенных кроссовок 45-го размера,

обе на левую ногу, картонные коробки, практически во мху, доверху забитые какими-то бумагами. Венчали «образцовый порядок» лужицы засохшей блевотины в дальних углах нового лехиногo пристанища.

– Черт поberi... – коротко – горестно резюмировал Леха и опустился на ближнюю койку.

Панцирная сетка, ослабленная за годы нещадной эксплуатации, безвольно сопроводила задницу до пола, при этом приложив усталого путника коленями в нос.

– Черт! – уже в сердцах чертыхнулся Леха и выбрался из эмбрионального положения.

Дурацкое полупадение привело его в чувство. Обозлившись на свою, давшую сбой, координацию, он бросил сумку на кровать и решительным жестом взялся за створку облупленного шкафа. Найти веник, швабру, тряпку. Провести полномасштабную генеральную уборку и постараться жить в санитарных условиях. Руководимый этим благородным порывом, он рванул дверцу.

Всё что, видимо, не принимали в пункты стеклотары, горным оползнем обрушилось на новоиспеченного студента. Квадратистый «Ройял», нелепая «Ламбада», пузатый «Слынчев Бряг», нерусская «Кремлевская», смуглый «Амаретто» и еще какая-то экзотика, накрыла запашиной просроченной консервации. Да и хрен-то с ним, с запахом, но стеклянный поток вывалился со всех полок. Пустая тара звонко саданула по макушке, чувствительно пронеслась в области паха и пребольно челомкнулась по колену. А приземлившись, алмазно разлетелась на искрящиеся осколки.

Леха, схватившись за набухающую на голове шишку, отступил к «Рокки 4». Дурацкое «это крах» вертелось в загудевшей голове. Помимо воли, затряслись губы, и захотелось домой. К маме и папе. Сдерживая эмоции, выбитые стеклянным углом «Ройяла» в краешках глаз, он вышел в коридор. Постояв перед дверью в свою комнату, направился в сторону общей кухни. Сменить обстановку и успокоиться.

– Черт... – уже шепотом, потирая ушибленную голову, резюмировал потерпевший от стеклопада.

Кухня с четырьмя электроплитами стойко и сразу ассоциировалась с городской свалкой. При этом плиты были равнозначными элементами её декора, как и обязательная стеклотара, изломанный коробочный картон или, опаскуженные и похвачанные ржой, тазы и кастрюли.

Леха тормознул на пороге, выбирая из помойных зол меньшее. Вернуться в комнату и всё-таки попробовать навести без каких-либо подручных средств порядок. Или же перевести дух на новой территории. Мыслительный процесс не был длительным – на лестничной площадке раздались голоса, поднимаясь к пятому этажу.

Несколько беспомощно оглянувшись на человеческие звуки, Алексей увидел двоих молодых парней примерно, плюс-минус пара лет, его возраста. И ещё одного лет под тридцать, костистого и хмурого мужчину. Даже его, житейски неопытного взгляда, хватило, чтобы понять: эти трое не претенденты на получение высокого педагогического статуса. Лица молодых, несмотря на относительную свежесть, были уже подернуты некоей инакостью, а, стянутая желтоватой маской «блатной-уголовный», физиономия старшего сразу же заставляла напрячься.

– О, свежачок... – полулениво протянул, зашедший первым номером, – что пирожки мамини из жопы вылезли? Покишкоблудить потянуло?

Был он самый крепкий из всех, на полголовы выше Лехи, раза в два шире в плечах, с набитыми костяшками мощных кулаков. Леха молчал, не зная отвечать что-то или подождать продолжения опросной процедуры.

– Погодь, Буча, – скрипнул старший, придержав за рукав олимпийки, двинувшегося вперед «бычка», – может с понятием чувачок, может уделит на общее, не кобенясь...

Что такое «общее» Леха знал, правда, понаслышке. Но как-то себя объектом рэкета он точно не ощущал. А то, что парни принадлежат к представителям бандитской фауны, подтвер-

ждали расписанные синими перстнями фаланги старшака, манера держаться и соответствующая лексика.

– Откуда?

В голосе, взявшего переговорное лидерство, блатного не было интереса, скорее присутствовала формальная фальшь. Что-то типа обязательной, но не очень нужной процедуры.

– Из Ярика... – Леха чуть отступил назад, прикидывая расстояние между своим визави.

– Кого знаешь там? – чуть напористее продолжил тот, – «иванчиков», «диких», «македонских»?

– Особо никого...

– Лошина, – коротко прикончил Буча, – не в коллективах, не уделял.

Алексей не понимал причины агрессии в словах своих первых вологодских знакомцев. Ни здрасте, ни пожалуйста. С ходу «включение быка» и перспектива физической расправы.

– Я с «добряковскими» в спортзале занимался, – наконец нашелся он, – в Брагино...

– Не знаем таких, – чуть помедлив, процедил возрастной, – с портсмены, по ходу, пусто-головые...

Буча, подавшись вперед, амортизируя бицепсами, постукивал кулаком в ладонь. Третий молодой, после слов о спортзале сместился левее, оказавшись между двух загаженных электроплит.

– Хера с ним говорить, – рыкнул Буча, – бабки есть?! А, бес?!

Его лицо настолько приблизилось к лехиному, что тот ощутил несвежий выхлоп давно нечищенной полости. К знакомым ощущениям предстоящей драки примешивалось чувство противного страха. Всё-таки один и в чужом городе. Никто не поможет. И убежать некуда.

– Откуда... – Алексей отшагнул и уперся поясницей в кухонный подоконник, – на следующей неделе родаки приедут. Привезут...

Он, скорее, уловил движение воздуха, нежели увидел летящий кулак третьего безымянного. Нырок, уход и нога, предательски угодив в кучу мусора, потянула Леху в сторону. Пытаясь удержать равновесие, он свалился на колено и тут же пропустил.

Буча, по-боксёрски финтанув правой, вlepил мощного крюка левой. В голове пушечно взорвалось маленькое солнце. Цепляясь сознанием за край вспышки, Малыгин увидел летящую, обутую в белый кроссовок, ногу. Болезненным усилием выставил блок, но всё равно зубодробительный пинок наполнил рот соленой кровью. Самое плохое – потемнело в глазах. Леха оттолкнувшись коленом от пола, рванул вверх – влево. К третьему, к тому, кто по-подлому пытался его вырубить. Ещё одна вспышка, на этот раз в кулаке, импульсом отозвалась в мозгу. Прямой правой достиг своей цели – соперник завалился между плит. Но и Леха, очевидно, повредил лучевую кость. Правда, этой боли, он не успел до конца прочувствовать. Буча – центнер живого веса, сконцентрировавшись в одной кулачной точке, свалил его на запаршивленный пол общажной кухни. Тут же, словно в формате кузнечного цеха, посыпались удары с двух сторон. Помощнее от Бучи, побольнее от старшего.

Угасая, Леха краешком заплывающего глаза, удовлетворенно отметил неподвижность лежащей фигуры одного из «блатных». Последним усилием воли подтянул колени к лицу, закрыв голову руками.

– Вы что, охренели?!

Полуматерная фраза, где-то далеко, за плотной стеной минваты отбитой головы спасительно царапнула слух. Поток ударов прекратился, но Леха не спешил отрывать руки от головы. Прижатые ладони дарили иллюзорное ощущение защищенности, не давали пульсирующей боли разбрестись. Да и желания возвращаться в реальный мир не было. Рот постепенно наполнялся вязкой кровью, надорванное ухо саднило, голова колокольню гудела. Запах мытого раз в год пола, вперемешку с амбре мусорной кучи, навязчиво поглаживал обоняние.

– Харлам, ты бы не вписывался... – голос старшего зазвучал не то, чтобы испуганно, но с меньшей уверенностью, – этот непуть, вон, Грифа рубанул, да на Бучу дернулся...

– Непуть твой, по ходу малолетка ещё, – невидимый Харлам не робел, но и Робин Гуда из себя не корчил, – завтра папа-мама заяву в ментовку накачают, опять на годик в бега подадитесь...

– Если никто не подскажет, не накачают, – неуверенно прозвучал Буча, – с ним просто познакомиться хотели, потереть за жизнь...

Судя, по голосам, оба блатных находились к Лехе спиной, в углу, поднимаясь, кряхтел Гриф.

Алексей осторожно убрал ладонь от лица. Одним, неповрежденным глазом, чуть туманясь, разглядел своих оппонентов и, стоящего на пороге кухонного помещения, высокого, крепкого парня. На студента он был не очень похож. Майка-тельняшка, татуировка «меч-щит-звезда» на плече и короткая стрижка.

Тренировочные штаны с пузырями на коленях, полотенце на шее и зубная щетка в руке, завершая образ, позволяли предположить, что живет-то он точно в этом общежитии.

– Живой? – Харлам подшагнул к Лехе, оказавшись между его оппонентами.

– Ну... – М алыгин глухо кивнул в сгиб локтя.

Крепкая ладонь ухватила за плечо и потянула вверх. Алексей, пошатнувшись, встал и прислонился к подоконнику. Взгляд плыл, во рту солонило, голова кружилась.

– Терпилой будешь? – парень в тельнике пробежался глазами по лицу и фигуре Малыгина.

– Не планировал, кх... – всё-таки не смог Леха сдержать густой кровавой слюны.

Тягуче сплюнул на пол кухни. Его оппоненты уже не так агрессивно, но всё ещё далеко немиролюбиво сплотились перед входным проемом. Буча, откровенно свирепел и бил копытом. Старший что-то зло «гонял», переводя взгляд с Харлама на Малыгина, Гриф морщился от боли, отходя от пропущенного удара.

– Хер с ним... – веско обронил, наконец старшак, – пусть дышит, но если он к мусорам дернется спрос, Харлам, с тебя будет... Как с понимающего...

– Разберемся...

Харлам остро глянул в глаза Малыгину и полностью развернулся в сторону блатных. Взгляду Лехи теперь предстала лишь мощная, в бело-голубую полоску, спина.

* * *

Дима Харламов, или в миру Харлам, был родом из небольшого районного центра Вологодской области. По окончании средней школы, томимый романтикой фильма «В зоне особого внимания», он рванул в Рязанское училище ВДВ. Спортсмен-дзюдоист, отличник, участник всевозможных «зарниц» и турпоходов, Дмитрий железобетонно подходил под параметры элиты российских Вооруженных Сил. Но на абитуре с ним приключилась какая-то мутная история, о сути которой он никогда никому не рассказывал. Как бы то ни было, возможности перекинуть документы в другой вуз после провала уже не было. Полгода отработав тренером в родной спортшколе, он легко и непринужденно отправился служить в армию.

Вопреки всем ожиданиям, призывник Харламов попал не в «продуваемые всеми ветрами» войска, а в учебку Московского погранотряда. И далее, окончательно нелогично, вместо спортроты, рядовой Харламов оказался на одной из горных застав республики Таджикистан.

Отдаленное эхо событий в, раздираемой гражданской войной, республике долетало и до европейской части России, но как-то невнятно и непримечательно. Вроде воюют там наши пограничники... Погибают даже... Гораздо интереснее и ближе политические встряски, бандитские разборки и американская гуманитарка.

Дмитрий, демобилизовавшись, не тратя времени на постармейское обязательное бухалово, подал документы в Вологодский пединститут на факультет физического воспитания. К описываемым событиям он уже успешно приступал к обучению на четвертом курсе. Многие суровые парни так называемого «молчаливого подвига» знали его по успехам на борцовском ковре, личному знакомству с Сашей Травниковым, одним из известных в городе тренеров по самбо (а по милицеевским бумагам «лидером ОПГ») и жёсткой позиции к, различного рода, «страдальцам за общее».

Вот и сегодня достаточно типичная ситуация по экспроприации студенческой мелочи местным уголовным элементом не прошла без участия «травниковского» бойца. К счастью, для Лехи Малыгина.

- Давай, парни... Удачи...
- И тебе не хворать...

Скрипуче-сухое прощание и троица со злобным достоинством ретировалась из кухни. А судя по удаляющемуся шарканью шагов и с этажа.

- Димон, – з аступник протянул ладонь.
- Леха... – Малыгин немного растерялся – ладони были испачканы кровью, кисть набухла.

Дмитрий широко улыбнулся и тряхнул его за предплечье:

- Не буксуй, вон, умойся в раковине, я сейчас бинт и перекись принесу.

Пока Алексей приводил в порядок свою пострадавшую внешность, Харлам, вернувшись с необходимым аптекарским набором, умело и сноровисто обработал последствия хлебосольного вологодского приема.

- Ты на физвос? – оглядев творения рук своих, спросил Харламов.

– Второй раз за день на физвос записывают, – п оморщившись, улыбнулся Леха, – на истфак, так получилось...

– Хм, на истфаке как и на инязе, в основном бабы да чертополохи, – хмыкнув, пояснил Дмитрий, – а ты ни на тех, ни на других особо не тянешь... Ладно, пойдем ко мне в комнату, чайку заварим... Кисть завтра медику покажешь.

Они вышли из кухни, направившись в противоположную от лехиной комнаты сторону. Жил Харламов в другом крыле, которое ничем особо не отличалось, лишь перед дверьми комнаты, где они остановились, белой краской был очерчен контур лошади. Леха хотел было спросить о концепции этой инсталляции, однако чуть дальше разглядел надпись: «Здесь упала капля никотина».

– Кавээнщики по пьянке куражатся, – перехватил его взгляд новый знакомец, – поживешь в общаге – ещё не такое увидишь... Заходи.

Комната Харламова разительно отличалась от лехиной «норы», однако несла в своем общажном уюте элементы легкого мужского беспорядка. Например, две по-армейски заправленные койки диссонировали с сохнувшим на батарее кимоно. А покрытый чистой скатертью стол, без следов и разводов, не сочетался с небольшим холодильником, колченого устроившимся на стопке учебников. В целом же опрятные обои, прикроватные коврики, симпатичные шторы и аккуратный шкаф дарили мысль о том, что всё не так уж плохо.

Дмитрий гостеприимно усадил Малыгина за стол и принялся хозяйничать. Банка с водой – кипятильник. Пара подсохших ватрушек. Початая банка с медом. Щедрая горсть заварки во вскипевшую мощными пузырями воду.

- Блин, мне ж мама с собой два пакета еды положила, – Леха сорвался с табуретки.
- Успеешь ещё, – новый знакомый приземлил прыть первокурсника, удавив ладонью обратно за стол, – пять лет учиться...
- Откуда сам? – разлив крутозаваренный чай, спросил Харламов.
- Из Ярославля, – Леха взялся за железную кружку и тут же отдернул руку, – горячо, уф...

– Хм, – Дмитрий невозмутимо (ну, слегка поморщившись) отпил угара, – ч то в таком городе своего «педа» нет?

– Есть, – Алексею наконец удалось совладать с ручкой кружки, – родители в воспитательных целях отравили, чтоб жизнь прочувствовал так сказать...

– Ну, с почином! – хмыкнув, собеседник протянул свою посудину.

Леха ответил и, отпив горячего напитка, тут же, неаккуратно поставил кружку обратно. Кипяток обварил и без того пострадавшую полость.

– Вот ты проблемный, – с интонациями старшего брата Харламов подал с полочки банку с холодной водой, – запей быстрее.

– А почему в твоей комнате двое? – закончив с реанимационными мероприятиями и погасив боль, поинтересовался Малыгин.

– Да так получилось... Со мной живет кавээнщик один, Артемий зовут. Он то ли капитан институтской команды, то ли главный писака, – Дима улыбнулся, – короче, выпросил он себе отдельную площадь. Типа, писать, творить, сочинять... А сам «на стакан» присел и девок таскать начал. Вот его как-то комендаха во время очередной групповухи и застукала. Технику безопасности не соблюдал – закрыться забыл. Хоть он в такую дугу бухой был, что саму комендантшу поучаствовать пригласил! Та, кстати, тоже под градусом была, может быть, и согласилась, но тут девки засопровтивлялись. В общем, хотели его пинком из института и в армию, но высшие силы вмешались – финал областной лиги замаячил – и Темушку оставили. А меня к нему лично ректор попросил подселиться.

– Тоже в воспитательных целях? – паснул свою проблемку Малыгин.

– Скорее в пенитенциарных... – продемонстрировал юридические познания Харламов, – так сказать, надзирать за ценным кадром, чтоб не спился и в нужные моменты творчеством занимался...

– Его рук творение? – вспомнив об убитой никотином лошади, кивнул на дверь Леха.

– Не-а, это младшие научные сотрудники в команду просятся, – Харламов отпил ещё глоток, – ладно, завтра этот волосатик приедет познакомишься. Тебя-то в какую заселили?

– В восемнадцатую...

– А-а после пятикурсников, – кивнул Дмитрий, – ну, не завидую... Они после «госов», да и вовремя сдачи, жрали до потери сознания. Там не только уборку, но и дезинсекцию с дезактивацией делать надо...

– А ты после армии? – Леха свернул с неприятных мыслей о своём новом месте жительства.

– Ага...

– А где служил?

– В погранцах, – как-то неохотно ответил Харламов, – мало интересного...

Алексей понял, что Дмитрию не хочется разговаривать на эту тему. Тот же, в свою очередь, молча сделав глоток, встал из-за стола.

– На тренировку мне надо, – сообщил Дмитрий, – ты-то со спортом как?

– Боксом занимался... Первый взрослый.

– Похоже... Грифа хорошо припечатал, – Харламов вытащил спортивную сумку из-под кровати и принялся утрамбовывать туда кимоно, – не бросай, здесь школа неплохая. В «Труде» или «Динамо»...

– А ты что каратист?

– Нет, – засмеялся Дима, – дзюдо-самбо, КМС ¹... Скоро зона северо-западная, хочу мастера выполнить.

– Ты надолго? – Лехе нравилось общаться с этим сильным, не по годам здоровым парнем.

¹ Кандидат в мастера спорта. – Прим. ред.

- А ты что один остаться боишься? – улыбнулся тот.
- Да нет... – стушевался Малыгин, – просто скучно одному. Да и город чужой, податься некуда...
- Лады, пошли со мной. Я как раз в «Труде» занимаюсь, там и зал бокса есть. Может Андрей Сергеевич там будет, познакомишься... Форма спортивная есть?
- Конечно, – радостно кивнул Малыгин, – а кто такой Андрей Сергеевич?
- Тренер по боксу, – коротко ответил Дмитрий, – давай, не тяни kota за яички. Иди, собирайся...

* * *

Так началась самостоятельная лехина вологодская жизнь. Трещина лучевой кисти срослась как на собаке, поэтому к тренировкам он приступил через пару недель. Ненавязчивое и неожиданное шефство Димы Харламова позволило ему адаптироваться достаточно быстро в непривычной атмосфере. Тот быстро втянул его в пропахшую мужским потом спортивную атмосферу. Разложил за пару дней психотипы преподавателей и прочих местных знаменитостей. И даже помог Лехе с ликвидацией мусорного наследства.

В комнату к Малыгину подселили ещё пару первокурсников-историков. Оба они были, надо заметить, типичными представителями «ботанической» породы. Прыщавы, щуплы и малоразговорчивы. Оба приехали из близлежащего райцентра, туда же и планировали вернуться. Группа же, как и ожидалось, была подавляюще женской – из двадцати шести будущих историков лишь четверо, включая Леху, были представителями сильного пола. Все парни оказались иногородними, соответственно «общажными». Однако лишь с одним из них, двухметровым баскетболистом Ромой Кабановым, у Алексея сложились приятельские отношения. Может быть, сказалась некая спортивная закваска, а может быть, то, что Кабанов, в отличие от большинства студентов, так же, как и Малыгин, не был вологодским. Приехал учиться из Сыктывкара. Там он выступал за городскую баскетбольную команду. Был самым перспективным игроком, заполучить которого жаждал спортивный факультет местного университета. Однако непосредственно перед подачей документов Роман резко переменял своё решение.

Обязательную медкомиссию абитуриент проходил в городской поликлинике. Дисциплинированно обходя врачей профосмотра, он зашел в последний кабинет терапевта.

Крупная тетка, со скандальными складками на лице брезгливо приняла у него карточку, не удостоив пациента взглядом.

– Куда поступаешь? – наконец спросила она, подняв глаза на уровень одного метра девяносто пяти сантиметров.

– На спортфак... – Рома мялся. Сестры не предложили, и он не знал, куда деть свои безразмерные конечности, – на факультет физической культуры...

– Понятно, – врачиха неприятно осклабилась, – откуда мозгам-то взяться... Только с мячиком скакать.

Рома вспыхнул, заалев шей, лбом и щеками. Обида подавила эмоции и он, катая желваками, ответил на формальные вопросы. Затем терпеливо дал себя ощупать-послушать. Когда необходимые врачебные действия закончились, и врачиха подала документы, Кабанов выдал:

– Я вам не дебил! И с мозгами всё в порядке! Я вам всем докажу!

Шарахнув дверью, выскочил из кабинета.

Всё дальнейшее происходило с кинематографической скоростью. Экзамены в Сыке, на физвос на «отлично», затем поездка в Вологду. Абитура. 15 баллов из 15 возможных на истфак. Всё всем доказал. Можно возвращаться в привычную спортатмосферу республики Коми. Вот только новая жизнь и чужой город так понравились Роме, что он принял решение остаться и получать профессию учителя истории.

Как водится, начало первого учебного года состояло преимущественно из масштабных лекционных курсов. Болтание по обшарпанным аудиториям, частые переходы из корпуса в корпус, механическая писанина конспектов и ежедневные тренировки в «Труде» быстро замонотонили новый быт. Уже через месяц двести километров до Ярославля казались Алексею далекой-далекой родиной. На выходных он ходил на переговорный пункт и, пользуясь тем, что «сожители» уматывали домой, дрых до обеда, пытаясь выспаться впрок.

С непривычки стесняясь большого количества девушек, Леха старался часто не выходить на кухню или в коридор, давясь всухомятку батонком с молоком или ещё не закончившимися домашними консервами. Да и готовить, кроме пельменей, он ничего и не научился. При этом степень готовности блюда определялась степенью залитости электроплиты кипящей водой. Харламов же все выходные отсутствовал – работал охранником в одном из ночных клубов. Кстати, если быть откровенным, то и общага в выходные дни мало чем отличалась от развлекательного заведения. Всенощное бухалово, скрипы-вздохи изношенных кроватей, пьяные вопли и Линда с «Мало-мало-мало огня!» легко и непринужденно создавали декорации районного дня Молодежи. Первокурсники, в силу малого срока учебы, в подобного рода мероприятиях пока не участвовали, но очень хотели. Да и страх «залететь» и, как следствие, вылететь, добавлял дисциплины в неокрепшие первокурсные головы. Конечно, попадались отдельные особи, умудрявшиеся злоупотребить, а точнее нажраться либо в грустном одиночестве, либо в компании таких же перспективных педагогов. Состоялась парочка громких залетов – неумело опохмелившийся «первак» блеванул на семинаре, а бодрая компания будущих физруков разодралась на дискотеке с курсантами школы УИН². В первом случае ограничились внушением и перво-последним китайским, во втором «физвосников» отчислили по настоянию милицкого руководства – курсанты бой проиграли в виду явного преимущества студентов. Курсантов, в общем-то, тоже отчислили.

В целом учеба напоминала Лехе некий преподавательский дайджест-рейтинг. Если лектор оказывался интересным рассказчиком, то и предмет вызывал желание изучения. Например, в принципе не очень динамичная логика в исполнении Бори Шмакова, в прошлом призера молодежного первенства страны по боксу, априори была Малыгину интересна. Тем паче разъяснение теории на примерах Тайсон – Холифилд даже у «ботанических» студенток вызывало веселый интерес. В то же время монотонный бубнеж аспиранта кафедры отечественной истории Саша Гальцева, вчерашнего студента, ни к чему, кроме желания всхрапнуть, не сподвигал.

Тренировки отнимали достаточное количество времени, но, с учетом того, что спортзал находился в 15 минутах ходьбы от общаги, это не напрягало. Скорее наоборот, мотивировало. Во-первых, возможность вырваться из загаженных помещений общежития и, как следствие, посетить более-менее нормальный душ, во-вторых, возможность лишний раз пересечься с Харламовым после тренировки и совместно совершить променад обратно. В-третьих, лехины показатели вселяли уверенность в победу на ближайших областных соревнованиях. Тренер Андрей Сергеевич Краснов сумел, так организовать тренировочный процесс, что присутствовал в спортзале в эпизодической роли небожителя, отдав ежедневную рутину наиболее перспективным своим ученикам. В то же время его появление в зале, веские замечания и очень ценные подсказки вносили необходимую корректуру в подготовку молодых боксёров. Мутные слухи о некоей статусной роли «дяди Андрея» в околोकриминальном мире хоть и доходили до начинающих спортсменов, однако лишь добавляли авторитетного веса в, – и без того легендарную, фигуру обладателя кубка СССР. Именно Андрей Сергеевич первым увидел потенциал в ярославском новичке и дал команду Роме Ушакову, своему основному воспитаннику, персонально готовить боксёра к первенству области. По этой причине, Малыгину банально не

² Управление исполнения наказаний.

хватило бы сил разнообразить свой распорядок, не говоря уже о каких-то загулах и пьянках. «Красновская» методика таких вариантов не предусматривала.

Таким образом, проживая институтские будни, общажные выходные и «пахотные» вечера, студент Малыгин уверенно дошагал до Нового года.

* * *

Турнир «Новогодняя Елка» традиционен во многих видах спорта. Особенно в формате юниорских и молодежных состязаний. Но, наверное, есть некие элементы юмора в названии применительно к боксёрскому первенству. Ассоциации с фонарями, шишками и прочей яркой мишурой примериваются гротескной перспективой к внешности боксёров по окончании поединков.

Леха впервые выступал не в родных стенах. Получить свой первый взрослый ему удалось, не выезжая из Ярославля, благо количество турниров в родном городе – от детских до мастерских – всегда хватало. Однако здесь, в Вологде, предстартовый мандраж был иным. Дома в помощь родным стенам на соревнования приходили друзья и знакомые, информация о лехином участии анонсировалась в школе. Во взглядах одноклассниц юный боксёр усматривал безмолвное обожание женами римских патрициев иноземного гладиатора. Сейчас же всё было иным. Девчонки из группы вяло прореагировали на оброненную им новость, общажные знакомцы отделались комментариями, типа «делать тебе не хрен», а парни из секции бокса в большинстве своём были потенциальными соперниками. К тому же местными, что, малость, ещё и усугубляло. Интерес проявил лишь Рома Кабанов, пообещавший прийти на второй день соревнований, «если доползешь», – пояснил он. Ну и, конечно, Харлам. Он готов был даже секундировать Лехе, но, к сожалению, советы самбиста-дзюдоиста вряд ли могли помочь на боксёрском ринге. По этим причинам к обычному волнению перед боем примешивалось ощущение некоего угла. Впечатления формата «Один на льдине». Это злило и пугало одновременно.

Гомон зала глухо гулял по раздевалке. Малыгин уже от-фиксировал своего соперника на вывешенных листочках сетки соревнований. И даже совместил с персоналией. Это был парень из его же клуба, правда на год постарше и занимавшийся в другие дни. К тому же он учился на физвосе в родном уже пединституте. Заявлен был как второразрядник. Бои легковесов, как правило, открывавшие турнир Леха краем глаза успел зацепить, однако, когда пошли веса за 60, он ушел в раздевалку. Бинтоваться – разминаться. Харламов остался в зале отслеживать ход поединков.

Бинты где-то за полчаса, бой с тенью, «двочка» по лапам, дружески поставленным Харламом. Ещё минут десять на скакалке. В зал.

– В красный угол ринга приглашается воспитанник «Труда» Алексей Малыгин! – голос главного судьи, усиленный и искаженный, прозвучал внезапно. Несмотря на то, что Леха уже в шлеме и перчатках готовился взойти за канаты. Секундантом выступил парнишка-легковес, уже отбившийся в своей категории.

– Бокс!

Соперник коренасто-лобастый уверенно пошёл вперед. Все его мощные боковые Леха видел на стадии подготовки. Мышечная память реагировала мгновенно. Нырок, ещё нырок. Пара прямых на отходе. Тело всё делало само. Алексей ощущал своё преимущество и не торопился им воспользоваться. Необходимо втянуться, вкусить. По-боксовать.

– Бокс!

Второй раунд. Оппонент ощутимо злее. Мощные свинги и джебы пробивают защиту. Это уже неприятно. Заигравшийся Малыгин оказался в углу. Выход сложный, через удары. Апперкот прошел. Засолонило во рту. Это уже боль.

В глазах потемнело. От злости. Используя разницу в росте, Леха разорвал дистанцию, пробив серию жёстких прямых. Соперник провалился, пытаясь достать размашистым полукругом. И нарвался. Кросс между рук навстречу.

Леха окраиной сознания, сузившегося до размеров ринга, уловил как гул зала резко погас. Противник повалился на настил ринга. Первый нокаун этих соревнований.

Восемь – девять – аут!

Нет, нокаут.

Агрессия поединка постепенно поглощалась радостью победы. Рефери и секундант придержали шатающегося соперника, пока врач обмахивал лицо нашатырной ватой. Леха, согласно правилам, терпеливо ждал в углу. Сквозь возобновившийся гомон, он услышал радостный голос Харламова.

– Леха, молодец!

Малыгин повернул голову и увидел своего друга. Столь искренне-широкую улыбку он видел на его лице впервые. Леха успел лишь ответно кивнуть, как рефери вытянул его за руку на середину ринга, объявив победителем.

Первый день соревнований неохотно отпускал из своего клинча. Леха, смаргивая падающие на глаза хлопья тяжелого снега, неторопливо шагал из спорткомплекса в общежитие. Спортивная сумка, слегка потяжелевшая от напитанной влагой спортивной формы, приятно оттягивала плечо. Харлам, встретивший каких-то своих знакомых в спорткомплексе, излишне поспешно отослал Малыгина в общагу. Во всём теле Леха ощущал эндорфиновую тяжесть готовых к завтрашнему бою мышц, слегка пьянящее ощущение предстоящих схваток. Полное осознание нужности спортзальной пахоты уместилось в два раунда по три минуты.

Суббота прошла в режиме легкого адреналинового драйва. Ещё один бой, на этот раз с соперником из небольшого райцентра. Парень совсем сырой, прошедший в полуфинал вместо, получившего травму, череповчанина. Алексей не стал его мордовать, легко переиграв по очкам. Никакого благородства на самом деле. Простой спортивный расчет. В финале он выходил на мастера спорта и «вымахаться» в проходном поединке было бы нелогично. Поэтому Малыгин, быстро отбившись, быстро ушел.

Соседей в комнате не было, и он рассчитывал немного побыть в себе. Настроиться на бой, по правильному «погонять», отключиться от нервяка. Будущего визави он знал, тот тренировался и в «Труде», и в «Динамо» и ещё где-то. Там, где, по всей видимости, была своя тусовка. Тусовка обладателей фирменной амуниции, импортных перчаток и «адидасовских» костюмов. Был он года на два – три старше Лехи, учился в местном юридическом ВУЗе на третьем курсе, по слухам, имел папу-коммерсанта и обширные связи в криминальных кругах. По крайней мере, на тренировки приезжал на «девятке» цвета «мокрый асфальт», наглухо тонированной. Юра Ермаков, «Ермак», модный и мощный, с наглой ухмылкой на симпатичном лице. Как-то на тренировочных спаррингах Малыгин видел, как тот играючи отправил в нокаун соперника, но упасть ему не давал, продолжая отрабатывать «поплывшего» «по этапам». В итоге парень свалился от нокаутирующего удара по печени, а Ермак обнажил в самодовольной ухмылке «гриннхилловскую» капю. Жестокость собственного мастерства приносила ему большее удовольствие, нежели спортивные достижения. Леху, как, впрочем, и большинство «сборников», он воспринимал манекеном, встроенным приложением спортивного зала. Мог безапелляционно кивнуть головой, приглашая в ринг на тренировочную схватку, даже не взглянув на выбранного бойца. Лехе с ним спарринговать не приходилось. Может, в силу того, что тот обычно «тренил» в углу зала, а не на ринге, а может Ермаков не считал его за достойного соперника.

Тренерский состав «Труда» к Ермакову почему-то относился как к необходимой части учебно-воспитательного процесса и в его нечастые визиты-спарринги не встречал. Но самым колюще-неприятным комочком был эпизод, нет, скорее штрих, произошедший около судей-

ского столика. Когда формировался протокол второго дня и определялись финальные пары на воскресенье, Ермак вальяжно подошел к секретарю судейской комиссии. Никто из молодых спортсменов на такую борзость не осмеливался, да и многие тренера дожидались официального объявления результатов. Хотя большинство уже имело представление о том, кто с кем будет драться. Перегнувшись через плечо секретаря, Юра, видимо, срисовал фамилию своего оппонента, но с физиономией не совместил.

Леха же, просчитавший свой «залет» на мастера спорта, сидел на дальних рядах выставленных в зале стульев, и сглатывал застрявший от волнения комок в горле. Естественно, он поймал взглядом трехполосную олимпийку Ермакова, как только тот вошел в глухо гомонящий спортзал. Он увидел, как тот, прочитав бумаги, спросил о чём-то секретаря. Судейский неопределенно отмахнулся. Тогда Ермаков, мазнув взглядом по залу, подошел к группе «трудовиков» для уточнения фамилии и образа неопределяемого противника. Кто-то из парней, поискав глазами по залу, вытянул руку в лехину сторону. Малыгин максимально равнодушно рассеял взгляд, продолжая вести наблюдение боковым зрением. Меньше всего ему хотелось, чтобы его волнение узрел будущий соперник. Страх, даже в самом копеечном его объеме, не стоит никому показывать. Так учил его тренер, ещё в Ярославле. Ермаков, ткнувшись в указанное направление, увидел Малыгина и облегченно осклабился. Даже, наверное, удовлетворенно хмыкнул. Хотя с такого расстояния Алексей ничего услышать не мог. Он лишь видел, как Ермаков хлопнул собеседника по плечу и, более не устаивая вниманием Лехину персону, неторопливо пошагал на выход. Расслабленно поигрывая ключами от автомобиля. В его поведении не было какого-то особого позерства или понтов. Обычное поведение сильного и уверенного на фоне слабого и рефлексирующего. Однако именно эта манера молчаливого превосходства стероидно повысила уровень лехиной агрессии. И речь здесь уже шла не об абстрактной спортивной злости, а о конкретном желании сломать этого самоуверенного альфа-самца. Выбить (не сбить!) спесь, доказать, что побеждать можно не только мастерством, но и решимостью.

Однако в общаге всё изменилось. Вместо спокойного анализа предстоящего боя на полную мощность включился режим паники. Страх угодливо предлагал миллион вариантов «откоса». Придумай растяжение, обвари руку кипятком, свали в Ярославль... Подобные рефлексии и «загоны» приключались с Малыгиным только в самом начале боксёрской карьеры. И, признаться, сейчас он не понимал природу панических настроений.

На самом деле всё было просто. Леха, наверное, впервые по-настоящему столкнулся с другой жизнью. Предстоящий спарринг, в прямом понимании, не был спортивным поединком. Боксёрские начинания Малыгина приходились на самое начало 90-х годов, когда бокс действительно уравнивал. Все находились примерно в одинаковом социальном статусе. «Главспорт-промовские» перчатки, кеды вместо «боксёрок», стандартные майки-трусы. И суть не в советской «уравниловке». В конце концов, дефицитные «Гринн Хиллы» или «Адидасы» всплывали периодически и у ярославских одноклубников. В боксе действительно все были равны. Мастер спорта пахал с тобой на тренировке с одинаковым, а то и большим упорством. Потом на трамвайчике пилил вместе с тобой домой. Не было другой жизни. Не было звезд, точнее не было тех, кто считал себя звездами. И звание мастера спорта СССР рассматривалось вершиной пирамиды, венцом долгого спортивного пути. Были, конечно, редкие исключения, шагнувшие выше к международному уровню, но Леха таких не знал. Спортивные достижения начали монетизироваться очень быстро, всего несколько лет назад. При этом к спорту это имело условное отношение. Наверное, потому что в те времена спортом заработать было нереально. Физическая сила и бойцовские навыки стремительно нашли применение за пределами спортивного зала. А те, у кого для этого были все предпосылки, как например, у Ермакова – папа, деньги, связи – становились настоящими селебрити. При этом, не забывая периодически демонстрировать собственную значимость.

Поэтому выходец из небогатой интеллигентной семьи Алексей Малыгин и переживал по поводу финального поединка. С морально-психологической точки зрения, он не был полноценно готов. Чисто спортивный мандраж стократно усилился от новых, ещё неосознанных эмоций. Ленин называл это классовым антагонизмом. Но историю КПСС Малыгин пока в таком объеме не знал, поэтому на «гонках» пророчался в кровати почти до самого утра.

Поспать получилось всего часа три. За полчаса до будильника Леху разбудили пьяные вопли кавээнщиков, вернувшихся с ночной дискотеки «Планета обезьян». Шумные обсуждения какого-то облевавшегося филолога, визгливые вскрики будущих учительниц английского языка (по звукам именно в их комнату прорывались юмористы) и отдаленный грохот сковородок на кухне дальнейшему сну не способствовал. Леха дождался, когда победит настойчивая юношеская эрекция и врата иняза захлопнутся за сублильными творческими спинами. Встал и, в одних трусах, накинув лишь полотенце на шею, выскользнул в полутемный коридор. Принять холодный душ, затем нивелировать морозную процедуру горячим чаем. Выспаться не получилось, но и сонливость отсутствовала напрочь. Остатки вчерашних глупостей из головы выгнали струи холодной воды, а мышечный тремор слился с приятным покалыванием после растирания и более не беспокоил. Чашка черного крепкозаваренного чая, опрокинутая в пустой желудок, окончательно вернула Малыгина в бойцовское состояние.

«Сейчас мы поглядим, какой – такой Сухов...» – вспомнилось «Белое солнце пустыни». И сразу стало проще. Вчерашняя агрессия ушла, оставив вместо себя веселую злобу. Желание подраться сменилось на спортивную игривость. Уже шагая с сумкой на плече, Алексей прикидывал рисунок предстоящего боя.

«Он ниже, но физически сильнее... Удара особо нет, но сериями задолбить может...» – очень трезво рассуждал Малыгин. «Опять же захочет закончить в первом раунде, чтоб перед друзьями и девками покрасоваться... На этом и надо ловить, “двоечками-троечками” не переиграть, клинчевать не стоит, но в разрез или на противоходе поймать можно...» – веселея, закончил теоретизировать Леха.

– Леша! Малыгин!

Алексей, практически вошедший в двери спорткомплекса, обернулся на оклик. Андрей Сергеевич Краснов собственной персоной. Первый вологодский мастер спорта СССР по боксу и руководитель школы. В распахнутой дубленке, без шапки. Белая рубашка без галстука растёгнута до середины груди. Посверкивающая золотая цепь и массивный крест. Метрах в десяти, прямо на тротуаре приткнулся его знаменитый черный «Мерседес».

– Здорово, – он протянул руку.

– Здравствуйте, – стушевавшись и замешкавшись, – сумка соскользнула с плеча, пожал тяжелую ладонь Леха.

Он, признаться и не предполагал, что «дядя Андрей» знает его имя и фамилию.

– Заехал грамоты подписать... В Москву на денек надо выскочить, – Краснов не отпустил руку Малыгина, – с Ермаковым в финале?

– Да, – выдёргивать кисть Леха не решился.

– Ну, это естественно... – вроде бы сам себе ответил Андрей Сергеевич, немного увеличив нажим, – главное, не ссы, понял?

– Да, я вроде... – начал было Малыгин, но Краснов его перебил:

– Он для себя уже турнир выиграл и в «Лукоморье» отмечает, – потянул Леху на себя, – а ты, если его чемпионом воспринимать перестанешь, свой шанс просрать не должен. Есть в тебе мужик... Иди и дерись!

Краснов крепко тряхнул руку собеседника и, повернувшись, зашагал к «Мерседесу».

Леха озадаченно посмотрел в обтянутую коричневой кожей мощную спину. Получить такое напутствие от главного тренера сборной области, в составе которой, кстати, Ермаков был

одним из основных спортсменов... Как-то странновато. Тем не менее внутренняя пружина немного ослабла – короткая реплика поддержки сыграла свою роль.

Время до финального боя пролетело быстро, точнее два с половиной часа отшагали свои 150 минут в полном хронометражном соответствии, но Малыгину они показались незаметной десятиминуткой.

Практически за пять минут до объявления готовности их пары, в спорткомплексе появился Харламов. К этому времени Леха, переодевшись в соревновательную форму, свалил из раздевалки и, скрывая небольшую трясучку, побрасывал забинтованные руки в самом дальнем углу гимнастического зала.

– Готов? – деловито поинтересовался старший товарищ, – заламаешь медведя как Александр Невский, а, ярославич?

Всё же постоянное общение со студентами истфака эрудировало даже постармейских физруков.

– Как бы самому не заломаться... – не найдя ответа остроумнее, бормотнул Леха.

– Давай я тебе посекундирую? – предложил Дмитрий, – или у тебя личный?

– Да нет... – Леха окинул уже порядком забитое помещение «Труда», – так-то тренер обычно меня выводил... Рома Ушаков, но он, вон...

Получилось немного обиженно. Харламов проследил за взглядом друга и в снарядной зоне увидел, что Ушаков держит боксёрские лапы под «двочку» Ермака. Выглядело всё это эффектно. Резкие выбросы рук, хлесткие звуки точных и сухих попаданий, дергающаяся на спине крупная эмблема «Адидас. На трибунах, на самых удобных местах сидело с десяток парней бандитского вида, затянутых в черную кожу, и трое девчонок. Они, к слову заметить, не походили на обычных, размалеванных спутниц парней «героической профессии», а, скорее, напоминали пай-девочек из песни набирающего популярность тверского шансонье Михаила Круга. Лишь одна, со смоляным «конским хвостом», сидела в модных ботфортах, закинув ногу за ногу. Оставшиеся две девушки – спортивного вида брюнетка и высокая блондинка в норковой шубке – производили впечатление отличниц, случайно оказавшихся в дурной компании.

Парни, друзья Ермакова, вели себя более раскованно. Кто-то с профессиональным интересом следил за событиями на ринге, кто-то подбадривал ненужными советами Юрия, а ещё пара «бычков» откровенно пялилась на Малыгина, негромко переговариваясь и похихатывая. Это было второй ложкой дегтя к настрою. Первой – ассистирование тренера противнику. Хоть Ермаков и Малыгин были одноклубниками, Ушаков совершенно логично выбрал себе первого, как минимум по причине многолетнего знакомства. Однако это обстоятельство вдруг обозлило Алексея. В кипятке, начинавшей бурлить, спортивной злости, заиграло ещё несколько крупных пузырей.

– Я, правда, по боксу не очень... – Харламов заулыбался, – но полотенце выбросить смогу...

– Ты, главное, не кричи что-нибудь, типа, «прогибом бросай!», – демонстрируя внешнее спокойствие, отшутился Леха, – я обычно четко указания угла выполняю.

– Давай разомну трапецию, – Харламов развернул Малыгина в сторону главного ринга, оказавшись за его спиной.

Железные пальцы мастера спорта по самбо болезненно принялись перебирать волокна трапециевидной мышцы.

– У него прием один есть, – Харламов говорил негромко, сквозь гвалт приходилось вслушиваться, – он сблизается без удара, пугает правой и бьет левой по печени... На глушняк обычно.

– Обычный финт, – поморщившись от боли, ответил Малыгин, – называется «коварный удар в печень». Я сам его отрабатываю и на лапах, и на мешке...

– Может и обычный, но ты Ермака боишься, поэтому дашь ему подойти. Он этим и берет вас, свежачков, глаза пучит – в ы ссыте, он подходит и вырубают, усек? Я такое не раз видел.

– Ты, что, самбо втихаря изменяешь? – Леха попытался повернуться к другу, но тот легко развернул обратно.

– Нет, я их подвиги, – кивок в сторону трибуны с друзьями Ермакова, – каждые выходные в «ночнике» наблюдаю. Да и ты стремительный... Нокаут, вон, сделал. Ермаку захочется приземлить тебя. И не «по очкам» ... Такая публика.

– Бокс!

Голос рефери мгновенно стянул стены спорткомплекса «Труд» до пределов ринга. Собственно мир сузился ещё до того, как Леха нырнул под канаты, но пока шли короткие судейские процедуры, параметры можно было растянуть взглядом, ошарив трибуны или посмотрев на часовое табло.

Ермаков что-то буркнул, не поворачивая головы, в ответ на скоротечное наставление Ушакова и игриво – пружинисто двинулся навстречу Малыгину. Полуопущенные руки, никакой классической стойки – железобетонная уверенность в своём превосходстве. Резкий рывок, серия, отход. Леха, в попытке выйти из размена последним, провалился и тут же через руки пропустил тяжелый джеб в голову. Но и Юра не смог развить успех точного попадания. Не удержав равновесия, он был вынужден перестраиваться. Бой продолжался в этом же ключе. Чуть игривый наскок Ермакова, увесистая серия, правда, в основном по защите, отход. Лехины удары вдогонку цели не достигали – всё же скорость у Ермакова была на грани сумасшедшей.

Трибуны притихли. Спортсмены, готовящиеся выступить и уже выступившие, сгрудились в пределах судейских столов, ожидая яркой расправы над взмывшим иногородцем. Даже девушки, до этого явно скучавшие, жадно следили за развитием событий на ринге.

Явное преимущество Ермакова пока проявлялось лишь в самоуверенных атаках, яркой манере боя, полуопущенных руках и в фирменной экипировке. Малыгин же никакого урона ещё не получил, не считая скованности своих действий. Это было как раз то, о чём его предупреждали Харламов и Краснов – он боялся. Атаковать мастера спорта, да ещё нокаутера? И в подтверждении этого каждая контратака Малыгина захлебывалась в жёсткой ответке от Ермакова. Либо вообще не достигала цели.

Первый раунд закончился, явно оставшись за мастером. Не чувствуя особой усталости, а лишь ощущая бессилие, Леха опустился на табурет в своём углу.

– Жди, он скоро поперет, – Харламов, не утруждаясь восстановительными процедурами, громко зашептал Малыгину в ухо, – он тебя ниже, ему без мазы в голову рубить, через корпус зайдет... Просто будь готов, не гоняйся за ним, он тебя обыграет. Готовь на один-два встречных, слышишь?!

Леха невпопад кивал, краешком сознания удивляясь боксёрским познаниям своего самбо-секунданта. Желание того, чтобы этот финал быстрее закончился, нарастало снежным комом. Атмосфера всеобщей поддержки соперника давила на психику и сковывала мышечную готовность комбинировать. Лишь Харлам, залезая горячим шепотом в голову, заливал в пульсирующее сознание одну за другой вероятности победного исхода.

– Или сам иди ему навстречу, он этого точно ожидать не будет. Не такой план ему Ушаков рисовал, но только когда в угол его загонишь...

Звук гонга оборвал харламовские наставления и Леха поднялся.

Второй раунд стал на порядок агрессивнее первого. Маска игриво-уверенного технаря полетела в сторону, и Ермаков кинулся избивать Малыгина «по-взрослому». Прилетало ото всюду. С боковых, с прямых, проходил апперкот. Со стороны казалось, что даже классическая «двочка» разбивала всю защиту Малыгина. Однако это было не совсем так. Леха стоически держался, пропускал, но не более трети от общего града ударов. Всё-таки защищаться проще, чем атаковать. К тому же у канатов он не задерживался, не позволяя противнику размотать

полноценную работу «на снаряде». Ермак уже явно свирепел. Гул зала резко переходил на единый восторженный вой, сквозь пласт которого явственно прорезались выкрики «Вали!» и «Убей!». Обжигаемый такой поддержкой, Ермаков с полуопущенными руками и, бросками корпуса вправо-влево, откровенно кидался на Малыгина. Уже не спортивная злость двигала им, а желание казнить неуступчивого соперника. Всю свою силу, мощь и технику он демонстрировал уже и мимически. Скалил зубы, облитые темным пластиком капли. Излишне резко, с всхлипом выдыхал на каждый удар и, обходя с флангов, чересчур театрально пританцовывал. Он вел бой. Нокаут дело времени. Редкие выпады Малыгина его не пугали. Лишь один удар мог бы позвенеть тревожным звоночком, но Леха развивать успех не стал, по-черепашьи уйдя в глухую оборону.

Второй перерыв. Малыгин тяжело опустился на табурет. Отбитые плечи гудели, пока ещё не саднящей болью разбитых мышц, а лишь наливающейся синюшной тяжестью. Однако урон принятых на защиту ударов полностью забивал, сковав плечевой пояс бетонным раствором. Прежней легкости в руках уже не было.

Харламов что-то громко говорил ему, перекрывая шум трибун, но Леха не слышал. Он впервые за весь бой поднял глаза на оппонента, вальяжно развалившегося в своём углу. Было заметно, что постоянный прессинг серьёзно вымотал звезду вологодского бокса, но до заветного «вымахался» Ермакову было ещё, наверное, далековато. Мастер спорта, попялившись на трибуны, вернул глаза в ринг и их взгляды пересеклись. Леха не успел отвернуться и, успевший это заметить, Ермаков демонстративно сплюнул в его сторону. И вдогонку зло ухмыльнулся.

Не дожидаясь окончания минуты перерыва, Малыгин вскочил с табурета. Обида, трансформировавшись в злость, вдруг схватила за горло. Самоуверенный самец, в адидасовской майке, на своей территории вдруг стал для него главным врагом. Целью всей жизни. Далеко за границами понимания остались папа с мамой, крито-микенская культура, концепция неотомизма, что-то кричащий в спину Харлам и общага с пьяными кавээнщиками. Сгущающаяся в своём рывке неведомая сила вытолкнула его на середину ринга.

– Бокс!

Ермак всё в той же манере двинулся вперед, совершая катастрофическую ошибку. Уверенный в превосходстве, он совершил то самое сближение без удара. И нарвался. С такой скоростью Леха не бил даже на пике формы по снарядам. Легкий финт левой и мощнейший правый кросс между рук впечатался в мужественный подбородок Юры Ермакова. Потрясенный соперник рухнул на колени, но окончательно завалиться ему помешали канаты. Они же и ввели рефери в заблуждение. Пружина спиной о витую опору, Ермаков поднялся и тут же пропустил ещё два увесистых боковых. Леха остервенело бросился добивать падающего, но между ними вклинился судья. Юра повис на канатах, однако на настил так и не рухнул. Рефери открыл счет. Гомон зала резко ушел в пике. В вязкой тишине лишь четко слышался голос рефери. На «восьмерке» Ермаков встряхнул головой и подал жест готовности. Grimаса непонимания ещё не потеснила решительность взгляда, однако своим присутствием на физиономии соперника добавила Малыгину импульс уверенной решительности. Ермаков после команды «Бокс!» подскоком оказался на ближней дистанции, пытаясь пробить область печени противника. Малыгин, ожидая этого, резко ушел влево, подняв на апперкот провалившегося визави. Юрий, теряя опору, мелко затрусил на ватных ногах в угол. Ещё не понимая, что это второй нокаунт, он не по-боксерски выбросил руки в пустоту и свалился на канаты. Малыгин, изрядно измотанный желанием поставить точку, чересчур суетливо налетел на соперника и принялся с такой же нелепой хаотичностью сыпать ударами. Опытный Ермаков, воспользовавшись сближением, повис клинчем на Малыгине, не давая пробить завершающий удар в голову.

Зрители давно повскакивали со своих мест, причём даже те, кто не знал ни Малыгина, ни Ермакова. Таких драматичных поединков на заурядных городских соревнованиях ещё не было.

Харламов, грудью навалившись на подиум ринга, чуть слышно выводил:

– Леха-а, Леха-а...

Танец в клинче оборвал рефери, разведя боксёров в разные стороны. Леха впервые, поверх перчаток посмотрел в лицо оппонента. Ермаков заметно «плыл». Взгляд противника, потратив агрессию, безакцентно пятнал пространство вокруг Малыгина. Стойка уже не была по-чемпионски беспечной. Левое надбровье стремительно набухало.

– Бокс!

Ермаков, впервые с начала поединка, кружа начал уходить от Алексея, тут же занявшего центр ринга. Уверенности в движениях титулованного спортсмена не было – опыт же подсказывал всё правильно. Время. Оно сейчас работает на него. Малыгин же, испытав адреналиновый прилив, ощущал, как постепенно силы покидают его.

– Леха, тридцать секунд! – откуда-то издалека, сквозь целлофан пробитой головы донесся выкрик Харламова. «Делай концовку!» – отозвалось в нём голосом первого тренера обязательное боксёрское действие ярославской школы.

Широко шагнув и рискуя потерять равновесие, Малыгин задвинул Ермакова в угол ринга и тут же четко, как на тренировке, пробил «двойку». Высоко поднятые в защите руки открыли торс и ещё пара боковых прошла в подреберье. Соперник скрутил корпус и, уже не думая об активной защите, глухо ушел в оборону. Леха, расплескивая остатки сил, вкладывался в каждый удар. Меняя этажи попаданий, чувствовал, как сыплется мышечная стойкость, ещё минуту назад незыблемого, чемпиона. В этой остервенелости, он не услышал рефери, который, втесавшись между бойцами, спиной оттер Малыгина от, повисшего на канатах, Ермакова.

– В угол!

Пошатаваясь, лишь на усилия воли, Леха отошел в угол ожидания. Медленно, в растяжку, рефери вел счет, согнувшемуся от пропущенных ударов по печени, Ермакову. На девятом, тот разогнулся и, подняв руку, встал в боевую стойку.

Всё же звание мастера спорта было заслуженным.

– Бокс!

Леха двинулся вперед, понимая, что у него есть ещё один удар, всего один, которым он может отправить соперника в третий нокаун, тем самым, обеспечив себе победу в виду явного преимущества. Понимал это и Ермаков. Как и то, что до конца боя оставались считанные секунды.

Малыгин, бросился в сторону противника, тот ушел, тяжело срезав угол. Ещё одна неудачная попытка достать прямым.

– Тайм!

Рефери встал между боксёрами, подняв руки ладонями в стороны.

Бой был окончен.

* * *

Все происходящее в дальнейшем возвращалось к Лехе фотографическими пятнами воспоминаний, когда он, сидя в раздевалке, тяжеломерно сдирал кожуру набрякших потом бинтов. Напротив разместился Харламов, молчаливо принимая-передавая из малыгинской сумки полотенца – перчатки – минералку.

Победителем, по раундам 2:1, финального поединка признали мастера спорта Ермакова, которому, правда, сразу после поднятия руки понадобилась медицинская помощь. Благо, фельдшер дежурно присутствовал на турнире. Однако его квалификация и условия не позволили полноценно поставить на ноги потрепанного чемпиона. Несмотря на прилагаемые усилия, Ермакова стошнило прямо на колени окруживших его друзей. Очевидно, пропущенные в конце третьего раунда удары в голову и по печени создали встречный болевой эффект, вслед-

ствии которого Юра даже не мог нормально объясниться по симптоматике. В итоге, его, в накинутаой на плечи дубленке, прямо в боксёрках, увезли в первую городскую больницу. Себя же Малыгин отчетливо вспомнил, только уткнувшись в раздолбанную дверь мужской душевой, куда, в прострации от принятых ударов и израсходованной энергии, он поперся прямо в боксёрской амуниции. Следующий снимок – суетное мельтешение спин и неровный срез скамейки, на которую спортсмен тяжело опустился. Как сошел с ринга, как прошествовал через весь зал, что говорил Харлам и зло выкрикивали с трибун друзья Ермакова – память не зафиксировала, оставив лишь неприятное послевкусие без четкого понимания причины. Адреналин ещё не выветрился из венозных тоннелей, поэтому боли не было. Дикая, невероятная усталость с обидой напополам выгребала все чувства огромным половником армейской полевой кухни.

– Т... п... дил, – голос Харламова, донесся откуда-то из подземных лабиринтов.

– Фто? – не вынимая капы изо рта, переспросил Малыгин. Он не узнал своего голоса. И дело было не в капе, которую Леха тут же сплюнул в ладонь, – не понял я...

– Ты победил, – уже отчетливее прозвучал голос Дмитрия, – рефери оба раза считал дольше, чем должен... В первый нокдаун я насчитал на тринадцать – пятнадцать, во второй не меньше семнадцати... И вся фишка в том, чтобы Ермак сейчас без последствий из больницы вернулся. Причём для всех. Для шишек из федерации, чтоб не угреться за кривое судейство. И для нас, чтобы его кореша к ночи в общагу не завалились. Разборку учинять.

«Для нас...» – внутренне отметил Малыгин и стало полегче.

Бинты комом свалились в раскрытую пасть спортивной сумки, стоящей на полу. Из неё же он вытянул джины и, преодолевая болезненную пульсацию в области селезенки, принялся натягивать прямо поверх боксёрских трусов.

– Хрень какая-то, обычные соревнования... С чего разборку-то затевать? – Леху мотало, одна нога скользнула мимо штанины – спросил он у Харламова.

– Алкоголь называется, – коротко ответил тот, трамбуя перчатки на дно сумки, – шары зальют сегодня в «Севере» или «Планете обезьян» и ночью вспомнят про «охреневшего в атаке»...

– В смысле про меня? – Леха продолжал тупить.

– Нет, про Николая Рубцова, поэта вологодского!

Харламов зачем-то подошел к дверям раздевалки, прислушался. За фанерой колыхался шум трибун и ринга, рядом слышался смех подростков.

– Давай уже, быстрее шевелись, – он вернулся от дверей и сел рядом, – или ты на награждение хочешь остаться? Все ж серебряный призер...

Дверь распахнулась. Через порог несколько суетливо, что для него было никогда не свойственно, шагнул Рома Ушаков. Тренер «Труда» и секундант Ермакова.

– Что, Лех, как ты, нормально? – скороговоркой выдал он.

В руках Рома теребил картонку грамоты и вымпел в триколоре российского флага.

– Нормально... Голова, вот, только раскалывается, – Леха через силу улыбнулся.

Его всё ещё коробило содействие Романа сопернику. Пусть и спорт, но всё равно цепляло.

– На, вот, тебе за второе место, – он сунул грамоту и вымпел Малыгину в руки, – Ермакова всё равно не будет на награждении, решили так всё отдать.

– Серьёзное что-то у него? – Харламов внимательно взглянул в глаза секунданту противника.

– Да нет, – Ушаков, заметно тревожась, оглянулся на дверь, – его братва к судьям подошла, мол, Малыга с локтя приложил. Газовали...

– Сука... – коротко матюгнулся Харлам.

– Да вы, чего?! – Леха, забыв про головокружение, соскочил со скамьи, – всё по-честному было! Какой локоть?!

– Краснова нет, разрулить некому, – Ушаков, словно не замечая финалиста, разговаривал уже только с Дмитрием, – может, ты, этга, своим позвонишь? Травникову?

– Куда? Я их только в смену рабочую и вижу. Да в зале... А ещё рано. И Новый Год опять же...

Харламов, подойдя к окну, задумчиво поскреб узоры измороси. Леха примолк, наконец, догнав, как может развиваться ситуация. Он не по правилам, «по-сучьи», рубанул уважаемого человека. За это надо ответить. Деньгами или здоровьем. Краткий ликбез основ бандитско-уголовного уклада он в своё время получил ещё в Ярославле, а более подробные лекции дослушивал уже от Харламова, которого специфическая работа в ночном клубе снабдила богатым жизненным опытом.

– А они все в больничку укатали? – Харламов отлип от стекла и повернулся к Ушакову.

– Телки остались, вроде... – неуверенно пожал плечами Ушаков, – если они с ними были, а не прилипшие.

– Можно попробовать незаметно через пожарную лестницу выйти, – Ушаков мотнул головой куда-то за стену, – но, Димон, ты же, понимаешь, они найдут его...

– Пока искать будут, решим вопрос, – интонация Харламова была тверда, но без особой уверенности.

Тем не менее на Леху и этот лучик света подействовал успокаивающе.

Он резко собрался, натянул свитер, переобулся, вжикнул молнией куртки.

– Сейчас, – Ушаков, вышел за дверь, оставив друзей в раздевалке.

– Дим, ну, ты же видел, – начал было Малыгин, обращаясь к Харламову.

– Видел! – резко оборвал его старший товарищ, – и все видели, как какой-то лох залетный чемпиона разматывал! На глазах его девок!

– Но все же по правилам было, да и проиграл я...

– Проиграл ты для федерации бокса Вологодской области, по судейским бумажкам! А для понятийных ты с локтя Юру Ермака дважды на жопу усадил!

– Так что теперь с боксом завязать? – внезапно Леха ответно обозлился, – или в шахматы дернуться?!

– Да, нормально, всё ты сделал, – Харлам похлопал друга по плечу, – даже я в тебя не верил. А тут такое...

– Я не хотел, так получилось... – хмуро буркнул Малыгин.

Со второго этажа можно было выйти по лестнице через зал и на центральный выход через вахтера либо, пройдя мимо женских раздевалок, выйти на курительную площадку. Харламов вышел первым, зыркнув по сторонам, махнул Малыгину на выход.

– Иди по коридору направо, около бабских раздевалок выход на пожарную лестницу, около неё жди меня, – он показал куда-то за изгиб коридорного прохода.

– А ты куда? – не торопился вставать на маршрут Леха.

– А я через зал пройду, у Ушакова ключ возьму от замка навесного на лестнице и с улицы поднимусь, – Харламов слегка подтолкнул Малыгина, – только, не выползай на балкон, не свети рожу свою героическую...

Леха сделал несколько шагов, но, отчего-то передумав, развернулся в сторону выхода на внутренний балкон. Возможно, это был миниатюрный акт протеста против унижительной процедуры сваливания через черный ход, может быть жест тщеславия или банальная выходка из любопытства. При этом Леха отдавал себе отчет, что друзья Ермакова, парни явно необремененные душевными терзаниями, выслушивать аргументы защиты точно не будут. А попасться под их кулаки, монтировочные ломы или кастеты сразу после определения виновности – сто-процентная инвалидность. Где-то в глубине души, конечно, рисовалась картина почти мультяшного побоища одного героя против всех с его обязательной победой, но... Леха, несмотря на возраст, был реалистом. Сам Ермаков старше на несколько лет, а его группа поддержки

вообще уже, судя по лицам, приближалась к категории «мужики». Плюсовались сюда короткие стрижки, перебитые носы, свирепые взгляды и накачанное мясо, обтянутое черной кожей. В общем, хорошего мало. Тем не менее Малыгин вышел на внутренний балкон, нависавший над пространством спортивного зала.

На ринге одиночными ударами разминала друг друга пара тяжеловесов – финальную стадию завершали боксёры постарше и потяжелее. Зал соответственно наполнился почти в аншлаг, поэтому Леха не сразу отыскал глазами спину Харламова, который в сопровождении Ушакова, скрылся в дверном проеме околосального коридорного прохода. Очевидно, пошли за ключом в тренерскую. Ярким пятном, на фоне довольно однообразной мужской зрительной массы, сверкнули красивые девушки, явно кого-то ожидавшие у центрального выхода. Малыгин их вспомнил. Эффектные спутницы из компании Ермакова, вот только, вроде бы, трое их было...

Леха не успел додумать, как проем заполнили плотные мужские фигуры. Черные кожаные куртки, хищно-агрессивная поступь, демонстративно неснятые перчатки. Четверо. Стало быть, один экипаж вернулся. Двое, обменявшись с девушками какими-то фразами, разошлись в обхват зала. Оставшаяся пара бойцов, прямо через зал решительным ходом ринулась к лестнице на второй этаж.

Леха, ощутив мелкий бес в ладонях, разметался глазами по залу. Однако, ни Харламов, ни Ушаков в периметре зала ещё не появились. Резко отступив, Малыгин бросил ещё один взгляд на приближавшихся бандосов. Автоматически отметил топорщащуюся кожу коротких курток. Думать, что там, под дубленой кожей, времени не было. Он быстрым шагом направился к пожарной лестнице в слабой надежде на отсутствие замка или хлипкость двери.

Увы, тяжелая разохшаяся дверь хоть и поддалась, но обнажила в узком проеме крупные стальные уши, сквозь которые намертво протянулась дужка навесного замка. Очевидно, стальная полоса проходила от округлости ушей вдоль всей тяжелой филенки. По крайней мере, рядок вросших болтов, крепивших её, растянулся с внутренней стороны до петель. Дернув ещё раз, Леха обреченно обернулся. Тяжелые шаги, грохотавшие по лестнице, тормознули. Так как Малыгин находился за поворотом коридора, то происходящего он не видел. Зато прекрасно слышал и уже, наверное, ощущал нутром. Резкий удар ногой в фанерный створ входа в раздевалку. Звук шагов немного притушился, сместившись внутрь помещения. Леха два раза негромко выдохнул, настраивая организм, и скинул сумку с плеча. Двое не так и страшно, но усугубление ситуации могло быть уже фатальным: Малыгин не был готов просто и терпеливо получать по морде или ливеру.

Он еще не успел до конца затянуть молнию на куртке, как дверь в женскую раздевалку, находившуюся ближе к повороту, отворилась. В коридор вышла та самая спортивная девушка, третья из ермаковской группы поддержки. Она чуть удивленно вскинула брови на замершего в напряженной позе Малыгина. В ней не было классической красоты или четких элементов стандартного модельного набора. Скорее излишество карих глаз и пухлых губ придавали сходство с какой-то голливудской актрисой. Женский вариант модной «куртки-пилота» был распахнут, чуть приоткрыв упругую натянутость бежевой водолазки. Синие джинсы эффектно обтягивали крепкие стройные ноги, уходя в фирменные светло-коричневые ботинки. Несмотря на критичность ситуации, Леха вдруг ощутил волнение. То самое, мужское, когда кровь приливает то к голове, то ниже. И было оно настолько сильным, что перекрыло волны страха от ожидания бандитской расправы.

– Сука, нету... – раздался за углом грубый голос.

– Может он в бабских гасится? – блатные интонации второго явно лидировали, – та ещёмышь, по ходу... Пойдем, позырим.

Девушка, судя по резко посерьёзневшему лицу, всё поняла, но повела себя отнюдь не как участница братанского коллектива. Она в два шага сократила дистанцию до Малыгина,

неожиданно сильно схватила его за плечи и буквально швырнула слегка ошалевшего боксёра в распахнутую дверь женской раздевалки. Перед лицом мелькнул испуганный девичий взгляд, слегка мазнуло чуть уловимым ароматом дорогих духов. Ничего непонимающий Леха, только успел увидеть, как его спортивная сумка, подданная стройной ногой в модном ботинке, залетела следом. И дверь захлопнулась.

– О-о, Танюха, ты что тут делаешь? – грубый голос первого зазвучал полуметре от проема.

Леха отпрянул, осмотрел пустую раздевалку и, не увидев голых женщин, отошел чуть в глубину.

– В туалет выходила, – голос спасительницы слегка дрожал, – в вы же все уехали, бросили нас... С Юрой что?

– С Юркой нормально, лампочку встряхнули, – гоготнул блатной, – жить будет. В раздевалке кто есть?

– Да, – ответила Таня и в груди у Лехи противно заныло, – уборщицы переодеваются... В школе подглядывал в раздевалки?

– Ты что гонишь-то? Не подсекал я никогда, – невидимый Грека повысил голос.

– Мы щегла этого ищем, который Юрца приложил, – вмешался номер второй, – не видела его?

– Так они ушли вроде, – соврала девушка очень убедительно, – вдвоем с этим, ты ещё говорил, что он с Травой каким-то общается, забыла как зовут...

– А-а, с Харламом... Слышь, Грека, теперь сложнее его нахватить будет...

– Разберемся... – скрипнул Грека, – пойдем, подруга, сейчас Костян на юркиной машине приедет, мы вас увезем...

* * *

– Сегодня со мной на смену пойдешь, хоть ты и побуцканый, но крыс ловить сможешь...

Харламов, стоя перед зеркалом, кружил электробритвой по заросшему анфасу. Леха сидел на неряшливо заправленной кровати Артемия Бобикова, соседа Харламова по комнате. Почти два часа назад они пришли из «Труда» и, первым делом, Леха, по совету старшего товарища, уведомил своих «сожителей» о том, что на выходные уезжает домой, а может и на более длинные сроки. Со слов Харламова, необходимо несколько дней, чтобы урегулировать возникшую проблему. Желательно без прямого участия Малыгина в самом процессе. Любезно предложил перекантоваться в своей комнате, «пусть и на полу, зато без переломов и черепно-мозговых».

– Каких крыс? – не понял Малыгин.

– Обыкновенных, – усмехнулся Харламов, – которые крысят. На выходе из кухни стоять будешь, там у нас стажер сегодня, дембельнулся недавно... Вот ему и в помощь. Два банкета, как раз поможешь...

– То есть людей шмонать? – излишне эмоционально спросил Леха. Что-то не очень приятное, липкое отслоилось в груди.

– Ничего себе ты исполняешь... – Харламов даже прекратил бриться, – а то, что потом хозяин недостачу на весь персонал раскидывает, это тебе как?

– Ну, я не знаю... – Леха растерянно пожал плечами, – так-то без разницы, конечно, но...

– Что «но»? – Дмитрий бросил затихшую бритву на кровать, – ты посудомоек – мамаш многодетных, зареванных, видел? Или студенток из деревень, для которых шестерить официанткой – единственный заработок, кроме мешка картошки из дома?

– Да я не против, – Леха находился в смятении от неожиданно резкой реакции товарища, – просто думал, что в зал... За порядком смотреть...

– И на «красновских» нарываться... – Харламов потрепал Леху по макушке, – кармически, спасать заработок простых работников лучше, чем «синих» люлями по бороде валтузить. К тому же у меня под боком. И не на виду.

И он воздел палец жестом буддийского монаха. Леха неуверенно кивнул.

Дверь распахнулась и в комнату ввалился, окатив запахом дешевого винного выхлопа, сосед Харламова по комнате. За ним в помещение попыталась прорваться молоденькая девица, по виду первокурсница, но тот бесцеремонно хлопнул фанерной преградой, остановив попытку проникновения.

– Завтра, голубушка! – по-старчески дребезжа, выкрикнул он в разношенную дверь, – пальцы надо восстановить, милая моя! Завтра посмотрю!

Артемий окинул обиталище лучистыми от алкоголя глазами и шумно опустился на колченогий табурет около письменно-кухонного стола.

– Устал, – коротко резюмировал он и извлек из недр длинного пальто початую бутылку «Ркацителю», – примете, спортсмены?

Харламов угрожающе хрустнул пальцами кистей рук. При этом сквозь личину недоброй улыбки проступали веселые чертики.

– Ректор велел тебя Нельсоном³ придушить, если ты к первокурсницам пристаешь будешь... А декан, если ты бухать будешь, просил руку тебе сломать. Вот я и думаю, с чего начать...

– Минуточку! – Артемий встал и эстрадным жестом откинул длинные волосы со лба.

– Во-первых, вы, мужчина с суровой внешностью, явно ошиблись в своих суждениях. Очевидно, систематические падения на вонючие борцовские коврики влияют на восприятие окружающей действительности. Что приводит к ярко выраженной инверсии.

– На татами, – поправил оратора Харламов.

– Неважно, – сосед, понимая, что расправа, как минимум, откладывается, отточенным движением смахнул в ладонь пробку и быстро опрокинул, а выражаясь по-народному, «глынкнул», в желудок граммов сто пятьдесят слабоалкогольного пойла.

– Так вот, – икнув, продолжил Артемий, – совершенно очевидно, что помогали меня, ибо, ваш покорный слуга, позорно, как не подобает адепту великого Харламова, бежал от налитого тела молодой, неспорченной девицы из Тотемского района. И не поддался я!

Ещё одна доза белого сухого поменяла место дислокации.

– Ориентировочно около пятнадцати ноль-ноль, сего зимнего морозного дня, ваш покорный слуга, сопровождаемый группой последователей учения КВН, ик! – внезапная икота сбила рассказчика с пафосного повествования, – ой, простите... Короче, с первокурсниками-филологами зарулил к ним на этаж. Те, то да се, пряники-кофе-чайники... Трали-вали-пиджаки-сандали...

– Бухлишко, – к икнул Харламов бутылку вина.

– Нет, это позже, – Бобиков опять глотнул, – обстоятельства, так сказать... Так вот, сидим, пьем чаек, жрем пряники. Ну, я им еще про основы написания сценария вещаю. А там один поц из этих молодогвардейцев, Ваня Еремеев. Кстати, на самом деле рыжий, как Исав. Запустил пулю по этажу, что у них в комнате сидит студент-пятикурсник, маммолог. Подающий надежды, будущий светило. Из первого московского меда...

– А маммолог это кто? – спросил Леха.

– Врач по титькам, – коротко хмыкнул Артемий, – редкая профессия, только-только учить начали в мединститутах. Самая валютная специализация последнее время.

– Ну-ну, – х охотнул Харлам.

³ Прием в самбо.

– Ну всё, понеслось... Одна заглянула, вторая, третья. Я, делов не знаю, чай пью, в рас-суждения пустился. Потом заходит тетя такая, чуть пониже моих ста девяноста сантиметров, но потяжелее, точно. Первокурсница из Никольска. Как оказалась чемпионка России по легкой атлетике, молот мечет...

– Метает, – поправил Малыгин.

– Ей, ёкарный бабай, икру метать надо! – округлил глаза лже-маммолог, – кабачковую, епта! Сиськи как кабачки радиоактивные!

– В смысле? – хором удивились оба спортсмена.

– Да в прямом, – чуть поперхнувшись очередным глотком, ответил Бобиков, – эта мадам зашла в комнату, шуганула моих семинаристов, закрыла дверь и как вывалит килограммов двадцать на стол! Пряники подавила! Черствые!

Артемий закатил глаза в притворном ужасе. Леха и Димон заулыбались, в предвкушении развязки.

– Ты, говорит, врач-маммолог? Без пяти минут кандидат наук? Я мысленно заметался, как пожар голубой...

Бобиков, очевидно, вновь переживая недавнее событие, анестезировал нутро ещё одним нехилым глотком.

– Вижу в глазах её неприятие отрицательного ответа... Титьки-то уже показала. Мужичу незнакомому. Да там и не титьки, вместо лифчика, наверное, мешки картофельные носит, размер седьмой... И кулаки, во, с мячик гандбольный. Я встал, так деловито, кисти воздел к небу, говорю, мне помыть бы надо руки. Думаю, типа, в туалет выйду и свалю. Только лещей рыжему дам и сюда. Хрен! Тетя меня, мягонько за шею взяла, к груди прижала и очень проникновенно так: «не рассоливай тут, профессор, посмотри всё ли у меня ладно и живи себе спокойно...» Ну я собрался, «голубушкой» обозвал её, садись, мол, расслабляйся и полез...

– Куда? – перебил Леха.

– К груди! Трепетной девичьей! – пьяно подвсхлипнул Артемий, – обшарил их, ощутил, так сказать, всю силу земли русской. Взвесил и диагностировал полное здоровье и развитость. Вот такой я молодец. Правда, сказал, что в стационаре поточнее надо глянуть, но это уж когда ко мне в клинику приедете... В Москву.

– Да ну, лажа какая-то... – Харламов недоверчиво улыбнулся, – в натуре, незнакомому, да ещё и пьяному...

– В натуре, я пятилитровые пакеты с кефиром помял, – парировал «доктор», – и я ещё тогда трезвый был, чай с чабрецом не в счет. Самое интересное, было далее. Эта Валькирия никольская вышла из комнаты, я за ней думал шмыгану... Ага, там стадо уже таких же, с ясными деревенскими взорами толпилось. Гаденьш рыжий новостную ленту разматал по всему этажу. Она прямо с порога в коридор бухнула: «Доктор толковый, не наглый, образованный». Ну и всё... Пошли по одной первокурсницы филологические. Ядрометательница на воротах встала, чтоб студенты не лезли подсекать, ну и заодно очередь формировала. А у меня из всей маммологтерминологии – «соски» да «ареолы»... Ох, устал... Сначала, конечно, эрекция одолела. Попадались такие экземпляры, что и эти-то два слова забывал. Кстати, Катя Мурашова, сокольская, скажу я вам... Очень достойная, я б даже заметил, модельная девушка. Надо как-то заняться. Потом эрекция пропала. Под конец вообще захотелось в мужскую душевую сходить. Восстановить баланс. Я там штук тридцать перетискал. Всяких. Даже парочка с легким оволоснением сосков попалась. Не очень, блин... Ну и под конец, девки мне в благодарность коробку конфет и бутылку винишка поддудонили. Я вино в карман, конфеты – молодым и по тапкам. Ибо, начали уже девочки постарше подтягиваться. По незарастающей народной тропе. Второй, третий курс... А они все ж меня как облупленного знают. Многие близко...

– И как гинеколога! – расхохотался Харламов.

Малыгин тоже не смог сдержать смеха.

– Чего ржете?! – деланно обиделся Бобиков, – ещё никогда Штирлиц не был так близок к провалу... На лестнице поотбивался от пары особо назойливых куриц и к вам в нору. Как бы теперь пересидеть пару месяцев, а то опознают и все.

Никольский буйвол затопчет. Да и у девок половина воздыхателей с физвоса⁴... Поможешь разругать, Дим?

– Помогу, – Харламов встал и накинул олимпийку, – скажу пацанам, что ты уролог или проктолог... Пару яиц пощупаешь или три-четыре жопы обследуешь и всё, своим заделаешься...

– Злые вы... – проворчал Артемий, – я ж не виноват, это всё сволочь рыжая...

– Тебе голову обрить надо, – подкинул совет Малыгин, – не узнают точно.

– У меня вся сила интеллекта в волосах, как у Самсона. Мне их стричь нельзя, потеряю дар...

– Тогда изучай урологию, – Харламов тронул Леху за плечо, – пора нам, оставим гения наедине с воспоминаниями.

* * *

Ночной клуб «Джем», в котором бывший пограничник Харламов руководил охраной, по устоявшейся традиции, занимал фойе бывшего кинотеатра «Родина». Традиционно, потому что предпочтение в последнее время народные массы отдавали хлынувшему с Запада музыкальному ширпотребу, нежели просмотру полнометражных, пусть с того же Запада, фильмов. Ибо было их в бесконечном достатке в многочисленных пунктах видеопроката даже на самой дальней периферии.

Как правило, фанерно-пластиковые декорации скрывали комсомольское прошлое стен и потолков, современные аудиосистемы глушили все изыскания акустики здания, а призывно подсвеченная зона бара с батареями импортно-паленого пойла радовала глаз, заставляя забывать о трудностях переходного периода. Точку ставил свет, окончательно формируя цветочные зрительные образы, сопоставляя их с музыкальным сопровождением. Всем этим клубам и дискотекам, конечно же, было далековато до столичных тусовочных заведений, но и здесь были свои звезды, знаменитости, шуты и планктон, обеспечивавший условия ночной жизни для ранее перечисленной публики. Естественно, непременным атрибутом каждого ночного клуба был «бандитский» столик. И следующим правилом – владельцы корпоративного стола, соответственно, являлись «крышей» заведения. А привратники, сиречь, охранники входа и зала – их верными «младшими научными сотрудниками». Чаще всего, эта самая «крыша» заведения и доставляла наибольшее неудобство посетителям, персоналу и, конечно же, охране. Именно им очень часто доставалось от перебравших менеджеров опасного бизнеса. А с учетом того, что в службу безопасности чаще всего попадали молодые спортсмены, способные хорошо и жёстко ответить – выдержка и чувство собственного достоинства проходили нехилую проверку. Многие из охранников очень часто вставали на путь криминала в надежде оказаться в мире дорогих тачек, ухоженных девок и «братанского» коллектива. Но чаще дотягивали до заплыванной «параша», героиновой «системы» или вороха пластмассовых кладбищенских венков. Были и небольшие исключения, в виде того же Харламова, которые видели в стоянии-сидении при дверях лишь рабочий процесс, не более чем возможность дополнительного заработка.

Частенько «на воротах» халтурили и курсанты «уиновской» школы, как правило, спортсмены-разрядники секции самбо, из того же «Труда». Эту спортивно-криминальную группировку возглавлял Саша Травников, руководитель общественной организации «Самбо Вологодской области». Может быть, менее титулованный спортсмен, нежели Андрей Сергеевич

⁴ Факультет (кафедра) физического воспитания и спорта гуманитарного вуза. – *Прим. ред.*

Краснов, президент областной федерации бокса, но от этого не менее авторитетный. Тренируясь в соседних залах одного спортивного комплекса, самбисты-дзюдоисты Травникова – «Травы», с горем пополам уживались с «красновскими» боксёрами. И дело тут не в вечном споре кто круче, борец или боксёр.

В ходе увеличения географии и объемов растущего малого бизнеса участились финансовые пересечения в формате «производственного» процесса. При этом альма-матер большинства вологодских единоборцев – спорткомплекс «Труд», всё же оставался нейтральной территорией. Заработавшие деньги, достигшие высокого «бандитско-коммерческого» статуса самбисты или боксёры старшего поколения организовывали небольшие зальчики «для своих», куда попасть могли только правильные и проверенные. Это как раз и были клубы по интересам, группировкам и коалициям. А «Труд», сохраняя функцию кузницы кадров, оставался первой ступенькой в подледный мир Вологды девяностых годов. Периодические визиты выпускников боксёрского или борцовского факультетов нередко перетекали в смотрины перспективных спортсменов. И если Краснов или Травников действительно пытались хоть кого-нибудь из своих подопечных отправить в столичные школы олимпийского резерва, то иные визитеры агитировали как раз «за родину». Предложения сопроводить груз до Махачкалы, поохранять кабак или дискотеку, сгонять в Питер за «небольшим пакетиком» – всё это сулило неплохие и, самое главное, легкие деньги. И дарило иллюзию жизнеустроенности. Никаких изматывающих тренировок, вечной нехватки денег и непонятности будущего. Нашел своих и успокоился. Ну, а что будет дальше? Как поет «Чиж»: «Так ли уж важно в двадцать лет с половиной...»

У каждой вологодской группировки (спортсмены не исключение) имелись «подкрышные» заведения, в определенных случаях, выполнявшие функционал некоего пункта постоянной дислокации. В частности, самбисты держали «Джем» и пару точек поменьше. «Красновские» отдавали предпочтение «Северу». Другие группировки, объемом посуше, как правило, «наводили движения» в общепите местного, не центрального масштаба. В пределах микрорайонов присутствия. Власть воровскую представлял Андрей Макаров, дерзкий, молодой и уже неоднократно судимый «стремяга»⁵, по прозвищу Макар. Его уголовные клеветы могли всплыть в любой точке городской увеселительной топографии, не особо считаясь с негласными демаркационными линиями. Как, например, в поисках мелкой добычи пытались сдернуть денег с только что захавшего в общежитие первокурсника Малыгина. Сам же Макар, чаще всего, оккупационно располагался в кафе центрального рынка, основного источника финансовых поступлений «на общее». Ну и не последним аргументом в пользу этой убогой кафешки являлось наличие в её пределах суетливых азербайджанцев, гарантирующих поставщиков марихуаны и гашиша. Кстати, и у нацменов был свой куратор – дагестанец Фарид, умудрявшийся дипломатично уживаться со всеми группировками города.

Как водится, борец-вольник, призер республиканских первенств. По слухам, бывший гантамировский ополченец, участвовавший в штурме Грозного в июне 1994 года. Умение выстраивать коммуникацию на любом уровне привело его к должности тренера по рукопашному бою в спортивном обществе «Динамо». Мастер-классы у него брали оперативники РУБОПа и бойцы ОМОНа, что определенным образом упрощало существование в сгущавшейся атмосфере бандитской Вологды. Фарид не множил вокруг себя больших родственных колец, как это обычно делали его собратья. Он обходился одной машиной самых близких и широкой сетью преданных рукопашников, имеющих в каждой кавказской диаспоре. Попасты в секцию к Фариду для молодого выходца с Кавказа было почетнее, чем гимназисту – ботанику поступить в МГУ. Чаще всего машину «фаридовских» видели около шашлычной «Дербент» на окраине Вологды, в районе станкозавода.

⁵ То есть «стремящийся» стать вором в законе.

Наличие этого минимума познаний темной стороны города было необходимо любому начальнику охраны крупного питейного заведения. А если, помимо услуг возлияния и чревоугодия, наличествовали женщины, громкая музыка и ночь до утра, то ориентироваться во всех нюансах нужно было ещё в режиме актуальных новостей.

Харламов как раз и был фигурой, близкой к идеалу для этой работы. Отслуживший в армии и понюхавший пороха, практически непьющий и абсолютно эмоционально устойчивый. К тому же, демобилизовавшись командиром стрелкового отделения Московского погранотряда, он умело руководил личным составом охраны. И, что немаловажно, менты, обслуживающие территорию, на которой нес людям радость ночной клуб «Джем», считались с мнением Харламова и большинство ситуаций оканчивалось компромиссным решением. Сложнее было с ОМОНОм, который в эстрадным дуэте с РУБОПом или ОБНОНОм ⁶, мог устроить ураганные маски-шоу, но это уже воспринималось как данность, как стихийное бедствие, как часть бизнес-процесса.

Обычно смена службы безопасности состояла из шести человек. Пара дежурила на входной группе, двое находились в зоне танцпола, боец контролировал стойку бара и ещё один скучал на кухне, присматривая за персоналом и числясь резервным. В выходные дни клуб мог вместить в себя до пятисот человек, а в праздники или дни народных гуляний и того больше. Летом на входном пандусе здания расцветали зонты летнего кафе, дымил мангал и гудели холодильники с пивом. Клуб прирастал дневным посещением, соответственно добавлялся и ещё один пост.

Основной охранной концепцией Харламова было убеждение: «Непустишь одну проблему в клуб, не поимеешь десять». Поэтому третьим номером на входе, обычно маячил сам руководитель терробороны. Конечно, о существовании фэйс-контроля в крупных городах все были наслышаны, но Вологда – город маленький и отсеив ненужных клиентов велся применительно к существующей обстановке. Например, в четверг, когда посещаемость была гораздо ниже выходного дня, запускаться могли практически все желающие. А при полной заполняемости, спокойно могли отказать какому-нибудь залетному владельцу пилорамы из Великого Устюга. Денежный поток был достаточен. То, что не заработалось сегодня, зарабатывалось завтра.

Владельцы клуба, бывшие валютные спекулянты, а ныне учредители кредитного учреждения «Процент», относились к индустрии развлечений соответственно. Как к развлечению. Чаще всего при посещении ночного клуба, они вели себя как организаторы конкурса красоты. Выбирали девушек посимпатичнее, раздавали призы в виде дорогого шампанского «от заведения» и, в качестве гран-при, увозили основных «победительниц» в турне по вологодскому району. На загородную базу отдыха или в банно-развлекательный комплекс. Конечно же, это было не со всеми, кого пожелали, но и доля желающих была повыше «отказниц». Кстати, управляющей клуба была одна из таких «мисс Джем». Оля Фуштейн, приезжая из небольшого поселка, где главными достопримечательностями были лесозавод и колония-поселение. Будучи студенткой медицинского училища, Оля уже не видела себя фельдшером скорой помощи или старшей медсестрой приемного покоя. С хваткой мастера-пилоточа ⁷или лагерного бугра⁸, она прокладывала свою тропинку в областном центре на пределе человеческой гибкости. Дергалась то в одну сторону, то в другую. Недолго жила с блатным, но тот через пару месяцев совместного проживания загремел на десять лет за убийство собутыльника. Всё лето проработала проводницей на маршруте «Воркута-Адлер», но, кроме сравнительно небольших денег (в сравнении с

⁶ ОМОН (отряд милиции особого назначения; отряд мобильный особого назначения) – ныне в составе Росгвардии; РУБОП – Региональное управление по борьбе с организованной преступностью, существовали с 1993-го по 2008 гг.; ОБНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. – *Прим. ред.*

⁷ Мастер по заточке пил на деревообрабатывающем производстве.

⁸ Лидер в уголовной среде.

выматывающей профессией) и умения филигранно отказать в сексе куратору от РЖД, ничего не приобрела. Поэтому, когда её смазливую мордашку хозяева «Джема» заприметили в мигающих лучах светомузыки и пригласили на уикенд, время на раздумье не бралось. Она использовала свой шанс на полную катушку. Ночь с пятницы на субботу Оля провела с одним, с субботы на воскресенье с другим. Оба босса получили такой фейерверк сексуальных впечатлений, что скромную провинциалку стали называть между собой «наша Оля».

И чтобы она всегда была, так сказать, под рукой, трудоустроили официанткой. Затем, сочетая природную сметливость, легкие доносы на персонал, умение хорошо двигаться под любыми углами Оля добилась перевода на должность бармена. А через год стала управляющей. Ольгой Александровной. Её выезды на природу резко снизились, а затем и вовсе прекратились, ибо пятница-воскресенье были самыми денежными днями, а на неделе бенефициары проводили время с семьями. Но Оля держала ситуацию под контролем и личный состав официанток пополнился веселыми и «нежадными» девицами без комплексов. Правда и здесь, управляющая, что называется, «секла поляну» и, если появлялась вероятность появления новой фаворитки, возможная кандидатура безжалостно увольнялась. Стезя медицинского работника вспоминалась как досадная потеря времени.

* * *

– Оля, привет, – Харламов, зашедший в бар с черного входа, вежливо тронул локоть стройной блондинки.

– Доброй ночи, Димочка, – начальница оторвалась от изучения записей в блокноте и, развернувшись на высоком стуле, прихватила ладонь старшего охранника, – ты сегодня рано...

Действительно, клуб ещё не открылся. На дальних столиках официантки меняли салфетки, диджей, сидя за пультом, что-то проникновенно слушал в наушниках, бармен, раскорячившись, таскал упаковки с пивом из кухни в зону своей ответственности. Сама же бизнес-леди пила кофе за стойкой бара, пролистывая ежедневник. Излишне долго, для простого приветствия, подержав руку Харламова, она, наконец, заметила за его спиной переминающегося с ноги на ногу Малыгина.

– Новое пушечное мясо, – улыбнулась она в его сторону, – и уже побитый...

Леха потер пятно синяка на височной впадине и вопросительно глянул на старшего товарища. Как себя вести с этой симпатичной и, на грани хамства, уверенной девушкой он не знал.

– Стажер, – кивнул Харламов, – способный, КМС по боксу, на кухню пока планирую.

– Красновские кадры переманиваешь, – ещё шире заулыбалась Ольга, – или мальчик сам переобулся?

– Учимся вместе, историк будущий. Вот пусть и посмотрит, как она творится, история-то...

Харламов подтянул Малыгина поближе и похлопал по плечу:

– Алексей Малыгин, из Ярославля, сегодня занял почетное второе место на областных соревнованиях по боксу, очень достойный парень, рекомендую.

– Ольга Александровна, можно тетя Оля, – картинно поклонилась управляющая.

Леха еле сдержал улыбку – тетя Оля на вид была старше его не более чем на пару-тройку лет.

– Если он такой способный, ставь его на ворота сразу, – наманикюренный палец с золотым кольцом указал в сторону входа, – а то Саша Бульдог опять какому-нибудь вип-гостю лещей надаёт. Потом разборки на утро. А Леша, сразу видно, интеллигент в маминой кофте. Поговорит, убедит...

– Бульдог с Травой уехал на «стрелу» какую-то, – тактично перебил Харламов, – Колобану я из кухни на ворота перекину, а Леха на его место. Пусть с низов начнет, чего сразу на передний край?

– Тебе виднее, только не забывай, что стажер у нас за смену половину суммы получает...

– Я и за еду могу, – тяжелоვნесно бухнул шутку Малыгин.

Зачем это ляпнул, он и сам не понял, но стоять молча, как негр на рабовладельческом рынке, уже надоело.

– Дашь ему три пачки пельменей, – то ли всерьёз, то ли шутя сказала Ольга и взяла в руки коричневый кирпичик блокнота, – ладно, иди обозначь фронт работ, а потом у меня в кабинете ещё появишься, Димусик...

Даже не очень искушенный в вопросах флирта, Малыгин понял, что охранника и управляющую связывают, помимо рабочих моментов, далеко не служебные отношения.

Харламов на «Димусика» слегка порозовел, но тут же взял себя в руки и подтолкнул Леху ко входу на кухню.

– Пойдем, студент, расскажу как пельмени зарабатывать надо...

Особых сложностей в работе «охранника-крысолова», как и во всей концепции защиты ночного клуба, не было. В качестве символа власти сотруднику охраны выдавался ключ от двери черного хода, во избежание несанкционированных выходов и, соответственно, выносов продуктов и алкоголя во время смены. К тому же особо настырные любители ночной жизни и халявы, первое время, пока на кухне не закрепили пост, прорывались в зал с тыла. Да и обслуживающий персонал грешил бесплатным протаскиванием друзей и родственников в оазис ночной жизни. В общем, внешняя угроза для бюджета входного билета с тыла, таким образом, снижалась. Мероприятия внутренней безопасности заключались в осмотре сумок при выходе персонала по закрытию клуба. Ещё пара небольших обязанностей в виде впустить/выпустить курящих работников и для оперативности оказывать помощь бармену в доставке упаковок с алкоголем к стойке. Ну и, ко всему прочему, кухонный боец рассматривался в качестве резервной единицы в случае массовых беспорядков внутри заведения. Однако Харламов строго запретил Малыгину появляться в зале. «Жало своё не вздумай высунуть», – резюмировал он инструктаж. Оставив новобранца наедине с поваром и парой помощниц, шеф службы безопасности покинул прогорклое помещение. Поддатая повариха Антонида попыталась втянуть в производственную беседу, усевшегося на стуле возле двери, Леху, но тот молча пару раз кивнул, и кухонные аборигены перестали его замечать.

Слишком много в один день навалилось событий. Точнее за один вечер. Контузия боксёрской схватки, наезд «ермаковских», красивая девушка Таня, ночной клуб и странные отношения Харламова с управляющей. И даже полубасня кавээновского лицедея Бобикова скользнула сиропом в коктейль обрушившихся впечатлений.

* * *

Таня... Леха вновь стоял на сквозняке коридора, когда их глаза оказались в полуметре друг от друга, ощутил фруктовую свежесть её тела, тактильный импульс крепких кулачков за секунду до толчка вглубь спасительной раздевалки. Зачем она это сделала? Могла бы просто пройти мимо, не удостоив взглядом абсолютно незнакомого человека. К тому же побившего её, как минимум, хорошего знакомого. Лехино волнение было мужским, а не исследовательским. Вера во взаимную симпатию Татьяны неожиданно ударила о препятствие. А может из жалости? Если она пришла с этими бандосами, то могла понимать, что произошло бы, останься Малыгин на виду ещё десять секунд. «Да нет, что меня жалеть-то, не колясочник, в конце концов. Хотя кто их, женщин, знает... Ещё бы раз увидеть её, на пять минут, поговорить, объяснить...»

– Дяденька, покурить выпустите? – невысокая смешливая девушка в клубной форме дотронулась до коленки залипшего Малыгина. Рядом с ней маячил диджей со спущенными на шею наушниками.

– Да, да, конечно, – несколько поспешно полез за ключом Леха.

– А обыскать не хотите, вдруг я баранью ногу унесу? – официантка продолжала атаку ковыряющегося в замочной скважине охранника.

– Поделитесь, – буркнул Леха в ответ и отворил дверь.

Постепенно клуб оживал, наполняясь персоналом, а затем и первыми посетителями. Для Малыгина это выразилось, в первую очередь, в увеличении количества открытийзакрываний для заядлых курильщиков. Децибелы музыки набрали рабочую мощность, и официанты включили третью скорость. Ещё через час-полтора для Лехи всё слилось в общий грохот. Оглушающие звуки зарубежной эстрады (как выразились бы лет десять назад), суматоха поваров, выкрики официантов – всё это ушло в сплошной фон, на котором размышлять о произошедшем становилось всё тяжелее. Пару раз в зале выключалась музыка и завывала сирена, то есть начиналась драка. Леха машинально вскакивал со своего места, но, памятуя, установку старшего, усаживался обратно. Рассмотреть в мерцающей темноте что-нибудь дальше пределов барной стойки не получалось. А персонажей около неё Малыгин давно рассмотрел и никакого интереса эти типажи уже не вызывали. Пьяный толстяк, оплывший седалищем барный стул. Две малолетки, мусолившие через трубочку третий час одну на двоих бутылку пива. Романтическая парочка, лизавшаяся с темпераментом латиноамериканских студентов и, тем самым, вызывавшая у всех раздражение. Этих влюбленных постоянно толкали в спину и бока, но парень прочно оплел тощими ногами стул, а партнерша, по-обезьяньи, держалась за его шею, сидя у него на коленях.

Время шло к полуночи, когда Леха, устав от однообразного сидения и облучения кухонной радиацией, решил размяться. Выйдя из помещения, он пару раз вдохнул свежий морозный воздух и, коротко, за минуту прогнал суставную разминку. Чуть помедлив, Леха всё же сделал несколько шагов в сторону и оказался под светом уличного фонаря. Клуб-кинотеатр, вытянувшись вдоль одной из центральных улиц города, искрил неоновой вывеской, изредка приоткрывая зев входных дверей. Несколько людских кучек на широкой лестнице периодически менялись содержанием или количеством. Кабак словно дышал, выпуская и запуская людские массы. Кто-то входил, нарядно приосанившись, кто-то выскальзывал перекурить или просто подышать. Один бухой, по виду пэтэушник, вывалившись бесформенным кулем, еле успел до угла и бурно облевался. В общем, ничего нового в индустрии развлечений. Полукруглая парковка, забитая разномастным автопромом, расходилась лучами пешеходных дорожек в стороны. Центральное освещение улицы явно проигрывало клубному, поэтому парковка казалась некой сценической, или, скорее, ареной, на которой давались цирковые номера. Судя по бурным кляксам на снегу, кого-то недавно побили, или, как выражался Рома Ушаков, «пролили щи». Очередной посетитель со слабым желудком не донес содержимое до домашнего унитаза – пятно размером и формой напоминало политическую карту мира, висевшую на кафедре политологии. Какой-то «водятель», очевидно разворачиваясь, застрял задом в сугробе и с горем пополам оттуда выбрался. Басы ухали от стен и поглощались ночным холодным воздухом.

Леха, уже практически развернувшись, уходя в свой вонючий кухонный мирок, как боковым зрением заметил стройную фигуру в, до хруста в памяти, знакомом коричневом «пилоте». Таня появилась в круге света со стороны проезжей части. Она, скорее всего, вышла из такси или подвезли знакомые, но Малыгин об этом не думал. Он замер соляным столбом, неприлично вперившись взглядом в неуверенно приближающуюся ко входу девушку. Сама Татьяна не видела новоиспеченного охранника – Леха, словно подающий угловой футболист, замер на краю поля, то бишь, освещенного пространства. Она, с каким-то детским выражением лица – куда делась та решительность? – переступала потраченное снежное покрытие, подходя к гранитным ступеням входной группы. Там было уже сложнее – плотные мужские группы разда-

вали вокруг себя пьяно-нецензурную атмосферу. Таня остановилась. Леха был готов проводить взглядом ту, о которой думал весь вечер, памятуя о наставлении Харламова не высовываться, но... Таня одиноко стояла перед лестницей, рядом было много грубых и пьяных мужиков, а он всё же охранник. В общем, ничего личного, служба... И он пошел к ней.

Таня увидела Малыгина, по-видимому, сразу, когда тот только начал движение в освещённом пространстве. Секундно-мимолетная радость узнавания на её лице сменилась выражением тревоги. Леха, заготовив улыбку, ответно скрыл её под маской «серьёзного парня». Девушка кинула быстрый взгляд на вход в клуб, затем обернулась в сторону плохо освещённой улицы. Секунда и Алексей уже стоял перед ней.

– Привет, – радость встречи все ж просияла на его лице, – я, к сожалению, не знаю как тебя зовут...

– Привет, – перебила его Татьяна, – Таня... А ты без куртки почему? Простыть не боишься? Может, в здание обратно зайти тебе?

Она практически скороговоркой выдала эти вопросы, еще раз обернувшись на шум проезжающих машин.

– Я охранником здесь работаю, – Леха подпустил неуместной важности в диалог, – смотрю девушка знакомая пройти не может, вот решил помочь...

– Не надо помогать, Леша Малыгин, – огорошила она знанием его имени, – Юра с друзьями машину в соседнем дворе паркует, сейчас подойдет... А из клуба нас должны выйти встретить девчонки, которые, кстати, тоже со своими парнями.

Лехе будто плеснули в лицо кипятком. Горячая кровь пробежала сначала по ушам, затем широкими струями разошлась по всему лицу.

– Да, я просто поблагодарить хотел, – Леха попытался придать своей интонации спокойствие, но концовка фразы срезалась мямлей, – я думал...

– Послушай, не надо думать, – начал Таня, но окончить не успела.

– Это что за херня!?

Леха и Таня синхронно повернулись.

Ермакова с ходу узнать было трудно. Широкий пластырь мостил переносицу, а под обоими глазами разошлись темные круги. Так называемый «симптом очков», менял его решительное выражение лица на злобный образ киношного вампира. Черная кожаная куртка с поднятым воротником завершала образ. Рядом, с грубым ускорением, двигались двое бандюков, шерстивших раздевалки.

– Таня, иди в клуб, – бросил Ермаков девушке, приближаясь к Лехе, – нам с этим молодым человеком многое обсудить надо...

– Юра, мы же хотели посидеть спокойно, – Таня выступила чуть вперед, так что Леха оказался за её спиной, – да и как я туда пойду, Света с Ромой меня не встретили...

– Да, вон, они, – Ермаков аккуратно взял Татьяну за плечо и развернул в сторону лестницы, – Ромыч! Пусть Таня со Светкой в зал идут, Шурупа и Антоху позовут заодно, а ты сюда иди! Должничок тут нарисовался...

Высокий и костистый Ромыч, возвышаясь над толпящимися у входа курильщиками, споро сбежал с лестницы и оказался за спиной Малыгина.

Весь этот динамичный разговор Леха стоял неподвижно. Грека и напарник встали с боков, исключая возможность побега с места предстоящего происшествия. Да он и не побегал бы. Во-первых, из-за Тани, во-вторых, уже некуда. Ноги обмякли, кипяток от лица спустился к груди, заставляя сердце учащенно ухать. Участвовать в дворовых драках Лехе, конечно же, приходилось, но здесь разбитым носом или фингалом уже было не отделаться.

Эти могли покалечить.

– Юра, – снова попыталась вмешаться Татьяна, – может в другой раз поговорите...

– Таня, я отцу твоему обещал присматривать за тобой, – Ермак говорил ласково, но жёстко, – а здесь сейчас небезопасно будет. Для кого-то точно... Иди, вон, Светка, замерзла уже.

Таня поджала губы и, молча, не глядя в сторону Малыгина ушла в здание.

– Ну, что, псина, – Ермаков покачивался с носка на пятку, – бери веревки поехали в лес...

От него пахло хорошим парфюмом, причёска, несмотря на попорченный анфас, была идеально уложена, ворот распахнутой кожаной куртки обнажал мощную шею в белом свитере. Биоволны угрозы шли на Малыгина со всех сторон, а циркулирующие потоки венозной крови грели так, что декабрьский морозец уже не мешал. Мешал мелкий тремор рук, ватные ноги и липкий страх, пытливо ощупывающий мышечные волокна. Леха понимал, что эта компания разительно отличается от блатных, с которыми ему пришлось зацепиться при заезде в общагу. Ко всему прочему, все бандюки были физически крепкие, подготовленные и уверенные в своих силах. Что нельзя уже было сказать про Малыгина.

Забрезжила шальная мысль рубануть Ермакова ещё раз и резким спринтом метнуться в сторону темноты, а там, уже полагаясь на крепкие ноги, постараться уйти от, обременённых лишней мускулатурой и зимней одеждой, агрессоров. Но...

– Шевели конечностями, пассажир, – Грека, стоявший слева, чувствительно ткнул чем-то твердым в бок, – до машины прогуляемся.

Леха скосил глаза и увидел в руках Греки чуть потертый, слегка отливающий серо-зеленым оттенком пистолет ТТ. Самое известное личное оружие Великой Отечественной. Сотни раз виденное им в исторических альманахах, музеях и на фотографиях. Но впервые это благородное оружие защитников родины упиралось в собственные ребра. Патриотический ореол обязательного атрибута советского командира вдруг полинял, как воронение на затворной раме. Эта легенда не могла и не должна быть использована злом. А Грека с ассиметрично перекошенной рожой сейчас именно с абсолютным злом и ассоциировался.

– Хрена встал!?! – сильнее надавил он стволом пистолета, – или тебе здесь лапы прострелить?

Ермаков шагнул вплотную и крепко взял за рукав олимпийки.

– За все отвечать надо, чемпион херов, – нехорошо ухмыльнулся он в лицо Малыгину, – а то по жизни кайфовать привыкнешь... Мы тебя можем здесь при всех сломать, а потом обоссать, но лучше пусть это нашим личным делом останется, да?

– Руки убери, – дрожь все же не прорезалась в Лехином голосе, – я сам дойти смогу.

– Ну так, пошел! – стоящий сзади длинный Ромыч увесисто хлопнул Малыгина по спине.

Окруженный спайкой четырех крупных мужчин, Леха двинулся установленным маршрутом.

Они вышли с парковки и по тротуару, молча прошагав метров пятьдесят, свернули за здание бывшего «Универбыта». До ближайших жилых домов было метров двести, а образовавшийся пустырь сформировался в стихийную парковку. Машин, правда на ней было немного, но и освещение на эту площадку проникало лишь небольшим кусочком отсвета от уличного фонаря.

Леха понял, что его ведут к двум, стоящим несколько наособицу автомобилям. К «девятке» «мокрый асфальт» Ермакова и черному форду «Скорпио».

– На, сука!

Мощный удар ногой в спину, скорее всего, от нетерпеливого Ромыча швырнул Малыгина вперед. Однако эффект воздействия получился неоднозначный. Центнер напавшего, сконцентрированный в подошве 45-го размера, совокупился с инерцией лехинога хода, придав могучее ускорение. Еле удержавшийся на ногах, Малыгин пролетел вперед и, выставив локоть, снес, шагающего перед ним, Ермакова. Уже самостоятельно продолжая движение, он перепрыгнул через растянувшегося визави и попытался, протиснувшись между автомобилями, выскочить

на оперативный простор. Темнота всё же делала своё дело. Обе машины были почти вплотную припаркованы к трансформаторной будке, на которой угольным облаком лежала тень от «Универбыта». Леха через полтора прыжка уткнулся в массив неоштукатуренной стены и, глупо дернувшись вправо-влево, резко развернулся.

Ермаков уже поднялся, но его рывок придержал Грека, турникетно всунув левую руку. В другой он держал пистолет, нацелившись Малыгину в область паха.

Ромыч и безымянный, разойдясь по дальним сторонам припаркованных машин, сближались с Лехой справа-слева. Безымянный натягивал на перчатку кастет, длинный покачивался в боксёрской стойке. Малыгин прижался к стене, вжимаясь в ожидании зубодробительных ударов с боков или выстрела в упор. Как это обычно с ним бывало на ринге, страх отступил под воздействием резко вброшенного в кровь адреналина. Страх не ушел, нет, просто казалось, что происходящее наблюдается отстраненно и сердце замерло в ожидании развязки, а не понимания того, что сейчас ты можешь быть убит или покалечен.

Греке удалось сдержать рывок перепачканного грязным снегом Ермакова, да и боковые дрессированно встали в полуметре от жертвы.

– Ну, что набегался? – качнул зрачком оружия Грека, – яйца отстрелить тебе, а?!

Одновременно с выкриком окончания грохнул выстрел. Хлесткий удар маленьким отбойником вспенил цементную крошку совсем рядом с коленом. Нереальность происходящего уже не казалась кадрами из фильма. Чмокающий звук пули, сухой грохот выстрела и злая усмешка Ермакова становились явью. Леха замельтешил взглядом – зрение отказывалось фиксировать что-либо дальше лиц нападавших. Понимание того, что он, мальчик из интеллигентной семьи, будущий историк окажется сейчас на загаженном снегу с простреленной головой или переломанными конечностями сплелось с холодом каменной стены за спиной, ослепившей вспышкой и кислотоватым запахом пороховых газов.

В этом состоянии он не заметил, как Грека кивнул длинному и тот, сокрушающим прямым, сбил Малыгина с ног. Правда, инстинктивно Леха попытался уклониться и удар не повлек нокаутирующих последствий, но все равно, не удержав равновесия, пришлось распластаться на грязном снегу. Тут же холодный ствол пистолета преобольно ткнулся куда-то под ухо, и что-то теплое скользнуло за ворот. В две руки Леху подняли. Тут же кто-то сзади подрубил его по ногам. В конечном итоге, Малыгин оказался на коленях и перед его лицом маячил железный обрубок смерти на мерцающем фоне кожаных курток. Сзади кто-то тяжелый плющил икры грубой обувью, правая рука была зафиксирована длинными рычагами Ромыча, левой он упирался в обжигающий снег.

Леха слегка плыл от удара, а звон в ушах не позволял разобрать слова, а точнее крики Ермакова. Только обрывки слов, матерными пятнами оседали в ушах.

– ...идар! ...ы кто такой ...! ...йчас ...емлю, ху...с, жрать бу...!

Звонкая оплеуха выбила искры слез из глаз. Это побитый чемпион, раздраженный отсутствием реакции на словесный прессинг, решил привести в чувство сегодняшнего соперника. Но возымело это обратный эффект. Брызги слез – Ермаков жёсткой ладонью саданул прямо в переносицу – взорвали детской обидой все мышцы тела. Всхлипнув злостью, Малыгин рванул вверх. Крепкие молодые ноги вырвались из-под сотни живого веса, рукав адидасовской олимпийки остался в зажиме фиксирующего, и он, не поднимаясь, по определению самбиста Харламова, совершил проход в ноги. Подхватив Ермакова под сгиб и воткнув плечо в коленную чашечку, Леха свалил агрессора на спину. И сам оказался сверху. Что-то подвывая и не чувствуя ударов, которые посыпались со всех сторон, Малыгин зажал шею противника в локтевой сгиб и, вваливаясь всем телом, начал душить. Такого с ним ещё ни разу не было. Какая-то новая, темная сторона его сущности вырвалась на волю. Он уже с мазохистским восприятием ощущал град ударов по голове и спине. И в это же время желание задушить Ермака было абсолютным садизмом.

Чья-то жилистая рука настойчиво пыталась прорваться под подбородок, чтобы оттянуть от, уже начавшего хрипеть, Ермакова, но истерический всплеск последних сил никому не дал бы такой возможности. Сквозь пелену угара Леха почувствовал, как внезапно, перестав сопротивляться, обмякло тело соперника. Про эффект засыпания при удушении Алексей не знал и поэтому звериные рефлексy, потеряв упор сопротивления, скинули обороты. В этот момент один из слепых ударов пришелся точнехонько по правой почке и боль прошла всё, уже не закрытое адреналиновой коркой, тело. Леху стащили в четыре руки с Ермакова и опрокинули на спину. Он попытался свернуться в сторону боли, но кто-то прижал его грудь коленом и горячая лава запульсировала по всему телу. Сжав веки и зубы, Леха хотел было стянуть колено, но сил хватило лишь на то, чтобы вцепиться в джинсовую ткань. Угасающим сознанием он слышал, как приводили в чувство, надсадно кашляющего, Ермакова, но навалившаяся апатия не позволила ему даже повернуть головы. Болевые ощущения были такими, что смерть уже казалась избавлением. Мыслей о маме, доме или друзьях не было. Только желание скорейшего окончания.

Резкий яркий свет обжег глаза. Давление на грудь ослабло и Леха, вздохнув, застонал от тысячи маленьких иголок, пронзивших заполнившиеся холодным воздухом легкие. К ослепительной белизне добавился звук работающего автомобильного двигателя. Нарастая, он приблизился и, хрустнув тормозными колодками, смолк.

– Ермаков! Греков! Стоять!

Властный и удивительно знакомый голос тигриным рыком охватил вокруг всё пространство.

– Вы что вытворяете!?! Шары опять залили, звезды микрорайона?! Ствол убери, дебил!

Наконец булыжник колена окончательно ушёл с лехиной грудной клетки, позволив сделать полноценный вздох и повернуть голову в сторону потока света. Прямо перед лежащим навзничь Малыгиным стоял, судя по сутулой фигуре, Грека. Сквозь арку его широко расставленных ног он увидел, что лежит между машин по диагонали, уперев одну ногу в колесо «Форда». Держась за капот девятки, чуть согнутый Ермаков сплевывает тягучую слюну, а свет щедро расходится от широких лопат «мерседесовской» оптики.

– Сергеич... – растерянно кто-то протянул на другой стороне поля боя.

– Я, Ермак, мажор ты сраный, мало тебя от мусарни отмазывал?! – голос Краснова (а это был именно он) загремел уже совсем рядом, – волну сюда!

Грека, смещенный могучей дланью, провалился в сторону и монолит кряжистой фигуры в растёгнутой дубленке почти полностью перекрыл поток сияния. На фоне светящихся фар было отчетливо видно, как «тэтэшник» провалился в глубокий карман верхней одежды.

– Поднимите его! – скомандовал главный тренер области, – да, аккуратно... Придурки...

Кто-то услужливо кинулся к Лехе, но тот и сам уже вставал на ноги. Без поддержки всё же не обошлось – его качнуло, но подставленные сзади руки упасть не дали.

– Как ты, живой? – чуть снизу заглянул в опущенное лицо Малыгина Андрей Сергеевич, – сам до машины дойдешь?

Леха кивнул. Его наконец начало бить мелкой дрожью. Холод, отходняк от полученных побоев и пережитого стресса сетью затягивал все тело. Двое ермаковских «молотобойцев» сопроводили его до заднего сиденья красновского мерседеса. И в теплом салоне, на подогреве кожаных сидений Леха отключился.

Он не увидел, что на переднем пассажирском сиденье расположилась Таня, нервно и пугливо кусавшая губы. В то же время она, быстрым движением перегнувшись, вытерла кровь и грязь с его лица своим носовым платком. Не видел Малыгин и того, что происходило на парковке.

– Вы чего до парня дое...лись!?! – обычно очень сдержанный Краснов, гвоздил матом не хуже грузчика ликероводочного завода, – дерзкое новогоднее настроение?!

– Сергеич, он в западло Юрца, с локтя рубанул... – длинный Рома робко ответил за всех.

Удивительная картина разворачивалась на задней площадке «Универбыта». Плотная невысокая фигура главного вологодского боксёра, казалось, мозжила сознание четырех дерзких и агрессивных парней. Словно радиация, его слова и интонации сутулили их широкие спины, делали ниже ростом и заставляли опускать глаза в истоптанное снежное покрытие.

– Где рубанул?! – Краснов резко развернулся в сторону осмелившегося вякнуть, – в подъезде? С десятком быков? Или может он вертухаем работал и, Ермака, когда тот на сутках, дубьем отбуцкал а!? Он студент! Студент, сука, первокурсник!

Бойцы молчали. Даже скрипучий и жестокий Грека еле заметно жался, отступая в темноту. Краснов переводил десятипудовый чугунный взгляд с одного на другого, наконец, уткнув в перебитую переносицу, отхрипевшегося, Ермакова.

– Андрей Сергеевич, – севшим голосом пробормотал тот, – мы не хотели ничего такого, просто поговорить, а он...

– А он не зассал, да!? Ни стволов ваших, ни ксив мастерских!? – Краснов подтянул за ворот кожаной куртки панду Ермакова, – Юра, я этого пацана хотел в сборную области взять, на первенство страны готовить, а вы, уроды, на инвалидность его чуть не перевели! Вы бы такие смелые с фаридовскими были или у Макара таксистов отжали вокзальных! И Таньку Владимирову ты на хера в этот блуд втащил! Я же тебе говорил, кто её отец! Идиот! Он из вас всех фарш сделает и у себя на даче собакам скормит!

– Так это... Она ж в клубе... – растерянно оглянулся на своих Ермаков.

– Это она мне на пейджер скинула, что вы обеими ногами опять в жир залезли! Я только с Москвы в город заехал, хотел в баньке посидеть с братом, а тут...

Краснов устало, но уже без агрессивной экспрессии, махнул рукой.

– Короче, пацана этого не трогайте и забываете на хер. Ты, Греков, завтра игрушку свою у Вошкадера выкупишь, он тебе и сумму скажет. Это ваш штраф за то, что коллективной собственностью как своей распоряжаетесь. Хочешь, сам плати, хочешь, вон, на мажора повесь или на всех раскиньте... А сейчас ведра забирайте, телок подотрите и по ха-вирам... Да, Таню я сам увезу. Всё.

Широкая морда «Мерседеса», вплыв на освещенную парковку из уличного сумрака, внесла в алкогольно-клубную монотонность заметное оживление. Одно из отличий небольшого города – все знают принадлежность крутых машин. Поэтому красновский «мерс» срисовали сразу же. Легкий, почти видимый, шелест прокатился по кучкам курящих и тусующихся и, вполне осязаемо, юркнул в тоннель входной группы. Краснов не был частым гостем ночных клубов, предпочитая русскую баню, поэтому появление его автомобиля перед увеселительным заведением можно было назвать событием городского масштаба.

Малыгин, пришедший в себя, удивленно, изредка морщась от болезненных ощущений, осматривался в, бликующем кожей, салоне немецкого автомобиля. Девушку он не видел за широченной спинкой переднего сиденья и, лишь когда в салоне на секунду вспыхнул свет – Краснов, открыв дверцу, сел за руль – Леха понял, что в машине он не один.

– Как себя чувствуешь, боксёр? – грузно повернулся в его сторону Андрей Сергеевич, – ч то, где болит?

– Везде, – улыбнулся Малыгин, – но не смертельно...

– Это хорошо, – удовлетворенно хмыкнул Краснов, – сам понимаешь, в больничку не поедем... Ты где обитаешь?

– В общежитии, на Горького...

– Сам из Ярославля, вроде бы? – под этот вопрос машина зарулила ко входу в клуб.

Да... На истфаке учусь... – преодолевая астеническое состояние, Леха чуть подался к передним сиденьям.

И замер. Тот самый – сандаловое – фруктовый запах, которым он бредил, сидя на стуле в вонючей кухонной подсобке «Джема», едва уловимой кистью прошелестел по обонянию.

– А здесь чего забыл? – Краснов кивнул через лобовое стекло на появившийся в зоне видимости клуб, – потанцевать?

– А он здесь в охране работает, – Таня, развернувшись, наконец показала себя Малыгину, – но только в непутевой какой-то... Ни украсть, ни покараулить.

Она весело, явно скрывая испуг, посмотрела Лехе прямо в глаза. Смешинка её взгляда подействовала как обезболивающее – потерпевший просиял ответной улыбкой, но тут же схватился за ссадину от пистолетного ствола, пробороздившую шею.

– Ты с Травой, что ли, шагаешь? – несколько озадаченно спросил Краснов, – к огда успел-то под него нырнуть?

– Нет, я первый день, – Леха не отрывал взгляда от спинки и подголовника, за которыми вновь скрылась Татьяна, – сосед по общаге попросил подменить кого-то...

– Харлам? – скорее с утвердительной, нежели вопросительной интонацией произнес Краснов.

– Да, а вы откуда...

– Понятно... – протянул, чуть отпуская напор диалога, Андрей Сергеевич, – Харлам давно мог бы уже нормальные бабки зарабатывать, а всё билетки на входе проверяет... Чего ж ты его с пацанами не позвал, когда тебя Ермаков на рамс поволок?

– Не успел, да и я ж без претензий...

– Он не захотел, я просила уйти, а он уперся, – снова вмешалась девушка в мужской разговор.

– Третий раз за сегодня ты меня удивил, пацан... Вон, кстати, и Харли собственной персоной.

Краснов кивнул на лобовое стекло. По ступенькам, без верхней одежды спускался Харламов. Леха удивился – никакой озабоченности на лице товарища не было. Он был спокоен, некоторым образом даже доброжелателен. Лехин взгляд упал на приборную панель, и он увидел время на циферблате.

00.28. А выходил он подышать свежим воздухом в начале первого. То есть все эти, пожалуй, на сегодня самые драматичные, события в его жизни случились в отрезке минут пятнадцати-двадцати. Естественно, неведение Харламова было абсолютно объяснимо.

– Посидите, – коротко бросил Краснов и вышел из машины.

Пока Харламов почтительно здоровался с Андреем Сергеевичем, перекидываясь фразами обязательной программы приветствия, Леха засмотрелся на профиль Татьяны. Та, почувствовав его взгляд, обернулась.

– Я не знаю, зачем я это сделала.

– Что? – не понял Малыгин, начинавший терять нить мыслей, когда девушка обращалась к нему столь непосредственно.

– Зачем в раздевалке спрятала, зачем Андрею Сергеевичу на пейджер скинула, что Юра тебя избить хочет, зачем платок свой испачкала... – рассмеявшись, уже на выдохе, она бросила бежевый комочек Малыгину на колени.

Леха автоматически поймал подачу, но ответить ничего не успел.

– Малыга, е!.. – резко распахнувший заднюю дверцу, Харламов осек, вылетевшую было, матерную тираду, при виде девушки и истерзанного состояния младшего товарища.

– Нормально всё, – пробурчал, вновь выбираясь на холод, Малыгин, – отогреться надо бы...

Видок у него был ещё тот. Оторванный рукав олимпийки, пятна от растаявшего грязного снега на джинсах, ссадина в пол-лица и распухшие губы с запекшейся кровью.

– Ты за каким хером поперся с ними!? – зашипел в ухо Харламов, стараясь, чтобы его не услышали находившиеся рядом посетители клуба, – меня не мог позвать?

– Не мог, – вписался Краснов и похлопал Малыгина по спине, – забирай его быстрее. Водки полтинник внутрь и сотку снаружи, а то простынет. Всё, пока, после Нового года увидимся...

Леха проводил взглядом тяжелую корму «Мерседеса», выбравшегося на проезжую часть и прощально моргнувшего стоп-сигналами. Харламов тянул его в здание, пьяные зеваки бурно обсуждали визит авторитетного предпринимателя, где-то вдалеке бахнул предновогодний фейерверк.

Харламов, наконец, сдернул Малыгина со стоп-крана и тот, понуро пошагал по ступеням входа. И только поднявшись к дверям, он увидел, что в кулаке зажат кусок бежевой ткани. Платок Тани Владимировой.

* * *

Купание в снегу, многочисленные телесные повреждения и нервное истощение всё же подорвали лехино здоровье. Воспаление легких, как следствие самого насыщенного в жизни дня, почти на месяц выключило Малыгина из активной фазы существования. Утром следующего дня боль в груди, изначально списываемая на полученные удары, сплелась с тяжелым кашлем и перетекла в горячечное состояние. Уже к вечеру стало совсем нехорошо, и Харламов вызвал «скорую».

Врач «скорой помощи» быстро поставил диагноз. От госпитализации Малыгин отказался и, в связи с тем, что в праздничную неделю он остался в комнате один, соответственно заразить никого не мог, доктор прописал постельный режим и амбулаторное лечение. Всё это время по-новогоднему полупьяный Бобиков, как он сам выражался «в предоргазменном состоянии», пытался поддержать, лежавшего пластом, Малыгина. Отпускал шутки из разряда «черного КВН», выдавал миниатюры и порывался привести сиделку. «Лет восемнадцати, с наличием вагинальной короны», – юморил Артемий. В связи с миновавшей угрозой, Леха хворал уже в своей комнате, а Бобиков, по просьбе Харламова, контролировал течение болезни. При этом принципиально маску не надевал, поясняя, что уже принял дезинфицирующее средство, и шутя, не к месту, о том, что «во рту всегда на два микроба больше, чем в жопе».

Кроме этого, слухи о драматичном спарринге и последующей разборке за «Джемом» распространились практически во всех молодежных кругах города. Фигура Малыгина начала обрастать романтическим ореолом, а трубадуры Бобикова усиливали скорость и эффект распространения внесением пазлов несуществующих подробностей. В частности, одной из былин было повествование о дуэли Ермакова и Малыгина на пистолетах. Имел место сказ об «одним махом троих побивахом». Сабельный бой в перекрестье прожекторов... Ну, а самой раскрученной версией событий был эпизод с появлением великого Артемия с автоматической винтовкой М-16 под конец разборки. «Очередь над бритыми головами и боксёры разбежались...» – тараша глаза вещали в народе бобиковские тролли.

Все эти нелепицы, посмеиваясь, рассказывал Харламов, забегая проведать больного, в перерывах между тренировками и работой. Леха натянуто улыбался, борясь с искушением узнать что-нибудь о Татьяне. Появляется ли она в клубе?.. Что с Ермаковым?.. Вместе ли они?.. И прочие вопросы рефлексирующего поклонника. Но молчал. Из последних новостей, уже близкой для Лехи бандитской темы, стало официальное назначение «смотрящим» по городу Макара, до этого имевшего статус и. о., и, соответственно, увеличившееся число присягнувших сторонников воровского хода. Что, в первую очередь, вылилось в резко скакнувший показатель ресторанных дебошей.

– Щеглы лет по семнадцать-восемнадцать на прорыв идут, прикинь, – рассказывал Харламов во время одного из посещений, – прямо в толпу сбиваются, херню какую-то орут про порядочных арестантов и ломятся сквозь охрану... Без оплаты, чисто по-баклански. А нас трое на входе, кого смогли выкинули... Бульдог челюсть кому-то сломал... Короче, веселого мало. Человек пять в зал прорвалось, изловили их потом...

– И что, в детскую комнату милиции сдали? – с мокрым кашлем перебил Леха.

– Да нет, вытащили на задний двор, ноги ментовскими палками отсушили, – мрачно ответил Харламов, – у них глаза стеклянные, верещат, мол, им смотряга разрешил с барыг получать. Типа, наш город и всё такое... Самое херовое, в этой толпе я пару малолеток из «Труда» опознал. По ходу, посадили на блатную романтику...

– А раньше, как было? – Леха удивился смене настроения товарища.

– А раньше, в основном, из колоний воспитательных молодежь была... Или уже нормальные сидельцы, – хмыкнул Дмитрий, – им на дискотеки наплевать. Чифирят, на рынке пятаки сшибают, да шмар колхозных по притонам трепят. Тут какой-то непонятный замес начинается. В «Севере» такая же была буча, в «Планете обезьян», на Пакле...

Харламов задумчиво покачал головой.

Леха молчал. Болезнь постепенно отпускала, очаг воспаления миновал за пару дней, сейчас оставалась лишь слабость, повышенная температура и мокрый отходняк в кашле. Да и до Нового года оставался один день.

– Домой-то поедешь? – заполнил паузу Харламов.

– Нет, наверное, – пожал плечами Леха, – вчера батя звонил на вахту, я сказал, что пара хвостов есть, надо готовиться, на каникулы лучше в феврале сразу приеду...

– Ну, значит, вместе отметим, – Харламов, вставая, похлопал по плечу больного, – я часов в одиннадцать вечера приду, клуб всё равно на спецобслуживание закроют. Боссы с женами и детьми будут, без головняков всё пройдет. Вот первого января... Ну, лады, выздоравливай.

* * *

Новый год, первый вне домашнего периметра, прошел для Лехи довольно буднично. На 2 января назначили зачет по археологии, поэтому ослабленному организму необходимо было восстановиться, чтобы, по типичному студенческому стандарту, выучить триста экзаменационных вопросов за ночь перед испытанием. Да и общага опустела. Все студенты из близлежащих городков разъехались по домам, а дальние иногородцы сбились в небольшие кучки по комнатам, не создавая бурных очагов винопития и разврата.

В комнату к Малыгину затесался Рома Кабанов, также исключивший поездку в родной Сыктывкар из-за экзамена, дороговизны билетов и дальности расстояния. Он приволок с собой маленький черно-белый телевизор и после череды дружеских похлопываний по его стенкам и манипуляций с антенной пятнадцатиметровая комната озарилась светом и звуком «Новогоднего огонька на ОРТ».

В общем, никаких глобальных потрясений первый Новый год вне домашних стен не принёс. Отгусовавший на закрытом мероприятии, Харламов присоединился к своим соседям ближе к часу ночи и безалкогольный праздник тихо закончился отбоем после двух часов ночи.

* * *

Тренироваться Малыгин смог начать только в начале февраля. Когда, нагостившись у родителей на каникулах, после без «троек» сданной сессии, вернулся на учебу. При этом, Краснов перевёл его в группу так называемых, «сборников». То есть спортсменов, официально входящих в состав сборной области. Как правило, туда попадали боксёры, занимавшие

только первые места на местных турнирах, но для Лехи было сделано исключение. Однако пневмония настолько сильно подкосила силы Алексея, что даже молодой и здоровый организм с трудом вытягивал, в целом, не очень большую нагрузку. Рома Ушаков несколько досадливо поглядывал на неуспехи красновского протеже, но возражать права не имел. По причине отставания Малыгину давались, в основном, индивидуальные задания. Сильная сторона ярославского парня – нокаутирующий правый прямой, требовал филигранной обработки. К такой коронке необходима была идеальная техника подводки. Поэтому основной акцент при подготовке давался в работе «на лапах», а «физуху» Лёха тащил самостоятельно. При этом, впервые за свою спортивную карьеру, Малыгин начал бегать кроссы на местном стадионе «Динамо», как только первое весеннее солнце принялось чернить прошлогодний снег. В сочетании с персональным подходом со стороны тренерского штаба, беговые тренировки очень быстро позволили восстановить прежнюю физическую форму и вернули полноценные легкие. Работа над техникой сделала боксёрский прогресс очевидным. Новогодний лехин оппонент в «Труде» после исторической схватки за «Универбытом» не появлялся. Сначала Малыгин это относил к каким-то санкциям Краснова, однако чуть позже прошёл слух, что Ермаков переехал в Питер. Якобы, отец его получил должность руководителя на одном из заводов Ленинградской области и перевёл сына на юрфак СанктПетербургского университета. Ходили ещё слухи о том, что Юре засветила перспектива удачной женитьбы... Малыгин, как только об этом заходила речь в раздевалке «Труда» либо на общажной кухне, старался ретироваться до того, как могло прозвучать имя удачной партии.

Пару раз на тренировку приходил двухметровый Ромыч, тот самый, который был в ночном клубе, но демонстративно не замечал Малыгина. Отработав разминку, вытаскивал кого-нибудь из молодых в своей весовой категории на ринг и спарринговался.

Несколько раз тренировки сборников проводил Краснов. Выдав короткую разминку, он сразу же переходил к практической части, гоня боксёров по круговым боям с отработкой различных оборонительно-наступательных тактик. Однажды он подержал для Малыгина «лапы» и, по окончании, одобрительно покивал, дав несколько полезных рекомендаций.

Приближался май, время такое же традиционное, как и новогодняя линия, для различного рода соревнований. Кто-то из бывших воспитанников «Труда», а ныне «авторитетный» предприниматель выделил федерации бокса немалые деньги для выездов за пределы Вологодской области. Поэтому приятные хлопоты руководства клуба по распределению воспитанников по сетке состязаний выразились в несколько суматошной череде бесед и рокировок. Первенство СевероЗапада в Пскове, Кубок страны в Подольске, турнир «Белые ночи» в Питере, матчевые встречи в Боровичах – это были лишь основные старты мая-июня 1995 года. Тут требовалась шахматная стратегия, инсайдерская информация о составе соперников и понимание уровня подготовки собственных спортсменов.

– Малыгин, после тренировки зайди в тренерскую, – бросил Ушаков Алексею, когда тот, закончив разминку, отошёл к перекладинам «шведской стенки» бинтоваться перед тренировочными «пятнашками».

Полтора часа вариативных схваток по кругу, работа по снарядам и «заминка» на турнике как обычно отлились стаканами пота и несколькими кровоподтеками на плечах.

– Рома, звал? – Леха просунул голову в дверной проем. К демократичному Ушакову в тренерскую можно было заглядывать без стука.

– Да, заходи.

Леха присел на край, увешанного олимпийками и шортами, стула.

– В общем, в Питер поедешь, – заглянув в ворох бумаг на столе, выдал Ушаков, – на «Белые ночи». С тобой пара «мухачей» и на сопровождении Анатолий Васильевич, знаешь его? Мелких тренирует.

– Угу, – Леха машинально кивнул, – а остальные куда?

– Кто куда, – Ушаков оттолкнул от себя листы, – то ни копыа денег, то глаза разбегаются. Вот завтра Шайбу завалят или посадят – опять без поездок на пару лет...

Очевидно, Шайба и был бизнесменом, выделившим деньги боксёрской федерации.

– Ну хоть так, – Леху вдохновила перспектива поездки, в Питере он ещё ни разу не был.

Настроение поднялось в таком позитивном ключе, что он, даже не удосужившись спросить, когда выезд, что за уровень турнира и кто в возможных соперниках, с балетной легкостью встал со стула.

– Куда поскакал? – сострунил тренер, – выезд через неделю, в четверг. Об организационном собрании я тебе сообщу, бумагу в институт напишем... Сергеич на тебя там рассчитывает... По уровню тебе ещё рано на Северо-Западе или на кубке выступать, на матчевые встречи нет смысла разменивать. Тем более, там, в Питере, в твоей весовой, перворазрядники, в основном да пара КМСов, сомнительных... Мастера какого-то «Динамо» хотело заявить, но это вряд ли, соревнования не те. Так что, все шансы привезти первое место у тебя есть.

Рома встал, давая понять, что напутствие окончено. Леха просиял улыбкой и, пожав сухую тренерскую ладонь, покинул кубическое помещение.

* * *

В общаге, как обычно в субботний вечер, после короткой учебной программы предвыходного дня царил атмосфера бразильского карнавала. Событийным эпицентром традиционно значилась общая кухня, где проходил бенефис Вани Еремеева.

Накануне, в пятницу вечером, рыжий фронтмен команды КВН, находясь в сильной стадии алкогольного опьянения, выйдя из второсортной питейной забегаловки, не справился с прохождением маршрута и повалился без сознания под сизые ели около здания областного правительства. На его беду или счастье (в мае спать на травке было всё же опасно – температура ночью опускалась до +5) бречное тело было подобрано милиционерами из подразделения «Голубой гром». Так в Вологде называли милицейские «Газики» – мобильные экипажи медицинского вытрезвителя, в чьи полномочия входил сбор обессилевших любителей алкоголя. Название произошло от, выкрашенного в голубой цвет, автомобильного кунга⁹ и рычащих неустраняемыми неисправностями двигателей. Как правило, в день выдачи заработной платы на подшипниковом заводе или льнокомбинате этот транспорт дежурил в пределах рабочих районов. В усиленном составе.

Таким достаточно распространённым способом Иван оказался в уютных и гостеприимных стенах городского медицинского вытрезвителя, сиречь, «трезвяка». Помимо злоупотребления алкоголем, Еремеев грешил и принятием легких наркотиков. В частности, в этом же «шайтан-кафе» он прикупил коробок марихуаны для безалкогольного времяпровождения выходных дней в компании преданных друзей. Однако, после сделки, не устояв перед гостеприимством Рафика (хозяина кафе и контрагента в наркообороте), нажрался.

Самое же необычное произошло утром в субботу. Пришедший в себя голенький, завёрнутый лишь в сырую простыню, Ваня с ужасом осознал, что лежит на панцирной сетке казённой кровати. В обществе храпящих терпигорцев. В милиции. Штаны же с заветным «корабликом» даже не в зрительном обзоре. Завернувшись в простыню, Иван, словно Юлий Цезарь, совершил решительный демарш из основного помещения в приемное. Там, позевывая, лениво растянулся за стойкой пузатый сержант. В открытой двери медицинского кабинета виднелся женский силуэт в белом халате.

– Первый пошёл, – гоготнул милиционер, – Зоя выйди на освидетельствование!

– В чем, собственно, дело? – Ваня закинул уголок простыни на плечо, – п о какому праву?

⁹ Кузов универсальный нулевого габарита. – Прим. ред.

– Ещё один узник совести, – вздохнула за его спиной немолодая женщина – фельдшер, – давайте уже посмотримся и домой идите, интеллигенция херова...

После унижительной процедуры медицинского освидетельствования, легкого диспута о метафизическом месте каждого человека в жизни и выдачи квитанции «за предоставленные услуги медицинского вытрезвителя» ком одежды был возвращён законному владельцу.

– Квитанцию сразу оплотишь? – зевнул в очередной раз мент, – деньги-то есть на кармане?

– Если ваши не подчистили, – дерзко буркнул Ваня, в холодном поту ощутив замотанный изолентой параллелепипед в маленьком кармане джинсов, – в куртке были...

В итоге, с горем пополам насобирав мятой наличности (её, к слову, оказалось ровно на оплату «услуг») Ваня спешно покинул узилище.

Каково же было его удивление, когда, свернув в ближайшую подворотню, он, трясущимися руками выволочив коробок, обнаружил, что кейс с наркотиком неряшливо и наспех перемотан, а содержимое уменьшилось ровно наполовину. И всё стало на свои места. Ментовка повернулась человеческим лицом. Бойцы «Голубого грома» не сдали студента.

Подрезали часть денег, но оставили четко на оплату вытрезвителя. Отсыпали половинку «кораблика» на свои нужды. Гуманно и по-человечески.

Однако, опохмелившийся и прогулявший субботние пары, Еремеев по этому поводу очень сильно возмущался в компании собутыльников на общей кухне. «Сатрапы, подонки и жопошники», – клял он ментов, забывая при этом, что, в случае официального досмотра, мог бы вернуться в родные стены года через три.

Леха, попавший на кухню с пачкой пельменей, заинтересованно вслушался в дебаты. Обсуждение милицейского произвола уже давно закончилось, в воздухе витал сладковатый дымок марихуаны. Начинался этап азартных игр. Никаких карт или настольных развлечений. Счастливый Ваня, пройдя краем по уголовному делу о хранении наркотиков, странным способом решил ещё раз испытать свою судьбу. Будучи третьекурсником и, находясь в обществе младших товарищей, он предлагал пари. Довольно странное. От этого его оппоненты терялись в поисках подвоха и не соглашались. Кавээновский апостол, в свою очередь, давил и провоцировал. Он предлагал поспорить на бутылку водки. Предметом спора была она же, как и условиями. Ваня уверял, что готов на спор выпить, без закуски, пузырь за два-три стакана и не вырубиться. Проигравший отдаёт приз – бутылку водки. В страстных перекрестных речах так много было «бутылкаводки», что Леха запутался. Но решил всё же остаться. Во-первых, обкуренная творческая интеллигенция могла сожрать его пельмени на стадии готовки, во-вторых, было интересно узнать, чем всё это закончится.

Наконец, один из участников протянул ладонь для заключения пари, а его сосед пошёл в комнату за краугольным камнем спорного вопроса. Еремеев же, добив «пяточку», сполоснул горло мутной водой из-под крана.

– Щенки! Фигляры! – точечные зрачки будущего филолога обежали окружившие его физиономии, – каналы! стакан мне!

Интонации отдавали грибоедовским «Карету мне! Карету!».

Хлоп! Первые двести грамм прошли по луженому пищеводу. Компания одобрительно загудела. Ваня уверенно, но с элементами плавной хореографии, пристроил ягодицы на подоконник. Следующая доза была чуть меньше, граммов 150. Но уже более чувствительная.

Леха, будучи выше всех на голову, четко увидел признаки нокдауна и открыл счёт.

Однако, Иван как истинный алкобоксер, удержался на ногах, отстоял до мысленных «девяти» и протяжно выдохнул.

Какие-то средневековые выражения лиц сделались у сгрудившихся на кухне зрителей. Словно парижане вылезли на Грев-скую площадь понаблюдать, как четвертуют очередного преступника. Третьим стаканом ему должны были отрубить голову.

– Вань, – Леха решил немного облегчить задачу лучшему ученику Артемия Бобикова, – может, пельмешкой закусишь? Скоро подойдут...

– Это лишнее, – булькнул в ответ растопыренной жменей Еремеев, – н о спасибо за поддержку, друг.

Остатки сорокаградусной жидкости перетекли в треснутый стакан. Чуть более половины.

– Вот и здесь недолив, – заплетающимся языком констатировал спорщик, – эту страну погубит коррупция!

Третья доза пошла совсем сложно. Через тернии. Но школу Бобикова Иван не опозорил. С видимым усилием, сопровождая процесс каким-то унитаэным вслипом, солдат алкогольного фронта слотал последнюю дозу спиртного.

Придав лицу выражение римской статуи, он заполнил создавшуюся паузу неопределённым жестом руки. Который, очевидно, нужно было понимать, как «приз в студию».

Леха, еле сдерживая смех, скомандовал:

– Где заслуженная награда? Несите уже, Ваня отметить победу хочет!

Двое проигравших, о чем-то бурча меж собой, отправились в сторону своей комнаты, ещё двое откровенно пялились на Ваню, ожидая логической развязки.

– Я пописать в туалет схожу и вернусь, – Еремеев каким-то непостижимым образом стек с подоконника, – здесь ждите, плебеи...

Понимая, что сейчас может произойти и, в душе поддерживая бойцовский дух товарища, пусть и в таком неспортивном мероприятии, Леха, прихватив кастрюлю, пошёл вслед за ним.

Туалет находился в самом конце коридора. Победитель брёл туда с неумолимостью подбитого Б-29¹⁰, цепляя стены и меняя режим захода на посадку. К этому времени в воздухе уже витало ощущение праздника, и продольная коридорная тропа была весьма оживлённой. Но Ваня никого не видел, кроме покосившейся двери общественного туалета. Это его и сгубило. Малыгин, притормозив в дверях своей комнаты, увидел, как достигший заветной цели водочный гедонист, толкнув загаженные врата, плашмя повалился в темноту заблёванного сортира.

– Ушёл непобежденным, – вслух самому себе сказал Леха и в отличном расположении духа отправился в свою комнату для уничтожения «Богатырских».

* * *

К апрелю Алексей уже переехал в комнату к Харламову. Делалось это в условиях общежития достаточно несложно, какие-либо бюрократические процедуры отсутствовали. Бобиков, клятвенно заверивший профильного декана в собственном исправлении, вернулся на этаж ниже, поближе к музпедагогиням. Харламов, будучи вызван к руководству учебного заведения, положительные результаты полугодовой превенции подтвердил. Честно говоря, перегруженный учебой, работой и тренировками, взрослый мужик устал от шебутного соседа. Дмитрий жил в четком режиме и понимании того, что нужно от жизни, поэтому творческое раздолбайство Бобикова его раздражало. Зарабатываемых в ночном клубе денег ему бы хватило и на съемную квартиру, но, появившийся в его жизни друг – Леха Малыгин, такой возможности не имел. Выселив Бобикова, Дмитрий убил трёх зайцев – заимел соседа с общими интересами, сэкономил и смог нормально соблюдать спортивный режим. Эта пара месяцев и сыграла важную роль в его борцовской карьере.

Травников договорился об участии Харламова в кубке губернатора Нижегородской области. Уехавший на три дня, пограничник вернулся с переломом лучевой кости левой руки и кубком в своей весовой категории. Что позволило обменять квалификационную книжку спортсмена на удостоверение мастера спорта. Таких успехов вологодские самбисты давно не

¹⁰ Американский самолет-бомбардировщик дальнего действия.

достигали и Травников организовал телевизионную съемку тренировки чемпиона. В закадровом тексте спортивной передачи областного телевидения, впервые для многих, в том числе и для Малыгина, стала откровением информация о том, что Дмитрий Харламов участник локального военного конфликта в Таджикистане, награждённый медалью «За отвагу».

Тут, готовивший себя к изучению военной истории России, Малыгин насел на очевидца исторических событий всерьёз. Вопросов было много. Как, где и за что получил государственную награду сосед по комнате? Где служил и почему до сих пор не рассказал? И, наконец, можно ли вживую посмотреть на награду?

Харламов был немногословен. Сделав исключение для друга, он коротко рассказал, что служил в Московском погранотряде. Никакого отношения к столице это воинское соединение не имело. Называлось по месту дислокации – посёлок Московский в суверенном Таджикистане. Прошедшая в 1993 году информация в газетах о бое на 12-й заставе Московского погранотряда более-менее была известна Малыгину, но о том, что было ещё сражение за освобождение этого пограничного пункта, широкая аудитория не знала. А сержант второго года службы Харламов как раз и был в составе десантно-штурмовой маневренной группы, отбивавшей заставу у афганских боевиков.

Наверное, этим изложением бывший пограничник и ограничился бы, но Леха настолько искренне допытывал даже мелкие детали, что Харламов чуть расширил рамки официальной версии.

Призвали его весной 1991 года и со сборного пункта отправили сначала в учебку, где на занятиях по физической подготовке его отличную форму заметил один из офицеров-«покупателей», занимающийся подбором кадров в десантноштурмовые группы и взвода повышенной боеспособности Московского погранотряда. Изначально Харламов посчитал, что служить будет в Москве, возможно, в спортроде. К тому же новобранцам никакой информации не доводилось, а, загруженные с общего сборника, срочники автобусом поехали в сторону столицы. Однако, не доехав до главного города родины, десяток бойцов, в их числе и Харламов, были высажены в аэропорту Чкаловский. Оттуда со сказочной скоростью перемещены в Душанбе.

Июльским утром, прослужив чуть больше года, поднятый по тревоге в составе ДШМГ¹¹, Харламов на «вертушке» выдвинулся к, окружённой исламистами, заставе. Дальнейшее Дмитрий изложил очень коротко: «Ни хера веселого не было».

– Ну, а медаль-то за что? – не выдержал наступившей паузы Леха, – не за красивые же глаза?

Харламов, сделав ещё пару глотков горячего чая, хмуро улыбнулся:

– За них... Я же снайпером был. «Духа» с пятисот метров положил, связной их оказался. Без оружия, но с какими-то картами. Разведка артиллеристам их передала, те и сработали так, что больше у нас «двухсотых» не было...

– Круто... – Леха с уважением и по-новому взглянул на товарища, – а в институте знают? Это ж реально... подвиг.

– Связному лет пятнадцать-четыренадцать было, – тяжело обронил Харламов, – подвиг, мать его... Ладно, проехали... Достаточно романтики на сегодня. Спать пора. Медаль у мамы где-то.

Этот сложный разговор запомнился Лехе надолго. Он не мог понять, почему изначально растормошенный его, возможно наивными, вопросами Харламов рассказывал о службе хоть и коротко, но с юмором, а потом резко замкнулся. Упоминание о точном выстреле выглядело органичным событием военной хронологии, её логичной частью. Внезапная заморозка друга на эту тему выглядела странной. Ответ на этот вопрос Малыгину предстояло ещё узнать. На личном опыте.

¹¹ Десантно-штурмовая маневренная группа.

В клуб, на охрану общественного порядка, Малыгин несколько раз просился, но Харламов его не брал. Может быть, в силу лехиного умения встречать в ненужные ситуации. Может, просто считал, что восемнадцатилетнему парню рано ещё находиться в столь богомерзком заведении. Основную лепту в обеспечение продуктами вносил старшекурсник, поэтому нужды в правильном и полноценном питании Леха не испытывал. С учётом щедрых финансово-продуктовых вливаний в общий котёл Харламовым, Малыгину даже удалось немного подкопить, высылаемых из дома, денег. И, как оказалось, удачно. В ближайшую пару дней начислялась повышенная стипендия, которую Леха получал как отличник, поэтому в северную столицу можно было ехать с минимальным комфортом.

Ко всему прочему, сам образ жизни у Харламова претерпел некоторые изменения. Он значительно снизил объём тренировок после получения мастерского звания. Не забросил, нет, просто некоторым образом пропала желаемая цель. «Международник», в силу возраста, уровня подготовки и жизненной загруженности ему не светил, поэтому стремиться вроде как было не к чему. Травников предлагал ему взять в ДЮСШ ¹²группу начинающих, но Дмитрий отказался. Последнее время он вообще перестал уделять должное внимание и учебе – известность и популярность после телепередачи позволяли ему сдавать зачеты и экзамены харизмой и обаянием. Нередки стали его отсутствия по ночам, причём не возвращался он и после смен в «ночнике». Доползали слухи, что оставался Харламов ночевать в самом клубе, в комнате отдыха. Самое удивительное, что вишневая «восьмерка» управляющей клубом также оставалась на заднем дворе до обеда следующего дня. В общем, по всем признакам служебный роман начальника охраны и управляющей находился в самом разгаре.

* * *

Поэтому торопливо собирающийся Димон вполуха слушал рассказ Лехи о битве «добра со злом – бобра с ослом» – о противостоянии Еремеева и «Столичной». Пришёл он через десять минут, как Леха закончил ужинать, и, развесив на батарее влажное кимоно, одевался в цивильное.

Последнее время Харламов был рассеянно-раздражителен. Невнимательность, очевидно, объяснялась тем, что голова самбиста была постоянно занята какими-то своими мыслями, а раздражительности добавляли проблемы по работе. Начавшаяся после нового года экспансия макаронной группировки заметно ширилась, добавляя проблем не только охране питейных заведений, но и претендуя на исконно чужие «точки». Макара пару раз вызывали на «стрелку».

Сначала Фарид со своими земляками, потом Травников. Приглашение первого «смотрящий» проигнорировал, мотивировав: «ментовские звери без общения». С Травниковым встреча получилась спокойная, но абсолютно неконкретная. Общались лидеры в кафе «Зелёный Луг», куда с городского рынка перебрался «смотряга». Молодежь с обеих сторон, прихваченная для статусности мероприятия, скучала за соседними столами. Дальний круг маячил на улице, около машин. Одним из присутствовавших был Харламов, в чьи обязанности входил контроль входа. Как раз с его слов и узнал Малыгин о переговорных процессах в подлёдном мире областной столицы.

В этот же вечер, когда сосед вернулся в общагу, Леха первый раз в жизни взял в руки оружие. Харламов случайно, на секунду, снимая куртку, обнажил коричневую рукоятку, но, с порога ощутивший его напруг, Леха не пропустил этой детали.

- Газовый? – как можно равнодушнее спросил он, отворачиваясь к раскрытому учебнику.
- Игрушечный, – отшутился Дмитрий.

¹² Детско-юношеская спортивная школа. – Прим. ред.

Минуты две Леха слушал, как за спиной расшнуровывает кроссовки товарищ, и не выдержал:

– Не, ну, правда, настоящий? – чуть по-детски повернулся он с вопросом к Харламову.

Тот, задвинув щеколду на двери, уверенно и споро достав из-за пояса джинсов пистолет, единым движением вытряхнул обойму и щелкнул затвором:

– ПМ, аккуратно, не урони...

Приняв в руки восьмисотграммовый кусок железа, Леха словно дотронулся до той стороны жизни своего друга, от которой его так старательно оберегали. Пятнышко страха в прикосновении к механизму летальности постепенно заливалось тягучей адреналиновой жижой причастности. Раньше, на уроках начальной военной подготовки, ему приходилось держать в руках выхолощенные автоматы, но в тех оружейных макетах не было смертоносной тяжести, словно через дыру в затворной раме вышла вся начальность предназначения.

– Зачем тебе? – Леха, повертев пистолет, протянул обратно.

– На стрелке был, с Травой, – приняв оружие, Харламов засунул его поглубже в спортивную сумку, – кто знает этих дебилов макаровских... А у нас из всех только я, да Трава в армии служили. Остальные студенты, спортсмены да уклонисты...

– Может, я чем помочь смогу, – Леху задело «студентыспортсмены-уклонисты», он попал в любую категорию, – или трусоват, по твоему мнению?

– Во, грибы надул, – улыбнулся Харламов, – не стоит тебе в эти дела впутываться. Ни денег, ни пользы... Скоро ресторан новый открывается, пафосный. Подкрышные у Сани коммерсы запускают, там нужны охранники будут, спокойные, интеллигентные и начитанные. Как раз, как ты, вот там и пригодишься.

– А когда? – Лехе действительно уже хотелось какого-то разнообразия.

Тренировки частично гасили резко растущий гормональный фон, но сдержать окончательно его не могли. А пафосный ресторан ассоциировался с классической музыкой, красивыми женщинами и хорошей зарплатой. Которую можно было потратить на красивых женщин в пафосном ресторане.

– В сентябре, примерно. Как раз дома отдохнёшь, будку наешь и на ворота...

Харламов засмеялся, немного отгаивая от состоявшейся встречи.

– Чем закончилось-то? – Малыгин вернул друга в события дня.

– Да ничем особо, – Дмитрий присел за стол и воткнул кипятильник в банку с водой, – Макар интригу заплетает против Фариды, мол, тот с мусорами хочет город под «чёрных» загнать. Типа, проплатился с азеровских денег, а нам с тобой, Саня, вместе держаться надо... Остальные пена и перхоть.

– А Травников что?

– А Травников вчера с Красновым тёр, так ему Макар похуже тележил. Примерно то же самое, только пеной и перхотью Травников был, – Харламов опустил сдвоенный пакетик чая в кружку с кипятком, – Сане блатные темы на хрен не нужны, в депутаты через пару лет собирается. Он по-хорошему попросил Макара не беспределить, а по своим кормушкам ползать. На зоны Саня гуманитарку закидывает, хотя ему это и не надо, но такова социальная нагузка. Так говорит, спокойнее.

– Ничего себе спокойнее, – Леха вспомнил рассказ Харламова о драке на 8 марта, – помнишь, ты рассказывал, как откинувшиеся Бульдога ножом пырнули?

– Вот и было нормально, пока предыдущий «смотряга», Бульбаш, не сел, – Харламов пригубил чая, – а как Макара короновали, так как с цепи все сорвались. То лабаз какойнибудь сожгут, то кабак расхерачят, то таксистов кидают...

И везде Макарушка руками разводит, мол, не при делах. Не, так долго продолжаться не может...

В тот раз беседа сошла на нет и растворилась в частоте эпизодов ночной жизни Димы Харламова. Пьяные уголовники всё чаще устраивали дебоши в «Джеме», а на их усмирение усилий тратилось всё больше. К тому же из-за перманентного мордобоя в стенах ночного клуба и периодических грабежей за его периметром, ощутимо снижался поток посетителей, по крайней мере, публики, способной потратить за ночь месячную зарплату инженера оптико-механического завода. Хозяева всё чаще поднимали вопрос о сворачивании или продаже «геморройного» бизнеса.

Разгул макаровских последователей Леха и сам уже наблюдал, можно сказать, воочию. В один из дней, возвращаясь из института, он увидел около общаги потрепанную «шестерку» на модных дисках-«арбузах». Положив увесистые кисти на руль, в салоне скучал Буча. Другой знакомец, самый старший из троицы, встретившей Малыгина первого сентября, что-то втирал двум молодым пацанам, по виду «первакам». За спиной «старшака», подергиваясь, покачивались в разные стороны ещё двое. Их лиц Леха не видел, так как обходил тусовку с тыла. Зато отчетливо услышал звук оплеухи, взойдя на крыльцо общежития. Обернувшись, он зафиксировал, как один из первокурсников испуганно держится за щеку, а второй, с неподдельным ужасом, шарит по карманам куртки. Малыгин остановился. Мучительная пауза, заполнившая грудную клетку перед учащенным боем сердца, ничего хорошего не сулила. Пойти вписаться за молодняк? Гарантированная драка с непонятным исходом. Использовать парадигму Бобикова – «Лучше пять минут трусом, чем всю жизнь калеккой»? Тоже вариант мутный. Как потом проглотить комочек ссыкливости, который надолго останется в горле. Ситуация разрешилась интеллигентским компромиссом. Пока Леха боролся с внутренними противоречиями, блатные, сдернув с жертв какие-то деньги, споро загрузились в автомобиль. Со стороны, конечно, выглядело благородно. Тормознувший на крыльце, боксёр спугнул уличных рэкетиров и те поспешно ретировались. Вот только деньги с деревенских студентов они сняли и, в общем-то, плевать хотели на застывшего у дверей общаги прохожего.

«Шоха», пробуксовав, сорвалась с места и борзо влилась в поток машин на улице Горького. Потерпевшие понуро побрели в сторону учебных корпусов. Леха, в душе кляня свою трусость, зашёл в общагу.

* * *

– Когда уезжаете? – после краткого сообщения о предстоящем выезде, спросил Харламов.
– Через неделю примерно, – Леха пожал плечами, – после собрания точно всё скажут...
– Аккуратнее там, – улыбнувшись явно чему-то своему, сказал товарищ.
– Как получится, – Малыгин смиренно приподнял брови, – б ез нокаутов в этот раз буду стараться.

– А-а, давай лучше с нокаутами, – Харламов зримо вернулся в разговор с другом, – только нежно и ласково. Чтоб никто не обижался!

– На лето какие планы? – осмотрев чуть мятую рубашку, перевёл взгляд на Леху Харламов, – домой, на юга, к бабушке в деревню?

– Не решил ещё... Обычно к родне в Переславль. Ну и пару раз в Сочи ездили...

Леха и в самом деле забыл уже ту, свою детскую жизнь, с родителями и школьными каникулами.

– Саня базу отдыха на Белом озере отжал у кого-то год назад, – пробубнив сквозь одеваемый через голову свитер, сообщил Дмитрий, – там вахтовым методом охрана нужна.

В целом, тема спокойная, публика приличная. Всякие депутаты и шишки из Москвы. Охрана нужна, чтоб кресты местные не лезли, да и для понтов больше. Иногда пошестерить нужно, мангал разжечь или до посёлка за бухлом сгонять. Сколько не привозят, никогда не

хватает. Один раз даже на вертолете в Череповец за коньяком летали. В сельмаге-то нет ни хера. Но зарплата достойная, заодно и свежим воздухом надышаться можно. Заявить тебя?

– Не знаю, не думал... А когда?

– После майских ответ надо дать, – Харлам принялся шнуровать ботинки, – можно месяц отработать, можно все лето. Как бабки нужны, так и работай...

– Давай я родакам позвоню и после выходных определюсь.

Лехе идея заработать, в целом, понравилась. Последние пару лет он на школьных каникулах подрабатывал на овощебазе и на ликеро-водочном заводе. В основном разнорабочим, но плеер и модные брюки-слаксы смог купить на собственные средства. Правда, хотелось и домой смотаться. Но, наверное, можно и совместить.

– Тогда уж после Питера, – уже в дверях обернулся друг, – может первое место возьмёшь, как КМСа тебя подороже продам, рабыня Изаура!¹³

И хохотнул, прихлопнув расшатанную створку.

* * *

«Бандитский Петербург» встретил где-то на перегоне после Тихвина. Изделие железнодорожной промышленности со столетней историей – плацкартный вагон – тягуче волок в своём тулове разномастную человеческую массу. Ехать-то было не очень долго – ночь всего, но Леха, несмотря на предвкушение первого в жизни визита в северную столицу, чувствовал себя некомфортно. В Питер было направлено четверо, вместе с тренером младшей группы Анатолием Васильевичем Шведовым, купе всецело принадлежало команде. Но располагалось оно около выхода, створки которого в течение всей поездки хлопали увесисто и зло, а за стенкой, в туалете, под утро, кто-то долго и надсадно справлял нужду. В довершение, засранец, уйдя в свой вагон, оставил открытыми настежь межвагонные двери. И ночь наполнилась грохотом железных колесных пар.

Утром, встав раньше всех, Леха умылся и, прихватив бутерброд с колбасой, вышел в тамбур. До Питера было часа четыре, пассажиры, в большинстве своём спали и Малыгин, раздумывая над предложением Харламова, уткнулся в мутное стекло прокуренного закоулка.

Шум хлопнувшей двери и секундный впрыск железнодорожного шума отвлек его от размышлений.

Леха повернулся и наткнулся взглядом на молодого мужчину, лет тридцати. Невысокий, но плотный, с характерными залысинами на бритом черепе и, торчащей из-под широкого свитерного ворота, татуировкой на ключице.

– Часик в радость... – интонация и сиплый голос сразу же выдали выпускника тюремных университетов.

– Физкульт-привет, – кивнул Малыгин.

Это приветствие он нередко слышал от Харламова, когда тому нужно было обозначить границу в беседе с блатными.

– Куда лыжи мылишь, пацанчик? – собеседника не смутил ответ спортсмена, – В Питер, на учебу в институт?

– Типа того, – Леху всё ж встревожила неожиданная встреча и постоянно зыркающий в стекла дверей попутчик.

– Сам откуда? – тот достал пачку «LM» и, размяв сигарету, сунул в узкую щель рта.

– Из Вологды...

– «Конвой из Вологды не до чечеточки...», – мурлыкнул курильщик и щёлкнул зажигалкой. Фаланги пальцев были густо усыпаны синими перстнями. – Типа, спортсмен?

¹³ Главная героиня самого популярного в России бразильского телесериала 1990-х годов.

В голосе звякнуло угрозой. Но Леха не боялся: та школа жизни, ускоренными курсами, которую вбивал в него Харламов, давала знать о её успешном прохождении.

– А что?

– Раз люди спрашивают, то отвечать надо... – зловещий прищур скользил по лицу и торсу молодого парня.

– Ну есть немного...

– Вот... – струя сигаретного дыма, угодив в центр майки, расклубилась по тамбуру, – значит, жизни не знаешь, на общее не уделяешь, о порядочных арестантах не думаешь... Так?

– Давай, по сути, – Леха слегка развернулся левым боком, ожидая атаки, но мозг, в это же время, удачно подкидывал, нужные слова и готовые фразы, – в чем предьява?

– Ни хера себе, – агрессор чуть скинул обороты, – где слов-то таких нахватался, студент?

– А ты для кого интересуешься? – Леха перестал сутулиться и вытянулся во весь рост, оказавшись на голову выше своего визави, – себя не обозначил, какие-то качели левые погнал... Что за канитель?

Он сам не ожидал от себя такой декламации, но уверенно высказанный текст заметно охладил эмоции оппонента.

– Я Леха, Малыга погоняло, двигаюсь с людьми правильными, конкретно, сейчас «грев» везём пацанам на зону, а ты кто? – чувствуя, как сдувается под натиском противник, блефанул Алексей, – ещё вопросы?

– Что ты сразу-то не сказал, бродяга... Меня Рафа зовут, с Волховстрой я... – он заулыбался, сверкнув золотой фиксой, – п рогона не было, что «общее» по чугунке пойдёт...

– Так это мы по личному везём, двум босякам, – Леха уже был на кураже, удивляясь количеству блатных слов, всплывших в загашнике памяти, – я, батю его сопровождаю, да братьев малолетних, на длительную свиданку... Вон, около туалета купе.

– Дело правильное, – Рафа уважительно коснулся лехиногo бицепса, – сам-то тянул?

– Бог миловал, – Леха понимал, что скоро его скромные запасы познаний закончатся и начал финишировать, – Макар, смотряга наш, говорит, успею ещё. Поэтому пока только таксистов бреем...

– Слыхали, – Рафа утопил окурок в консервной банкепепельнице, – Макар арестант авторитетный, стремящийся... Лады, я дальше почапаю, может найду лоха какого-нибудь. Да и Волховстрой скоро...

Сопроводив Леху до купе, Рафа почтительно кивнул просыпающемуся «бате» – заслуженному педагогу Шведову и, обняв Леху – единомышленника, хищно двинулся дальше.

А Малыгин понял ещё одну истину – разрулить можно и без драки.

* * *

Турнир «Белые ночи» проходил в спортивном комплексе производственного объединения «Светлана». Трехуровневая спортплощадка вмещала в себя бассейн, зал бокса и ещё несколько помещений, сохранивших физкультурное предназначение, а не скинутых в аренду под склады и офисы. Сами состязания не были такими статусными, как кубок Санкт-Петербурга, но служили ступенькой для желающих шагнуть к заветным мастерским «корочкам» или разминочной площадкой для опытных боксёров перед более серьезными стартами.

Как и во всех предыдущих соревнованиях, лехин выход выпадал на вторую половину дня, традиционную для выступления «полутяжей» и «тяжей». Однако суматоха, лёгшая на его плечи в рамках помощи Василичу, не позволяла полностью сконцентрироваться на подготовке. В то же время суета, связанная с выводом двух вологодских «мухачей» – пятнадцатилетних пацанов, неожиданно заводила и вкидывала в кровь витамин взрослости. Ответственность за других странным образом активировала до сего дня не известные ему командно-лидерские

качества. Он подсказывал по тактике, рычал за ошибки, аргументированно объяснял психологические нюансы. В общем, педагогический дар, наконец, начал проявляться. И у самого Лехи в этом случае права на ошибку не было. Он, зная, что на его бой будут смотреть невольные воспитанники, проигрывать не должен. И что самое странное – его не интересовали соперники, за весь период сопровождения своей команды он ни разу не подошёл к стенду с графиком выступлений. Как-то сам для себя решил, что надо выходить, драться, выигрывать.

Так и случилось. Первый же бой Малыгин закончил досрочно. Рефери принял решение остановить схватку в третьем раунде, когда соперник, крепыш из Пскова, уйдя в глухую оборону, получил с десятков тяжелых ударов в голову и корпус. Парень, после объявления Лехи победителем, сошёл с ринга и повалился на скамейку.

Вообще на соревнованиях народу было много. И всё было схоже с новогодним турниром в Вологде. Вот только бывшие воспитанники, сиречь, нынешние бандиты, не высиживали на трибунах в общей массе, а кучковались на балконе, изолированном от основной публики. И заполнялся он лишь к вечеру, да и то с постоянной сменой персонажей. Очевидно, у питерских «героев нашего времени» не было такого количества свободного времени, как у их вологодских коллег по цеху.

На второй день вылетел один из «мальков» в четвертьфинальном поединке. Проиграл он питерскому боксёру, заметно уступив в габаритах и напропуская ударов по всем этажам.

Подросток чуть не расплакался от столь очевидной разницы в мастерстве и Леха пошёл с ним в раздевалку. К полуфинальным боям из провинциальных боксёрских клубов удержались лишь двое вологжан и один спортсмен из Карелии, все остальные перспективы маячили лишь у питерских боксёров. Подбадривая пацана стандартами фраз и склонившись на уровень его уха, Малыгин не заметил, как въехал плечом во внезапно распахнувшуюся дверь одной из раздевалок.

– Куда прешь!?

Знакомые интонации в голосе, хрипотца и разбитная тональность заставили Леху обернуться, выпустив плечи младшего из-под своей руки. Из раздевалки вышел Юра Ермаков. Как всегда в фирменной майке «Адидас», с «гриннхилловской» капой, зажатой в наглой ухмылке.

– Дороги не ви...дишь? – от неожиданной встречи осекся даже он.

– Не вижу! – Леха зло отвернулся и пошёл вслед за пареньком, спиной ощущая ненавидящий взгляд земляка.

Столкновение в коридоре породило хаос мыслей. От ожидания очередной разборки, ибо на питерской земле запрет Краснова мог не действовать до возможной ошибки при идентификации давнего соперника. Но это, конечно же, было навряд ли. Слишком очевидно было взаимное узнавание старых врагов и перехлест взглядов в секундном развороте.

Да и чуть позже Василич, на вопрос о возможном участии вологодских боксёров за другой клуб, ответил, что «Юрка Ермаков учится здесь и вроде за “Динамо” заявлен...».

– Но он отожрался за последнее время, в «тяжи» перешёл, – Василич взялся за лапы, – давай, Витёк, контрольный проходим по сериям...

Леха оставил тренера с подопечным разминаться перед предстоящим боем, а сам, наконец, соизволил пройти к стенду с документацией соревнований. Так и есть, в тяжелой категории, очень малочисленной в любительском боксе, стояло лишь четыре фамилии с инициалами. Одна до боли знакомая. Ермаков Ю. С. 87, 5 кг, МС, спортивное общество «Динамо». Однако повода для беспокойства не было. Сам Малыгин находился в оптимальном для себя полутяжелом весе, с учетом хорошей «просушки», на взвешивании показал 79,8 килограмм. То есть повторной встречи с антагонистом не предвиделось. А пережить сосуществование в одном спорткомплексе, в течение пары дней, в принципе, возможно.

Вторую схватку Леха также выиграл, несмотря на то, что соперник оказался кандидатом в мастера спорта. Используя разницу в росте, боксёр из Вологды технично «обстучал» против-

ника, не причинив тому значительного урона, но и не потратив лишних сил. Красивая победа по очкам и заслуженный выход в финал. К этому времени, оставшийся в строю второй малой, проиграв полуфинал, попал лишь на бой за третье место, поэтому вся немногочисленная вологодская сборная готовилась истово болеть за своего «полутяжа».

Как шагал по турниру Ермаков, Леха не знал, так как после своего выступления инициативно собирался на выход и на заключительные бои не оставался. Может быть, подспудно не хотел видеть давнего недруга, а может, внутренне напрягался от ожидания повторения прошлогоднего сценария. Кто знает, с какими теперь «быками» водит дружбу Юра Ермаков?

Жили они недалеко, в общежитии Лесотехнической академии на улице Новороссийской, но все же полчаса неспешным ходом тратить на дорогу приходилось. Мелкие рвались на Невский и Дворцовую, да и Леха был бы не против, но опытный Василич пообещал на обзорную экскурсию оставить целый день перед отъездом на родину. К тому же он сам, в прошлом выпускник института физической культуры имени Лесгафта, хотел пройтись по местам «боевой» юности. Таким образом, спортсмены копили кардио-ресурс на заключительные бои и прогулку по городу.

Общага «лесопилки», – так в народе именовали Лесотехническую Академию имени С. М. Кирова, отличалась от вологодских студенческих хостелов лишь размерами и количеством потребляемого алкоголя на душу проживающего. Если в лехином общежитии студенты пили много, а Малыгин и Харламов были исключениями, подтверждающими правило, то в «лесухе» – ещё одно наименование ВУЗа – пили неприлично много. Приезжих спортсменов поселили в специально отведённые «гостевые» номера, на первом этаже и максимально ближе к вахте, чтобы вакханалия верхних ярусов не причиняла «коммерческим» постояльцам (вологодская федерация за койко-место платила посуточно) глобальных неудобств. Однако всё равно пара проведённых ночей несколько шокировала гостей северной столицы.

Привыкший ко всему, Малыгин буднично наваливал на голову подушку и мгновенно засыпал. Василич же долго кряхтел, а молодняк вообще не спал по полночи. То оба «мухача» часами наблюдали за дискотеккой в окнах соседнего корпуса, где в проеме рамы выплясывали голые девки, то поочередно, под предлогом посещения уборной, бегали в коридор, прикоснуться к настоящей студенческой жизни. Ловили пьяную похабень разговоров общих кухонь, вслушивались в охи-вздохи за дверьми, а пару раз в туалете попадали в остаточные облачности выкуренных «косяков».

Леха, оторвавшись от своих, первым подошёл к желтеющему за автобусной остановкой корпусу общежития. Бросив сумку, присел на кривоугоную скамейку, в ожидании отставших. Шумный питерский вечер, с его потоками проезжающих автомобилей не позволял сосредоточиться на чём-либо, чуть покачивая на волне общих размышлений. Белые ночи ещё не расцвели максимальной молочной пеной, но уходящий день сгущать свои краски ещё не собирался.

Где-то совсем рядом завелась машина. Шелест колес по обочине и, сквозь выломанный кусок бокового борта автобусной остановки, Леха увидел подъехавшую почти вплотную темно-синюю «девяностодевятую». Глухая тонировка и, поблёскивающие отсветом заходящего солнца, литые диски, делали её похожей на боевую капсулу из какого-нибудь фантастического фильма.

Авто плавно выкатилось на парковочный уступ перед остановочным павильоном. Водительская дверца открылась и уходящий солнечный свет перекрыла стройная женская фигура. Малыгин прикрыл глаза ладонью, пытаясь разглядеть лицо автоледи, но раздавшийся, чуть с низинкой, голос заставил опустить ладонь и резко подняться навстречу.

– Привет, чемпион! Спасать в этот раз не надо?

Это была Таня.

В этот раз её появление не было связано с кортизоловым всплеском, но течение серотусклого вечера было нарушено бесповоротно.

– Привет... – стушевавшийся Леха не определился с линией поведения.

Схватил сумку, затем бросил её обратно на скамью. Шагнул было навстречу, но, передумав, завис в полушаге.

– А я ещё вчера тебя хотела перехватить, в «Светлане», – Таня обошла автомобиль и оказалась прямо напротив Алексея, – но там сразу приставать начали, поэтому ограничилась только получением информации, где живет вологодская сборная и решила подождать в засаде...

Таня улыбнулась уголком рта, веселый чертенок прыгал в её глазах. Стильная джинсовая куртка поверх обтягивающего, с высоким разрезом по бедру, сарафана, босоножки на каблуках и, небрежно собранные в пучок, волосы – Малыгин почувствовал легкое головокружение. А когда всё же добил оставшиеся полшага навстречу, то от знакомого запаха, голова окончательно пошла кругом.

– Я как-то... м-м-м... не ожидал, если честно, – лехино лицо расплылось в глуповатой улыбке, – да и сколько можно спасать-то...

– Три раза, если применять аналогию права и руссконародный контекст, – Таня засмеялась, – это я тебе как будущий юрист говорю.

Леха тоже рассмеялся. Каталепсия, овладевшая им при внезапном появлении девушки, с мыслями о которой засыпал последние полгода, незаметно отступила. Он становился всё более раскованным.

– Опять же, согласно русским народным, спасенный превращается в прекрасного принца со всеми вытекающими последствиями... Это я уже как будущий историк говорю.

– С момента нашей последней встречи, ты и на самом деле стал выглядеть лучше, – продолжила покалывать Таня.

Её ирония не цепляла Леху, наоборот, заводила. В присутствии Татьяны его мозг генерировал не хуже, чем в финале областной олимпиады по истории или в высшей лиге КВН.

– Осталось только замереть в ожидании поцелуя и жабеныш превращается в королевича, – р азвел руками Малыгин.

– Ну... – погрозила пальцем девушка, – нет и двух третей назначенного срока.

Пока молодые люди пикировались остротами, подошел Василич с воспитанниками.

– Леша, ты надолго завис здесь? – отпустив малолеток чуть вперед, остановился около остановочного павильона старший тренер.

– Я? Э-э... Не знаю... – растерялся Малыгин, оглянувшись на руководителя, – не думаю...

– Обязуюсь вернуть спортсмена в целостности и сохранности, – выручила Татьяна, сверкнув белой полоской зубов, – получасовая экскурсия по Выборгской стороне Санкт-Петербурга и гарантированный глубокий сон перед финальным поединком!

– Я на твоём месте сорвался бы, Малыгин... – проворчал Василич, – такая девушка... Эх, где мои семнадцать лет...

Деланно поджав губы и, качая головой, Шведов пошел к ожидающим его пацанам. Все «мальки», тараша глаза, уставились на обладательницу навороченной тачки и смелого разреза на платье.

– Едем, – скорее утверждая, нежели спрашивая, посмотрела Таня на Малыгина.

Леха кивнул и, закинув сумку на плечо, быстро обошел автомобиль. Галантно открыл водительскую дверцу.

– Ух ты! – неопределенно махнула ладонью в воздухе Таня, – да ты, обходительный кавалер... А мама мне говорит, что интеллигенция в провинции закончилась.

– Я ещё и на машинке вышивать умею, – с табаковскими интонациями пробурчал Малыгин, закрывая дверцу.

Таня резко взяла с места и модная отечественная тачка органично влилась в жидкий вечерний автопоток.

Они катались чуть меньше часа.

Перворазрядница по фигурному катанию Таня Владимировна также, как и Леха Малыгин, родилась в интеллигентной семье. Её отец, по образованию инженер-энергетик, в самом начале девяностых годов, приняв предложение москвича-однокурсника, рванул в Минэнерго отстраивать новую российскую энергетическую систему взамен старой советской. Жена его, соответственно, мать Тани, будучи востребованным врачом-кардиологом, уезжать из Питера наотрез отказалась. Менять имперское величие родного города на «разросшуюся Рязань» петербурженка в третьем поколении никак не хотела. Поэтому родители Татьяны решили какое-то время пожить гостевым браком, а «там посмотрим». Десятилетняя дочь, естественно, осталась с мамой и бабушкой. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, поэтому родители в скором времени развелись. И дело даже не в расстоянии. Скорее в отношении. Почувствовавший вкус больших перспектив, огромных денег и новых горизонтов, бывший лимитчик не смог подобрать аргументов для своей супруги, находящейся в полной власти обширной питерской родни. Таня же была настолько загружена двухразовыми тренировками, что тихую родительскую трагедию практически не заметила. К тому же, большую часть времени она проводила с бабушкой. Приезд же отца всегда был праздником. Когда пришла пора выбирать вуз, отец, ставший к тому времени крупным игроком на энергетическом рынке и обзаведшийся новой семьей, твердо воспротивился институту физической культуры имени Лесгафта. Телефонным звонком «папа Вова» закрыл дочери вход в мир большого спорта и, не кладя трубки, распахнул двери главного университета города на Неве. Так, по велению отца, Татьяна стала студенткой юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Очевидно, тот увидел в дочери способность подхватить и правильно распределить стремительно растущие активы, без ущерба для сыновей-близнецов, родившихся от молодой жены около года назад. И был ещё один случай, заставивший родителя Татьяны задуматься о грамотном юридическом оформлении пухнувшей капитализации.

Где-то в Сибири, а точнее в Омской области, при местной ГРЭС¹⁴ пыхтел небольшой катализаторный завод. Принадлежал он де-факто отцу Татьяны и москвичу-однокурснику, а де-юре был оформлен на их сибирского бизнес-партнера.

Всё ж чиновники РАО ЕЭС¹⁵ окончательно не борзели и старались не светить свои светлые фамилии в аффилированных коммерческих структурах. Конечно же, этот завод был безраздельно загружен заказами от подразделений РАО ЕЭС, что и определяло его стабильный экономический рост, несмотря на перманентные кризисы в российском государстве. В один из светлых октябрьских дней «бабьего лета», бизнес-партнер, а по совместительству и гендиректор завода был расстрелян неизвестным киллером при выходе из коттеджа. Такие события в Питере, как и в Сибири, происходили довольно часто, но интеллигенты-энергетики, впервые столкнувшиеся с явным криминалом, откровенно перепугались. Свою новую семью в полном составе родитель отправил за границу, а Таню решил спрятать недалеко от её малой родины. В своей малой родине. В «Вологде-где». Именно из её пригорода, рабочего поселка Огарково, двадцать лет назад уехал поступать в Ленинградский электротехнический институт Володя Владимиров. И одним из его друзей детства был местный спортсмен, боксёр и хулиган Андрюха Краснов.

¹⁴ Государственная районная электростанция. – *Прим. ред.*

¹⁵ Российское акционерное общество «Единая энергетическая система России» – отечественная российская энергетическая компания-монополист, существовавшая в 1992–2008 годах. – *Прим. ред.*

Так Таня оказалась в Вологде. Краснов, по звонку дворового друга, ставшего большим человеком, прилетел на двух машинах в Питер и сопровождал наследницу в уютную квартиру в одном из «обкомовских» домов в центре областной столицы. Недвижимость «папа Вова» покупал при малейшей необходимости, особо не торгуясь и не экономя на мебели. Благо финансы позволяли.

Одним из сопровождающих Краснова был Юра Ермаков. Очевидно, он договорился с боссом о выполнении функций личного телохранителя опекаемой девушки, поэтому именно Юра со своими сотоварищами в период проживания Татьяны в Вологде обеспечивал её перемещение к репетиторам, в спортзал и магазины. Параллельно он же подрабатывал на вакансию экскурсовода и гида по вологодским достопримечательностям. Правда, предложения от краеведа были скудными – кабак либо ночной клуб. Посещение которых Таня, в принципе, отвергала. Однако, визит на соревнования по боксу, где Ермаков анонсировал свою безоговорочную победу, она всё же решила сделать.

– Если честно, я надеялась, что ему в первом бою накидают, – уверенно лавируя по Большому Сампсониевскому, сказала Таня, – утомлять он меня стал рассказами о своих победах. Но он оказался хорошим спортсменом...

Леха, отвернувшись в стекло хмыкнул.

– ...правда, не очень порядочным человеком, – закончила Таня.

Их машина вырулила на набережную. По правую сторону зачастили невские мосты. Леха преимущественно молчал, умудряясь так вставлять слова и короткие фразы, что Татьяна невольно рассказывала факты из своей биографии, явно не предназначенные для ушей мало знакомого человека.

– Ну в итоге-то, он всех победил... – не поворачивая головы, буркнул Леха, – как и обещал тебе. Первое место.

– У-у, Леша, а ты надулся... – улыбнулась Таня, – всем же было понятно, что Юру вытаскивали, это даже я, фигуристка, поняла.

– Ну может быть... – Леха покраснел и поспешно перевел тему, – вот только зачем ты за меня заступиться решила?

Таня замолчала, сосредоточенно всматриваясь по ходу движения, что-то хулиганистое мелькнуло в её глазах. Затем резко вывернула руль и, пересекая двойную сплошную, свернула на узкую улочку.

– Здесь кафе есть небольшое, уютное, – умело паркуя автомобиль, девушка ткнула пальцем вглубь улицы, – когда папа приезжает из Москвы, мы туда эклеры есть ходим.

– Послушай... – Леха замылся, денег не было совсем, – я как-то одет не очень... В спортивное, да и мне на ночь нельзя сладкого.

– Пошли, пошли... – Таня открыла дверцу, – потом папа это кафе купил и своей сестре, моей тетке, в управление отдал. Для меня тут всё бесплатно.

– Да я не из-за этого... – п робурчал Леха, выбираясь.

Ещё час в кафе пролетел сверхзвуковым истребителем. После Нового года сибирская ситуация прояснилась. Гендиректора отцовского завода застрелили из-за конфликта, с производством абсолютно не связанного, поэтому Тане было разрешено возвращаться в родной город и вплотную заниматься учебой. Да так плотно, чтобы впоследствии иметь необходимый багаж знаний для решения различного рода юридических вопросов, связанных с оформлением активов на аффилированные структуры. В качестве моральной компенсации за полугодовое проживание в провинции отец купил новый ВАЗ-21099 и квартиру где-то в районе метро «Площадь Мужества». Ключей, правда, пока не выдал в виду нахождения жилплощади в стадии ремонта.

Когда Татьяна уехала из Вологды, Ермаков неожиданно для всех своих «близких» решил перевестись в один из ВУ-Зов Санкт-Петербурга. Краснову он объяснил это требованием роди-

телей (номенклатурных работников крупного оборонного завода), братве – желанием обосноваться в Питере и быть полезным коллективу. В действительности, как считала Таня, «Юра решил набиться в женихи». Именно этим можно было объяснить еженедельные приглашения в ночные клубы, рестораны итальянской кухни и «прочие варианты развлечений зажавшейся буржуазии». Таня их упорно игнорировала, но в начале мая у Ермакова появилось желание выступить на малопрестижном боксёрском турнире. С учетом перехода в «тяжи» серьёзных соперников у него не предвиделось, а Таня, легко согласившаяся посетить в своё время «Новогоднюю елку» в Вологде, могла бы приехать. И увидеть, как Юра Ермаков, в этот раз стопроцентно, разделает всех противников под орех.

– Я и приехала, – Таня улыбалась, глядя в глаза Малыгину, – сразу нашла твою фамилию в расписании. И вот мы здесь...

В сотый раз за этот вечер Леха краснел. Он никак не мог понять, что нужно от него этой красивой и уверенной в себе девушке. Он, полунисеброд, человек с другой планеты, живущий на крохи от невысоких родительских зарплат, не будучи в состоянии даже оплатить счет в кафе, не имел ни одного микропризнака, способного вызвать интерес у столичной студентки престижного университета. Этот сгусток сбивчивых скоротечных размышлений придавил ответную улыбку и Леха поднял глаза:

– Тань, извини, пожалуйста... Можно один вопрос? Такой... Серьёзный...

Таня встревоженно взглянула в ответ:

– Да, конечно...

– Тань, – Леха чуть смущенно закашлялся, – ты очень красивая и стильная девушка...

Судя по всему, ещё и умная...

– Продолжай, продолжай, – его неуверенность снова вернула Татьяне доминанту, – мама говорит нельзя перебивать, когда сыплют комплиментами.

– Почему ты меня тогда вытщила? – уже тверже продолжал Малыгин, – я же не сват тебе, не брат... Вообще никто, с улицы человек. И «данные свои» реально оцениваю.

– Потому что за четыре месяца, в этой вашей Вологде, в обществе жлобов, я, может быть, впервые человека нормального встретила! – перебила Татьяна боксёра, – и вот, на моих глазах, они его инвалидом хотят сделать! Просто так! Потому что он лучше вдруг оказался! А когда ты с ними в ту подворотню пошел, я поняла, что всё это из-за меня. Просто из-за меня! Ты же не слонялся вдоль клуба, чтобы телок подвыпивших снимать? Ты же ко мне пошел, правильно? И трусом в моих глазах не хотел быть!

Леха не знал, что ответить. Он видел живой блеск Таниных глаз, ощущал искренность её интонации, но в свои силы вера всё ещё не наступала.

– Да... – наконец выдал он из себя, – и ещё... Ты мне очень понравилась...

– Ну наконец-то! – рассмеялась Таня, – а я думала, что останусь «дамой в тюрбане»! Если честно, я первый раз инициативу проявляю. Как-то не в своей тарелке себя чувствую. Мне с тринадцати лет, между прочим, цветы дарят.

Она протянула ладонь через столешницу. Леха, чувствуя, как кружится голова, взял её. Чуть прохладная кисть инициировала цунами по венам, заставив сердце захлебнуться в аритмии. Самым кончиком указательного пальца Малыгин уловил пульсацию крови на женском запястье и окончательно понял, что его симпатия взаимна.

– А можно я завтра приду на твой финал? – осторожно убрала руку из его ладони Таня, – а потом опять покатаемся?

– Ты даже знаешь, что у меня завтра финал? – удивился Леха.

– Да, слежу за твоей карьерой, – многозначительно возвела брови девушка, – могу помочь со спонсором, кстати... РАО ЕЭС устроит?

Леха пожал плечами. Он не понял, шутит Таня или нет. Манерно оскорбляться не стоило, но и свой уровень как спортсмена он оценивал адекватно. Для самой захудалой школы

олимпийского резерва он уже был переростком. Если Татьяна намекала на возможности своего отца, то это точно для него не по-пацански, а если юморила, то, радостно закивав, он мог нарваться на утешительные смешки.

– Может, всё же попробуешь вот этот штрудель? – в очередной раз попыталась угостить кондитерскими изысками Таня, – от него ничего плохого не будет... Яблоки одни.

– Спасибо, – Леха покачал головой, – но у меня ещё взвешивание завтра.

– Тетя Оля обидится, – она показала куда-то вглубь, где угадывался в полутемноте выступ барной стойки, – одним чаем сыт не будешь...

– Хорошо, – Леха и вправду оголодал, – но потом сразу поедем в общагу. Мне ещё выпасться надо... Василич рычать будет.

Таня быстро сходила к витрине, выбрала произведение кулинарного искусства. Бармен вкатил в тарелку шар мороженого и вся эта красота приземлилась перед Алексеем.

– Вот! – торжественно объявила Таня, – легкий перекус и завтра в бой!

– Ага... – заворчал Леха, начав терзать штрудель, – тут сахара на всю сборную...

Так получилось, что вернулся Алексей в общагу после полуночи. Был съеден ещё один штрудель, два эклера и шаверма. Горячие арабские бутерброды они купили около какой-то станции метро, перед самым романтичным времяпровождением в Питере: в сезон белых ночей – разводом мостов. Ну и первый поцелуй состоялся на фоне вздыбленного Литейного, аллегорически отобразив внутреннее и внешнее состояние юноши. Таня в первый же вечер воли его рукам не дала и, с нервным смехом, выскользнула из захвата. Потом был прощальный поцелуй в машине у общежития, затянувшийся на пятнадцать минут и обещание обязательной завтрашней встречи.

Проснувшись Василичу Леха наврал, что выходил в туалет, но тот, оценив сверкающие глаза воспитанника, только хмыкнул. Уснуть Лехе удалось лишь под утро. О предстоящем поединке он не думал. В голове и сердце была одна Таня.

* * *

Леха, свесив голову, сидел в раздевалке. Напротив, раздраженным львом, курсировал Василич. Он уже проорался, но глаза посверкивали так, что стоило ждать вторую серию.

Влюбленный Малыгин, переевший накануне кондитерки, на утреннем взвешивании перед финальным поединком вывалился из своей весовой категории и перешел в категорию «тяжей».

– А там мужики лет по двадцать пять! – снова не выдержал Шведов, – и тебя на голову выше и мощнее! И по полтиннику боев за плечами! Ты чем думал-то, Леша!

– Я не знаю... – оправдываясь, бурчал Малыгин, – я только кофе и пил...

– Да ты врать ещё не научился! – тренер наклонился к спортсмену, – краснеешь как школьница при слове хер! Что жрал ночью!? Салаты майонезные или витушки с маком!?

– Шаверму...

Василич обреченно помотал головой. Махнул рукой и вышел.

Леха встал и подошел к окну. Хорошая погода не радовала. Финал с кем-то из «тяжей» не такое уж и страшное событие, но вероятность выиграть резко снизилась. В очередной раз занимать второе место никак не хотелось – эта тенденция добавляла обреченности и где-то в глубине поднимала вопрос: а стоит ли заниматься боксом? «Навык определенный ты получил, с бакланами уличными справишься. Зачем что-то ещё? Учиться надо и думать о будущем. Которое с профессиональным спортом точно не будет связано. Вон, лучше в качалку ходить. Массу набрать, мощь и всего остального, что нравится девушкам. Опять же на подработке в качестве охранника пригодится. На крупных меньше дергаются, – Леха тряхнул головой, найдя, наконец, оптимистическую составляющую в своём косяке. – Плевать, накидают, так

накидают. Зато второе место среди “тяжей” тоже о многом скажет. Одноклубникам в Вологде точно».

– Да, ладно, Анатолий Васильевич, мы принимаем бой... – Леха улыбкой попытался скрыть нешуточное волнение, – н а кого попадаю-то?

– Не знаю, – снижая градус раздражения, пожал плечами вернувшийся тренер, – я по твоей категории смотрел. Схожу, по «тяжам» гляну... Разминайся пока.

Малыгин натянул уличные кроссовки, надел спортивный костюм. Около спорткомплекса располагался небольшой парк, и он решил легко пробежаться по тенистым дорожкам.

Закончив пробежку и выходя из парковой зоны, Леха сразу же увидел знакомую, до щенячьей дрожи в ногах, «девьяностодевятую». А пробежав метров пятьдесят, обнаружил и её владелицу, чуть скучающую на ступеньках входной группы.

– Леша, привет! – Т аня спустилась ему навстречу.

Интонация приветствия была несколько тревожной.

– Привет, – Малыгин, решивший было дружески чмокнуть в щеку, притормозил.

Но Таня сама инициативно обняла и, поцеловав, мазнула ароматом фруктов.

– Леша, ты зачем опять решил с ним драться? – не отпуская его локтей, спросила девушка.

– С кем? – не понял Леха.

– С Ермаковым...

Леха всё понял мгновенно. Перевес, отправивший в «тяжи», вновь свел его с главным противником, у которого в финале не осталось соперника. Или травма или отказ. Сердце пошло в отбой, но это уже был не страх, а злость будущего победителя. Уверенность, которую вселила в него девушка, чьей близости так безуспешно добивался Ермак, но досталась она ему.

– Так получилось. – Леха тоже не отпускал её из захвата, – во всем виновата шаверма, будь она проклята!

Таня, сквозь напряжение, улыбнулась:

– Я и не знала, что вологодские боксёры читали Булгакова...

– А я случайно в бокс попал, набор в теннис мальчиков для подачи мячей закончился... – продолжал хохмить Леха, сдвигая темное облако предстоящего поединка.

– Малыгин! – грянул, вываливаясь из-за стеклянной двери, Василич, – опять девки одни на уме!? Мало вчерашней шавермы? Решил ещё блинчиками сегодня зарядиться?

– Не одни, Анатолий Васильевич, а одна, – Леха отлип от Тани и повернулся на вход, – иду, иду...

– Ты на Ермакова выходишь! – рявкнул тот и ушел внутрь.

– Знаю... – буркнул Леха, – пошел я, Таня... Встретимся после соревнований?

– Конечно, – поспешно закивала она, – получается, в твоих проблемах опять я виновата?

– Не ты, – Леха не сдержался и чмокнул девушку в щеку, – шаверма...

* * *

В этот раз Ермаков уже не был уверенным игруном. Он, понимая, что судьба подкинула ему бой-реванш (а то, что это реальный реванш, они оба знали точно), вышел убивать.

Плюс десять килограммов к его и, без того атлетичной фигуре, злоба за предыдущие нокадауны и сломанный нос, Таня на балконе – п ротивник должен быть сметен.

Поэтому, как только раздался звук гонга, Ермаков пошел в жёсткий прессинг. Полугодовая ситуация повторилась в утроенном формате. Каждый удар Ермакова мог стать нокаутирующим. Но и Леха уже обрел уверенность. Он за последние полгода укладывал этого чемпиона дважды, не считая прохода в ноги и удачного удушающего на задворках ночного клуба. Да и Ермак, набрав массу, растерял скорость и технику. Могучие джебы и размашистые хуки

пролетали пудовыми гирями мимо, а попытки прижать к канатам заканчивались потерей равновесия для самого атакующего. Красиво, зло и уверенно в этот раз играл сам Малыгин. Его точечные прямые проходили четко и жёстко, финты закручивали, а нырки и уклоны открывали подбородок противника для финального удара. А Леха тянул время. Где-то в глубине души он всё ещё был новичком, пришедшим в зал мастера спорта Ермакова, поэтому боязнь промахнуться, провалиться или подставиться придерживала его всё нарастающий кураж.

После второго раунда стало понятно, что бывший чемпион выдохся окончательно. Он лишь уперто принимал дальние прямые-боковые от своего соперника, тупо выжидая тающий шанс нокаутировать. В середине третьего раунда Ермаков глухо закрылся в углу, постепенно оседая под градом ударов. Леха, покачав корпус вправо-влево, вбил мощнейший апперкот под задранный локоть и оппонент с сильным вздохом осел на настил ринга. Коварный удар в печень, отрабатываемый ещё в ярославском спортзале, прошел стопроцентно в цель и, после отсчета аута, рефери замахал руками в сторону дежуривших врачей. Отошедший в свой угол, Малыгин терпеливо дождался окончания медицинского вмешательства и команды судьи для выхода в центр. Секундный ритуал поднятия руки победителя и можно уходить с ринга. Леха, поборов всю неспортивную неприязнь, шагнул к Ермакову. Тот же, зло, с «пошел-нахер», отшвырнул протянутые перчатки и, с перекошенным от боли и ярости лицом, нырнул под канаты.

Спрыгнувшего с ринга Леху облепили малыши и радостно прослезившийся Анатолий Васильевич. Похлопываемый со всех сторон Малыгин, подняв голову на балкон, нашел взглядом ту, ради которой только что победил. Она была прекрасна. Она была его.

* * *

И было ещё полтора дня в городе белых ночей. Расставшись с Василичем и пацанами, которых любезно забрал на экскурсии какой-то однокурсник старшего тренера, Леха погрузился в романтическую эйфорию северной столицы. За неполных сорок восемь часов они исколесили весь центр Петербурга, вознеслись на колоннаду Исакия, потоптали заброшенные дорожки Константиновского парка и осмотрели заглушенные фонтаны Петергофа. Но больше всего, конечно же, было поцелуев в машине, смелых ладоней под тоненьким женским свитером и влажных вздохов отказа. Возможно, будь Леха любовником поопытнее, смог бы добиться взаимности от Татьяны и прямо в машине, но... Не так он представлял себе их первую близость, прекрасно понимая, что второго шанса может и не быть. В гости к ней он набиваться не пытался, в первый же час выяснив, что девушка живет в адресе с бабушкой, в ожидании окончания ремонта трехкомнатной квартиры на Мориса Тореза. Визит в общагу не рассматривался в принципе. Они лишь поздно ночью расстались на четыре часа, чтобы рано утром вновь оказаться в уютном мире велюрового жигулевского салона.

Поезд на Вологду отходил вечером, около девяти. Влюбленные не опоздали, как было бы в классике. Наоборот, приехав за три часа, они, взявшись за руки, обошли ближайšie к Московскому вокзалу улицы. Леха, будучи историком, намеренно называл площадь Восстания Знаменской, рассказал историю строительства вокзалов братьев-близнецов в Москве и Санкт-Петербурге и завел коренную петербурженку на улицу Джона Леннона, чем несказанно её удивил. Затем, около памятника Пушкину рассказал печальную байку о том, что поэт смотрит на балкон одной из своих возлюбленных. Правда, заметив увлажнившиеся глаза, добавил: «Но это неточно».

На перроне же Леха посуровел и, в присутствии большого скопления отъезжающих-провожающих, вел себя посуше. Таня, всё понимая, также не лезла с щенячьими нежностями, лишь, достав из сумочки плеер, протянула Лехе один наушник. Абсолютно попсовый мотив «Поезда на Ленинград» стал настолько уместным, что у боксёра защищало в глазах.

– Можно я ещё раз к тебе приеду, – недослушав, он освободил ухо от раскачивающей мелодии.

– Я буду ждать, – Таня тоже оборвала песню.

Немного помолчала и добавила:

– Каждый день...

А Леха уже знал, что будет делать. С ходу, с поезда, найти Харлама. Согласиться на охрану загородной базы или кабака. Смотреться на грузовой двор железнодорожной станции, там всегда по ночам требуются грузчики, желательно непьющие. Узнать у Бобикова, кому надо слепить рефераты – тот периодически подгонял мажористых неучей желающим подзаработать отличникам. В общем, собирать денег на билет до Питера и на красивую жизнь, ибо каждый раз отводить взгляд от рассчитывающейся за кока-колу или кофе Татьяны было уже невозможно.

Пыльное стекло вагонной рамы финишировало стройный силуэт на питерском перроне и навсегда разделило жизнь Лехи Малыгина на до и после.

* * *

Поведение Малыгина по приезде в Вологду вызвало удивление даже у опытных наставников, не говоря уже о друзьях по спорту или общежитию. Краснов, лично, в торжественной обстановке чувствовал победителя турнира на первой же тренировке и был несколько озадачен последующим разговором с воспитанником. Несколько путаясь в словах, Леха на предложение Краснова поехать на сборы в Адлер, ответил отказом, сославшись на экзамены, плохую физическую форму и родителей. Краснов, восприняв сумбур состоявшегося КМСа за стесненность в средствах, заверил, что всё оплатит федерация. Однако, уже собравший с мыслями, Малыгин ответил решительным отказом. Краснов только пожал плечами.

Сосед по парте Рома Кабанов, выигравший недавно в составе сборной института по баскетболу первенство области, разом ушел на второй план после того, как проректор по воспитательной части на общем собрании поздравил Малыгина с «каким-то чемпионством по боксу», отметив тенденцию спортсмена к стопроцентному пятибалльному результату по всем предметам. Однако вспыхнувший женский интерес разбился о рассеянное равнодушие боксёра, который последние родительские деньги спускал в пункте междугородней связи. Надо заметить, что ещё пару месяцев назад Леха отмечал для себя несколько симпатичных девушек, преимущественно с факультета физического воспитания, но после питерской поездки их длинные ноги, развитые попы и стройные спины не вызвали даже легкого жеребьячьего потряхивания.

А Харламову пришлось всё рассказать, как есть. Тот удивленно похмыкал, уточнил про должность Таниного отца и посоветовал малость сбавить обороты.

– Тут видишь какое дело, Леха... – задумчиво вздохнул старший товарищ, дело было в воскресенье и соседи по комнате пили чай после плотного пельменного ланча, – есть вероятность, что «ейный» папик узнает о легком дочкином увлечении и малость, как бы правильно выразиться, не одобрит...

– Ну, а он тут причём? – удивился Малыгин, – не ему же со мной по Сосновскому лесопарку гулять?..

– Не ему, – согласно кивнул Харлам, – но вот с кем дочь время проводит ему уже интересно. Ты заметил, как он её из Лесгафта на юрфак определил, а? И самое главное, она послушалась...

– И что? – малость тупанул Леха.

– И то! – поморщился от чрезмерно крепкого чая Дмитрий, – а если не зайдешь ты ему никак? Ни как бойфренд, ни как жених. Кого она слушает, как думаешь?

А вот об этом Леха и вправду не думал. К тому же, Таня очень четко определила его своим выбором. Он не накручивал вокруг дамским угодником, не выписывал кренделя интеллектuala, не дарил подарков. Да и не на что было.

– Но бывают и счастливые финалы... – с улыбкой похлопал по плечу соседа Харламов, – пополнишь ряды новых русских... Зять – не хер взять. Собирайся, кстати, смена же у тебя сегодня на два часа раньше.

Действительно, Малыгин с первого же дня после возвращения, одолел Харламова просьбами трудоустройства. Тот, в шутку, предложил занять вакансию бармена, но, увидев, что друг крепко задумался, поспешно предложил должность старшего смены в своём ночном клубе. Сам Харламов практически финализировал сдачу диплома и в ближайшее время хотел уходить с «геморройной» работы. Его тайная любовь – Оля Фуштейн – за последние полгода настолько мощно выстрелила в вологодском бизнес-пространстве, что её пригласили во вновь открываемый филиал совместного российско-австрийского предприятия на должность коммерческого директора. Как это произошло, так никто и не понял. Ни её снисходительные доморощенные хозяева индустрии развлечений, ни ближайшие подруги, ни представители российской стороны созданного СП. Лишь Харлам поделился с другом ольгиным ноу-хау по трудоустройству в иностранные коммерческие структуры.

Один из австрийцев, совладелец лесного бизнес-проекта, отдыхал в «Джеме», где его и захомутала управляющая. Мешая русские, немецкие и английские слова, пьяненький Франц пожаловался на тяжелый характер и непробиваемую отказную позицию руководителя Вохтогского леспромхоза, на чьих лесах наивные австрияки планировали развернуть основной заготовительный процесс. Услышав название родного поселка, Оля преобразилась и представилась менеджером по решению проблем. Иноземец, внимательно осмотрев колени «решальщицы», обтянутые сетчатыми чулками, лишь хихикнул и попытался перевести разговор на более фривольные темы. Ольга же, в свою очередь, вцепившись со свойственной только ей бульдожьей хваткой, развернула олигарха обратно и уверила, что желаемые кварталы леса он получит до конца месяца за очень смешные, по меркам Европы, деньги. Австриец отшутился, мол, если это произойдет, то Оля получить должность заместителя по развитию. И полез с поцелуями. Тут уже девушка, проявив мастерство, увернулась и пристроила на диван пару длинноногих юных дев, которые увели мысли бизнесмена от лесозаготовки в более приятную сферу.

Как Оля решила все вопросы с грузным, тяжелым и грубым в общении директором леспромхоза, Дима не рассказал, но уже через несколько дней она вместе с лесным воротилой ожидала Франца в суперсовременной московской приемной. Контракт был подписан, австрийцы безгранично довольны. Директор ЛПХ ¹⁶обогащен на сумму с шестью нулями, а Олю, сдержавший слово, европейский предприниматель назначил заместителем директора вологодского филиала.

Вот туда-то и намылился уходить Харламов на должность начальника личной охраны руководства. Загоревшегося зарабатывать и начать жить самостоятельно, младшего товарища он решил ускоренно ввести в курс всех охранных дел в «Джеме», чтобы при уходе передать полномочия «своему человеку». Пока же самбист пояснял Малыгину изнанку вышибально-охранной деятельности в должности старшего смены. Но уже после первых выходных стало понятно, что Алексей всё схватывает на лету. И самое важное у Малыгина, несмотря на возраст, получалось разрешение острых конфликтов без рукоприкладства. Во-первых, образованный человек всегда сможет подобрать аргументы для пьяного маргинала, в совокупности со спортивной фигурой и парой бойцов за спиной. Во-вторых, даже охранники со стажем уважали Леху за новогоднюю драку с ермаковскими «быками». Ну, а в-третьих, Вологда город маленький и расходившиеся лучами слухи о личном покровительстве Краснова над боксёром из Ярославля

¹⁶ Леспромхоз (лесное промышленное хозяйство). – Прим. ред.

добавляли веса в ресурс Малыгина. Этот контраст в подкрышном травниковском заведении дал ещё плюс сто в карму молодому и. о. начальника охраны. Ну и, если быть объективным, летний период не был столь напряженным как зимние или весенние выходные.

Народ разъезжался в отпуск, на дачи, а пальму алкопервенства уверенно забирали растущие грибы летних кафетериев.

Неконтролируемые шашлычные точки, появляясь на пару-тройку месяцев короткого северного лета, поили «Балтикой» вологодских жуиров до состояния скотов, неспособных добираться до ночных клубов. А те, кто всё же находил в себе силы добрести до заветных дверей, очень часто так и оставались в офсайде. Малыгин твердо усвоил основное правило охранника ночного клуба, вдалбливаемое Харламовым на каждой смене. Не пустил проблему в клуб – не поимел проблему в клубе. Да и многочисленные студентки, лакомая часть «Джема», разлетелись по домам, снизив интерес мужской публики к частоте посещения. Конечно же, случались летние мордобойные инциденты и грабежи в белую ночь. Однажды двое цыганят за клубом изнасиловали пьяную малолетку. Кстати, оба ублюдка были задержаны Малыгиным и Бульдогом при плановом обходе здания ночного клуба. Единственная ошибка, допущенная новоиспеченным старшим – принятие решения о вызове милиции для сдачи сексуалов. Как позже ему разжевал Харламов, достаточно было «отмудохать и оставить лежать в ожидании», а не светиться самим при общении с органами правопорядка. Не по понятиям это. Неправильно. К счастью, для репутации Малыгина факт этот прошел незамеченным. Цыганва, как и малолетка, оказалась залетной и шалавистой, из Иваново. По концовке дошли слухи, что стороны договорились по деньгам и, вроде как, никто не пострадал.

После первого полноценного месяца работы на воротах развлекательного рая у Лехи наконец-то появились деньги. Настоящие, свои, заработанные. С учетом галопирующей инфляции, когда зарплаты исчислялись сотнями тысяч, получение увесистого «хруста» в конце месяца подняло Леху в собственных глазах. Не Бог весть, какие деньги, конечно же, но на билет до Питера и обратно уже хватало. К тому же родители продолжали кормить, поэтому клубный гонорар вполне можно было отложить на собственные нужды.

А междугородний переговорный пункт стал точкой обязательного еженедельного посещения. Желание услышать Танин голос иной раз было настолько сильным, что Леха срывался и в неусловленные даты. Как правило, после девяти вечера Таня всегда была дома, за исключением случаев отцовского приезда. Владимир Николаевич забирал её в свой загородный коттедж для проведения планового бизнесликбеза любимой наследницы. К сожалению, Малыгину не удалось очаровать бабушку своей пассии, которая практически всегда первая реагировала на звонок. Моложавая старушка, услышав просьбу позвать Таню, молча клала трубку, а Леха в отдалении слышал скрипучее «там опять твой поклонник из провинции». Иногда не выдерживала Татьяна и какой-нибудь запыхавшийся житель первого этажа общежития прибегал в комнату и сообщал, что через десять минут Малыгину будут звонить из олимпийского комитета и тому следует быть на вахте. В ином случае, бессменная Зинаида Полуэктовна просто посылала, звонивших с просьбами пригласить к аппарату, «на хер».

В середине лета, Леха нашел возможность вырваться на неделю к родителям. Клуб закрыли на ремонт систем отопления, а Таня улетела с мамой отдыхать в Юрмалу. Студент решил появившуюся пустоту заполнить поездкой домой. Если ещё полгода назад десять дней зимних каникул пролетели для Малыгина гудком паровозного локомотива, то в летний отпуск, он, с внутренним стыдом, отсчитывал оставшиеся до отъезда дни. И дело уже было не в том, что постновогодние переживания инстинктивно загоняли под мамину юбку, а ныне Малыгин возмужал и повзрослел. Просто его жизнь сейчас был там. В Вологде. Где охрана ночного клуба, то бишь, источник неплохого заработка. Движения с Харламовым, как генерация связей и авторитета. Где Таня, как желаемая вероятность его будущего. Поэтому пришлось родителям слегка преувеличить свои спортивные успехи и соврать о том, что он в составе сборной обла-

сти уезжает на месячные сборы в летний тренировочный лагерь. Отчасти всё это было правдой. Краснов оплатил сборы в Кисловодске, и парни из «Труда» отправились на подготовку к соревнованиям, но сам же Малыгин уезжал на Белое озеро в качестве старшего охраны базы отдыха. Травников, как и говорил Харламов, всё же оформил в собственность объект отдыха бывшего обкома ВЛКСМ и планировал на этом неплохо заработать за сезон. В этом их желания с Малыгиным совпадали.

По приезде в Вологду Малыгин был приглашен на собеседование к Травникову в качестве возможного начальника охраны турбазы «Белое озеро». Харламов присутствовал также на этой встрече как поручитель. Травников, в своё время закончивший службу в спортроде старшиной, слегка посетовал на молодость и безусость кандидата, но, вняв уверениям Харламова в надежности и принадлежности к истинной арийской расе ярославца, добро на работу дал. Главный самбист лишь попросил Дмитрия на пару-тройку дней сгонять с бригадой охраны на базу, ввести в курс, поставить службу и рассказать про кары за нарушение финансово-трудовой дисциплины.

Так и поступили. Харламов, на вновь приобретенной «восьмерке», привез пацанов на место службы, объяснил правила и откланялся. Судя по динамике последних дней, перспективы у группировки Травы рисовались атомные. С Лехой же осталось на базе двое вчерашних пэтэушников из секции самбо. Оба упорно косили от службы в армии, поэтому работу вдали от города расценивали как подарок судьбы. Парни были быковаты, но Леха быстро сострунил маргинальную борзость, сообщив, что им на замену уже выстроилась очередь из двадцати человек. В военкомате, сообщил он по секрету, жёсткий недобор и лютый розыск уклонистов по всей Вологде. В связи с этим, ежели есть желание, то всегда можно отправиться обратно домой. Поближе к сборному пункту областного военкомата. Бычки притихли и безропотно принялись тянуть лямку частных охранников.

В целом, охрана турбазы напоминала работу пожарной команды. Всю неделю бойцы слонялись от безделья. Младшие научные сотрудники, в основном, играли в карты и купались в озере, Леха же по большей части читал историческую литературу и бегал по утрам дежурную десятку. Раз в неделю кто-то выбирался в соседний сельмаг за продуктами. Правда, кроме круп, макарон и ржаного хлеба там больше ничего не было.

Настоящая веселуха приходила с наступлением выходных. Два-три джипа, набитых «новыми русскими», алкоголем и шлюхами, подлетали к территории базы в ночь на субботу. Жёстко проинструктированный Харламовым, Леха перед заездом брал деньги сразу за два дня пребывания и только после этого давал команду на открытие врат. Кто-то быковал, но, услышав отсылочное «все вопросы к Травникову», швырял купюры. Иногда, наоборот, давали сверху и просили более никого на базу не пускать. Однажды в числе приехавших гостей Малыгин опознал главного вологодского милиционера. Тот мирно спал на заднем сиденье квадратного «Ниссан Патрол», а один из пузатых коммерсантов, оплетенный проститутками, словно Лаокоон змеями, совал Лехе деньги в карманы. Мол, «надо бы, брат, закрыться на спецобслуживание». Беспробудное пьянство, голые купания и крики сладострастия из раскрытых окон будоражили умы молодых спортивных парней. Кто-то из подчиненных Малыгина даже пыривался подобраться поближе к основному корпусу с целью понаблюдать за происходящим, но был жёстко одернут Алексеем, помнящим все наставления Харламова. «Охрана должна быть незаметной, но эффективной».

Отгулявшие коммерсанты на утро снимались по-разному. Кто-то тихо и незаметно, кто-то всё ещё в алкогольной эйфории, с немзыкальным исполнением хитов российского шансона.

Раз в неделю приезжал один из близких Травникова, забирал деньги, отгружал консервы, проверял корпуса. Убиралась в помещениях приходящая из соседнего поселка «тетя Зоя», изредка подкидывающая охране литровую банку парного молока.

Так скачкообразно прошел месяц и за сбором выручки прикатил Харламов.

– Как служба, воин? – весело спросил Дмитрий.

Закончив формальности с передачей наличности, друзья вышли прогуляться.

– В целом, нормально... – Леха всем своим видом демонстрировал бывалого, – бывают, конечно, нестандартные ситуации... Справляемся.

– Что за ситуации?

– Да так, – Леха заулыбался, вспомнив как фонтанировал в рвотных судорогах один из коммерсов, а проститутки пыталась удержать двадцатикилограммовое тело от падения в лужу блевотины.

В итоге свалились в неё триплетом, – в основном, плохо после приема алкоголя...

– Ну какая же это внештатка, это будни, – засмеялся Харламов, – рутина... Местные кресты не заявляются?

– Вроде тихо пока... – пожал плечами Малыгин, – мне бы как-нибудь на переговорник сгонять? А то без связи уже месяц как...

– За звезду свою питерскую переживаешь? – по-доброму улыбнулся товарищ.

– Не переживаю, – Леха насупил, – просто поговорить надо. Да и родакам обещал позвонить...

– Потерпи ещё пару-тройку дней, – Харламов остановился, – сейчас тебе замену ищут, нужен типа тебя, говорящий и не тупой. Заберу в город. Тема одна нарисовывается, надо отработать.

– Блин, Димон, я так-то тут думал денег хоть немного поднять... – Леха явно расстроился, он планировал на заработанные поездку в Питер, как минимум, на неделю.

– Там тема такая, что больше поднимешь, – посерьёзней Харламов, – слушай, короче...

Перешедшая на другой бизнес-этаж управляющая Оля Фуштейн подкинула Харламову и Травникову нехилую идею. Ещё работая на владельцев «Джема», она вынашивала этот проект, но, ввиду перехода в холдинг, решила практически бескорыстно отдать его своему любовнику. Земельный участок, на котором раскинулся, арендованный под ночной клуб кинотеатр «Темп», принадлежал мэрии города. Был он раза в четыре больше площади клуба-кинотеатра и все узлы коммуникаций располагались также в пределах периметра. Травников же совсем недавно плотно завязался с руководителем КУМИ¹⁷ и одной встречей мог решить вопрос долгосрочной аренды участка. Лет эдак на сорок. Пока под парковку для автомобилей или такси. А там как кривая российского бизнеса вывезет.

– В общем, Трава порешал и всю площадку отдаёт ему... – излагал Харламов, – он уже работяг выгнал и через неделю шлагбаум будет, асфальт нормальный положат и места разрысуют.

– Ну, а нам-то что? – не понял Леха.

– Нам? – хмыкнул Харламов, – тебе! Так как я из клуба практически уже ушел, то смотреть за парковкой будешь ты. Пацаны есть, я на связи, если что случится...

– А в чём заработок? – всё не мог врубиться Леха.

– Блин... – покачал головой Дмитрий, – «Джем» самый большой клуб в городе. С пятницы по воскресенье там хотят работать все таксисты. Ты ставишь бойца на шлагбаум и собираешь бабки за въезд. За парковочное место отдельно, за такси отдельно. Либо вообще одна фирма работать будет и абонентку листать. Ты с нами в доле. Понял, боксёр?

От таких взрослых предложений у Лехи захватило дух, но уровень ответственности перед одним из бандитских авторитетов в городе, да и знание проблемного таксишного контингента подавили желание торопливо закивать в знак согласия.

– А с Макаром проблем не будет? – вспомнив рассказы о терках с блатными, уточнил он, – под его же крышей все таксеры?

¹⁷ Комитет по управлению муниципальным имуществом. – *Прим. ред.*

– У Травы давно своя таксишная фирма уже, – отмахнулся Харламов, – да и у Макара с Фаридом последнее время говномуть какая-то. Глядишь, постреляют друг друга и заедут обратно...

– А эти, как их там, хозяева «Джема»? – всё не унимался в своих сомнениях Малыгин, – и м-то не обидно, что всю землю под носом забрали?

– Хм... – вздохнул, покачав головой Дмитрий, – вот был бы кто другой на твоём месте, давно на хер бы послал... Всё порешали с ними. Им вообще клуб побоку, так, телок потрепать. Да и куда им с нами тягаться... Короче, согласен или нет? В месяц больше бати своего поднимать будешь, в Питер хоть каждый месяц гоняй...

Этим аргументом Харламов добил Леху окончательно. Тревожный вид бизнеса, связанный с интересами группировок, судя по всему, отрыв от учебного процесса и отсутствие Харламова – главной опоры в ночной жизни города – всё это ушло на второй план при получении возможности ежемесячных встреч с девушкой своей мечты.

– Да ладно тебе, Димон, – разбросал брови из кучки Леха, – это я так, от дефицита человеческого общения лишнего наплел. Когда в город-то?

* * *

Перед своим первым деловым сезоном Леха успел сгонять на вырученные от «белозерского сиденья» деньги в Питер.

Наличности хватило на плацкарт «туда-обратно», посещение Эрмитажа и проживания в дешевой гостинице общажного типа. Таня встречала его на Московском вокзале и сквозь тонкую ткань белой футболки Леха чувствовал, как от его объятий задрожало тренированное тело кандидата в мастера спорта по фигурному катанию. Сдерживаемый рамками пацанских понятий, Леха не утонул в затяжном поцелуе (хотя очень хотелось), а лишь подхватил девушку за талию и поднял на все свои сто восемьдесят пять сантиметров. Они опять много гуляли, благо начало августа, в атмосферном смысле, не уступало июньским ночам их первых свиданий. Таня делилась впечатлениями от Юрмалы, Леха хохмил рассказами об охранной деятельности, мороженое таяло, ночь подкрадывалась.

– Ну ты и забрался... – Таня немного со страхом взглянула на темный корпус бывшего общежития, а ныне гостиницы «Фея».

– Да... – Леха почесал затылок, пригнувшись к лобовому стеклу, – мне её одноклассник посоветовал, Ромка-баскетболист. Они тут на соревнованиях останавливаются.

Танина машина стояла перед парадным входом в здание, еле живая лампочка тускло подсвечивала салон легковушки.

Девушка смотрела на Леху чуть исподлобья, но с улыбкой. За те несколько часов, которые они провели вместе, Малыгин пару раз пытался позволить себе коснуться её бедер или талии, но постоянное присутствие общественности вокруг либо строгая музейная обстановка стреножили прыть рвущегося тестостерона. А вот сейчас, поймав этот взгляд, Леха рванулся навстречу. Совершенно очевидно, что и девушка ждала этой встречи. Их тела сошлись, насколько позволяло тесное пространство «Лады», в том самом затяжном и влажном...

– Леша, стой! – Таня оттолкнула Леху, когда тот трясущими руками задрал ей футболку, обнажив смуглые полусферы в чашечках белоснежного бюстгальтера. Парень, не понимая, захлопал глазами, словно обоплеушенный за попытку хищения сметаны, кот. Таня, приснув негромким смешком, раскатала футболку обратно.

– Леша, ты прости меня, – она положила горячие ладони на его подрагивающие кисти, – я не могу так...

– Как? – вновь дернулся Леха вперед.

– Не, не здесь, – она чуть помедлила, – и не сейчас... Если мы с тобой потеряем контроль, то ты потащишь меня в свою «Фею»... А я не знаю хочу я туда или нет...

Леха пожал плечами. В его голове все ещё бушевала буря гормонального сдвига, пах плавился жаром мартеновской печи.

– Мама мне всегда говорит, – Таня глissадой пробежала пальцами по его предплечьям, вызвав следом нашествие мурашек, – семь раз подумай, а потом решай...

– Тань, – Леха наконец очнулся, – ты чего-то не то говоришь... Я все эти два месяца только о тебе мечтал, дня не проходило... Часа... Дни считал...

– Леш, и я тоже. У меня это в первый раз, понимаешь, любимый?

Леха задохнулся. Нет, это не было признанием в любви, но за восемнадцать лет жизни такие слова, да ещё и от самой красивой девочки на свете, он услышал впервые. Жаркая похоть тихо сползала, оставляя место умиротворяющей нежности.

– Да, наверное... – хрипнул он, – ты права... Я тоже так, думаю... Но, может быть, ты приедешь ко мне когда-нибудь?

– Может быть, – она коснулась губами его щеки, – когданибудь, в обозримом будущем...

– Я поговорю с братвой, – добавил он новое слово из своего лексикона, – можно в загородный коттедж сгонять...

– Так, Леша, достаточно, – прижала она свой пальчик к его губам, – останься мальчиком из интеллигентной семьи, пожалуйста. В сентябре ремонт на Тореза закончится, я перееду от мамы и ты приедешь ко мне...

Таня, скрывая смущение, несколько скованно засмеялась. Леха, услышав главное для себя, тоже во весь рот заулыбался.

Они проболтали ещё пару часов. Точнее, пропорционально разговорам имели место и поцелуи, но уже без истовости, приводящей к сумбуру. Ради Тани Леха готов был ждать.

В «Фее», провалившись в удушенный пружинный матрас, Леха мгновенно уснул. Слишком эмоционально насыщенным был этот день. Да и сон приближал к завтрашнему свиданию, а оно, соответственно, к дате столь ожидаемой близости.

Оставшиеся полтора дня, как обычно это бывает в Питере, были уплотнены открыточными видами Царского Села, аллеями пейзажами Павловского парка и посещением кинотеатра «Баррикада». Премьерный показ «Джуманджи» с его спецэффектами оставил в памяти лишь яркие пятна основных моментов, ибо места для поцелуев не располагали к внимательному просмотру очередного голливудского блокбастера.

Всё это едиными мазками раз за разом пролетало в голове Малыгина, лежащего на верхней полке плацкартного вагона «Санкт-Петербург – Воркута». Двое суток в обществе Тани дали ему заряд мотивации на ближайшие полгода. Работать, делать бизнес, обрести нужными связями. Так, в корне неверно, для своего возраста и статуса рассуждал Леха. Учеба уходила на второй план. О том, что последующие годы обучения будут гораздо сложнее предыдущих, мыслей не было абсолютно. В первую очередь хотелось заработать на машину, чтобы гонять в Питер на тонированной «восьмерке». Во-вторых, съехать из общаги, чтобы у Тани была возможность приезжать в его, пусть и съемную квартиру, но с большой кроватью, квартиру. Конечно же, первым делом, нормально приодеться. Кожаная куртка, «адидасы – рибоки», американские джинсы. А учеба, а что учеба? Вырулится...

* * *

Однако кавалерийского наскока в бизнес-проект имени Оли Фуштейн не получилось. В Вологде начали стрелять. Тихим августовским вечером при выходе из лифта застрелили одного из мелких районных авторитетов по кличке Косарь. Был он «смотрящим» за микро-

районом льнокомбината, в простонародье «Пакля»¹⁸, и двигался в фарватере Макара. И всё бы ничего, подобного рода публика частенько гибла в ходе своих ситуативных процессов. Вот только обычно это происходило достаточно патриархально. Подручный тяжелый предмет, нож, на худой конец, обрез. Но не три автоматные очереди из кустарно изготовленного армянско-чеченского автомата «Борз».

Изначально чуть заторможенная милицейская реакция (очевидно, такая криминальная премьера и для них была неожиданной) раскрутилась с не применявшейся ранее мощностью. Первым под замес попал Фарид со своим «Дербентом». Фаридовские бойцы неоднократно цеплялись с макаровскими, в основном, по причине эксцессов собирателей «на общее». Установленную мзду за своих подкрышных земляков Фарид добросовестно уделял, но как только какойнибудь апологет АУЕ¹⁹ начинал неоправданно стричь лишнее, кавказская кровь давала о себе знать. Кстати, подобной борзостью как раз и грешила молодежь с Пакли. В общем, основания подозревать в расправе над блатным авторитетом мутного горца у ментов имелись полные.

Ворвавшийся РУБОП с ОМОНОм разметали дагестанский анклав, словно смерч из «Волшебника Изумрудного города». Унеся с собой нескольких сказочных персонажей, то бишь, лиц без регистрации и документов. Не миновала чаша сия и самого Фариды. Причём, если его джигиты загремели на 30 суток по так называемому «бандитскому указу»²⁰, то сам глава этнической группировки утяжелился на пару коробков анаши, «совершенно случайно» оказавшихся в заднем кармане джинсов. А это уже тянуло на срок до десяти лет²¹ – Фарид оказался в следственном изоляторе. Тут уже весь криминальный мир Вологды понял, что шутки кончились, и растекся по ближайшим городам и весям. Что, судя по дальнейшим событиям, не остановило раскрутившийся маховик милицейской машины.

* * *

Тематическая вечеринка в ночном клубе «Джем» называлась «Здравствуй, школа». Собственно, этот сейшн и был приурочен к первому сентября, с прицелом на вал посещаемости со стороны вернувшихся с каникул студентов и студенток. Из заявленного формата, правда, присутствовали только танцовщицы на сцене в элементах школьных фартуков и выкрики диджея о теме дискотеки.

Леха, выставив охранников на посты, присел за служебный стол. Он попытался почитать книгу о Цусимском сражении, но очень скоро тусклый свет окончательно заменили на всполохи цветомузыки. Будущий учитель истории, отдав книгу за стойку бара, отправился на контроль входной группы.

Последние дни августа выдались сухими, но прохладными, поэтому танцпол посетителями наполнился очень быстро. Все столики были забронированы заранее, и большая часть, уже через час-полтора заполнилась. Леха ждал Харламова. Тот обещал заскочить после какой-то важной встречи. Никаких конфликтных ситуаций на входе не происходило, лишь один раз какая-то подвыпившая мадам попыталась отказаться от оплаты входного билета, мотивируя это тем, что она «жена заслуженного человека». После корректного разъяснения о том, что по приезде её покровителя деньги будут немедленно возвращены, миссис рассчиталась и прошлепала

¹⁸ Микрорайон в Вологде.

¹⁹ «Арестантское уголовное единство» («Арестантский уклад един») – запрещенная в России экстремистская организация. – *Прим. ред.*

²⁰ Указ Президента РФ № 1226 от 14 июня 1994 года «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» предоставил правоохранительным органам полномочия задерживать лиц, подозреваемых в принадлежности к организованным преступным группировкам, на срок до 30 суток без предъявления официального обвинения. – *Прим. ред.*

²¹ Преступление, связанное со сбытом наркотиков.

в зал. Туповатые самбисты только уважительно покачали на сей развод со стороны старшего смены и, косолапо кривляясь, сопроводили даму до стойки бара. Ближе к полуночи появилась парочка блатных «отсидельцев» из макаровской группировки. Были достаточно вежливы, купили входные, прошли в зал. Не цепляясь с клиентами и не провоцируя охрану. Леха попросил Бульдога присмотреть за проблемными, но тот, вернувшись минут через пятнадцать из дискотечной мути, сообщил, что оба макаровца мирно сосут пиво около стойки бара, вяло реагируя лишь на женский пол.

Харламов всё не появлялся. Леха уже успел на кухне под-харчиться сосисками и макаронами. Столы овисли гроздьями избыточного количества клиентуры. В зале начались первые мелкие стычки. Малыгин пару раз выскакивал, но успевал лишь к шапочному разбору. Выдрессированные командиром штурмовой группы погранвойск секьюрити мгновенно пресекали конфликты и выкидывали бузотеров на улицу. Да и «битвы» пока устраивали лишь подвыпившие студенты, а не молодая поросль уличных группировок. Оба раза, выходя из-за служебного стола, на осмотр мест происшествий, Леха фиксировал индифферентные позы макаровских последователей. Обычно, живо интересующиеся любой движухой, в этот раз, к скоротечным дракам они были абсолютно равнодушны.

Уже за полночь появился Харламов. Он стремительно прошел к столику, за которым расположился Малыгин со старшей администраторшей Дашей, и жестами вызвал своего товарища на кухню.

– Так, – Дмитрий был резок и собран, – кто из пацанов наших есть в зале?

– Каких? – не понял Леха, – из охраны?

– Нет, из травниковских, – глаз обычно уверенного и спокойного Харламова тревожно подергивался, – из старших?

– Вроде пока нет никого... – пожал плечами старший смены, – из братанских только, вон, пара арестантов... С Макаром которые.

– Короче, – Харламов притянул Леху к себе и заговорил шепотом, чтобы снующие по кухне официанты не расслышали, – сейчас выходим разными путями. Ты через главный вход, я из кухни... Проскочишь на светофор с Ленина, встанешь там. Если увидишь «бэху» Травы маши, семафорь, подпрыгивай! Но его останови... скажешь, что я просил передать, чтобы он в «Джеме» сегодня не появлялся. Всё. Потом вали в общагу.

– Что случилось-то, Дим? – тревога вирусно передалась и Малыгину, – что за геморр?

– Облава сегодня будет, – на секунду обернулся Харламов на дверь, – с минуту на минуту, мусора только его ждут. Или меня... Подставы могут быть.

– Это из – з а Косаря все...? – н еуверенно догадался Леха.

– Хер поймешь... Намешано всего. Давай, бери куртку и двигай. Бойцам скажешь – за пельменями пошел. Им-то ничего не будет, так помнут немного. Я через кухню выйду и на машине к Траве домой поеду, может там перехватить успею...

Леха выскочил из кухонного помещения и, четко следуя инструкциям опытного друга, рванул на выход. Параллельно, боковым зрением он зафиксировал присутствие обоих блатных практически у входа в кухонные помещения. Хотя ещё пять минут назад они отирались у барной стойки. Однако не увидел он того, как вышедшего на задний двор Харламова жёстко свалили на землю двое рослых омонцев, а в открывшуюся дверь хлынул поток камуфлированных фигур, разбавленных парой человек в штатском.

– Всем лежать, суки!!! Работает РУБОП!!!

Перешагнувшего порог главного входа Малыгина снесла волна ворвавшихся силовиков. Тычок автоматным стволом куда-то в подбрюшье был настолько неожиданно болезненным, что, задохнувшись, Леха сполз вниз по стойке администратора. Точнее, водопадно обрушился по причине ускорения, приданного кем-то из омонцев по копчику. Где-то за стойкой завизжала Даша, на грязный пол входной группы повалились охранники и посетители мужского пола.

Девушек же центростремительная ментовская сила элегантно разметала по стенам, столам и по всей длине барной стойки. Музыка резко оборвалась и в центр танцпола вышел высокий худощавый мужчина в штатском.

– Внимание!

Властные интонации сразу же заставили всех присутствующих вслушаться. Кто-то в глубине зала пьяно подхихикнул, но тут же осекся звонкой оплеухой. За тишиной в зале ОМОН бдел внимательно.

– Проводится оперативно-профилактическое мероприятие! В соответствии с указом президента «О борьбе с бандитизмом» будет произведен осмотр места происшествия!.. Задержание лиц, причастных к организованной преступности!.. Просьба не оказывать сопротивления и оставаться всем на своих местах! ОМОН шутить не будет!

Леху подхватили рычагом руки с загибом назад и потащили на улицу. Рядом перебирал ногами, постанывая от боли, какой-то прыщавый студент, покупавший к моменту налета входные билеты в ночной клуб. У ментовского «Пазика» обоих неласково приняли такие же бойцы в масках, закинув вглубь загаженного автозака. В очень короткий промежуток пространство салона оказалось забито такими же бедолагами, как и студент. На гордое звание участника ОПГ из пассажиров автобуса мог претендовать лишь Малыгин, в силу специфики своей ночной подработки, и Саша Бульдог, в виду глубоко слабоинтеллектуальной внешности.

В отделе милиции всех задержанных расфасовали по какому-то, лишь милиционерам известному, принципу. Щуплых и полупьяных студентов утрамбовали в камеры при дежурной части. Малыгина и Бульдога увели на второй этаж, где, пристегнув к батарее наручниками, оставили в коридоре. Через минут десять подняли ещё одного охранника, совсем молодого, тащившего свою вторую или третью смену. Парень дежурил на кухне и, будучи свидетелем захода через черный вход, рассказал Лехе о задержании Харламова в числе первых. Чуть позже в другой конец коридора завели мужчину с типичной внешностью бизнесмена от пилорамы. Ещё через минут пять цыгана лет тридцати. Оба арестанта также оказались пристегнуты к батареям.

Леха, наконец, получив возможность нормально мыслить, осознал своё положение. Он, студент-историк, сын интеллигентных родителей, оказался арестованным (именно так ему и казалось) за участие в организованной преступной группировке. Его сейчас посадят, сообщат родителям и выкинут из института. Крах всех надежд, пятно на репутации семьи, загубленная биография. Но, странное дело, всё это, ещё полгода назад, казавшееся ирреальным, уже не страшило. Живут же как-то недоучившиеся пэтэушники – нынешние предприниматели. Ездят на иномарках, не вылезают из ресторанов, покупают квартиры. Вчерашняя парадигма о том, что без образования никуда, дала заметную трещину. А знание о скудной зарплате любого преподавателя или учителя не делала мысль о досрочном отчислении из института фатальной. «В армию пойду, на худой конец, а там разберемся», – подумалось Лехе. Если не посадят...

– Фамилия!

От резкого голоса задумавшийся Малыгин вздрогнул. Перед ним стоял крепкий черно-волосый парень лет двадцати пяти, в короткой кожаной куртке и с торчащим из-под полы пистолетом в оперативной кобуре.

– Малыгин...

Оперативник наклонился и отстегнул кольцо наручников от отопительной трубы.

– За мной!

Он потащил Леху за собой, прихватив за рукав куртки. Тот не сопротивлялся, но выглядело это всё равно очень унижительно.

Оперативник втолкнул Малыгина в один из кабинетов.

– Садись, физкультурник!

Мент не был агрессивным, скорее весело-злым. Он удавил охранника в раздолбанный стул посреди кабинета, а сам плюхнулся за один из двух столов, расположенных впритирку друг к другу. Помещение было небольшим, пошарпанным. В углу кривился большой железный шкаф, по диагонали от него, словно младшие братья-близнецы, стояли сейфы. Линолеум на полу, местами рваный, цеплял за обувь торчащей проволокой. На одной из стен висел календарь полуголой Саманты Фокс с привинченным значком «XXVI съезд КПСС» на пышной груди, на другой черно-белая фотография Глеба Жеглова в исполнении Высоцкого.

Леха перевел глаза с обзора обстановки на хозяина кабинета. Тот, покопавшись в столе, вытащил разлинованный лист бумаги, ручку, и спросил:

– Полностью данные твои, Малыгин? Имя-отчество, место жительства, с какого времени в банде?

– Алексей Михайлович... Но я не в банде, я студент истфака... – Леху вогнала в ступор уверенная речь сотрудника.

– Ага... Как Харлам, – хохотнул мент, – он тоже студент. Стройотрядовец, епта... Голову не глуми мне! Я-то простой опер из уголовки, а сейчас из «шестёры»²² поднимутся, не до истории тебе будет...

– Да, нет, правда. Вот и студенческий есть у меня...

Леха вытащил из внутреннего кармана куртки студенческий билет и протянул его оперативнику. Тот деловито принял его, повертел, хмыкнул и бросил в выдвинутый ящик стола.

– Что делал в ночнике? – откинулся он на спинку стула.

– Потусоваться пришел, – пожал плечами Леха.

– И Харлама не знаешь? Самбиста с физвоса?

Леха на секунду задумался. О том, что они жили в одной комнате – Харлам за пару месяцев до госэкзаменов съехал на квартиру – менты, скорее всего, не знают, но какой смысл врать?

– В лицо знаю, наверное, – всё же соврал Малыгин, – истфак с физвосом не особо пересекается...

– Кулаки-то у тебя сбитые, – кивнул мент, – каратист?

– Не... – смена на миролюбивый тон чуть расслабила Леху, – б оксом ещё в школе занимался. В Ярославле.

– О-о, да мы почти земляки! – разулыбался мент, – я сам-то из Данилова, а служил в Иваново, в десанте... В Ярик в самоход гоняли, там у вас телки попроще!

Леха молча покивал. Как реагировать на такие откровенности в милицейском кабинете, он не знал.

– Ну и нормально, – опер встал и скинул куртку на спинку стула, – часто в клубешнике – то этим зависаешь?

– Ходил пару раз, по весне... – Леха начинал успокаиваться поэтому врать становилось легче, – учеба ж у нас, в основном...

– Да, учиться надо... – милиционер задумался, затем протянул руку, – кстати, меня Игорь зовут. Койнов. Не слышал обо мне?

– Нет... – Леха, пожимая тяжелую длань, отрицательно и искренне помотал головой.

– Это зря...

Игорь зашел за спину Малыгину, словно собирался выходить из кабинета, но, резко развернувшись, вытащил задержанному сзади по уху мощнейшую оплеуху. Леха, вместе со стулом свалился на пол, а Койнов, перешагнув, наступил ему на распластанную кисть.

– Слышь, студент! Ты чего лешего-то гонишь мне!? Мы с открытия сидим, пасем ваш ужатник гребанный! И я прекрасно видел, как ты вышибалами входными рулишь!

²² 6-й отдел уголовного розыска МВД РФ, предтеча РУБОПа.

Леха попытался дернуть онемевшую руку, но её словно пригвоздили. В ответ на этот рывок он получил ещё одного «леща». На этот раз слева. В голове зазвучали перекаты малинового звона. Он увидел, нежели услышал, как открылась дверь и маленькое помещение уплотнилось ещё на двоих человек.

– Быкует? – донеслось сквозь вату легкой контузии.

– Да не, – Койнов сошел с его руки, – мелет как дышит... Понятых будете звать или так досмотрим, потом впишем?

Крепкие руки вздернули Малыгина на стену.

– Ноги шире! Руки в гору!

Раздался грубый окрик. Болезненные пинки по щиколоткам и Леха оказался растянутым по стене кабинета. Краем глаза он срисовал за своей спиной крупные камуфляжные силуэты, увенчанные черными масками с прорезьями.

– Там основного Хряпа сейчас досмотрит и команду даст, – пробасила одна из «масок», – этот пусть пока раком постоит...

Ещё пара ударов в раздвижку ног и Леха продолжил демонстрацию чудес растяжки. Правда, боль уже цементировала сознание, но крепкая рука, вжавшая в стену, не позволяла ему упасть без сознания. Минут через пять в кабинет зашел ещё кто-то.

– Олег Юрьич! – Койнов вскочил из-за стола, – жулик доставлен в готовом к употреблению виде!

– Досмотрели? – голос пока невидимого Олега Юрьевича был быстр и резок.

– Нет, но ...

– Выйдем, Койот!

Оба мента вышли за дверь, «маски» продолжали плющить Малыгина в стену.

Ещё минута болезненного ожидания и штатские вернулись.

Леха на секунду ощутил прикосновение к полам куртки и тут же рывком за шиворот был подернут вверх и развернут лицом к сотрудникам.

Жёсткое, чуть ассиметричное лицо, коротко стриженные волосы. Двухметровые фигуры в масках на заднем фоне. Слово «СОБР»²³ на груди бронежилетов.

Олег Юрьевич с прищуром всмотрелся Лехе в глаза.

– Ты чего авторитета из себя корчишь, щенок!? По указу на тридцать суток захотел?

Леха молчал. Во-первых, он не знал, как отвечать на очевидно риторические вопросы, во-вторых, не понял о каком указе идет речь.

– Скажи спасибо старшему оперуполномоченному Койнову! – продолжал «рычать» прямо в лицо старший по званию мент, – он сказал, что ты не при делах и учёбой своей дорожишь! Поэтому ксива твоя пока у него останется, будешь приходить сюда каждую пятницу на отметку, понял?

Леха кивнул. Понимание того, что его отпускают стопорило вопросы «зачем?» и «почему?». Свалить из этих неприятных стен хотелось со скоростью звука.

– Молодец, – лопаткой ладони хлопнул по лехиной шее Олег Юрьевич, – сходишь сейчас пальцы откатаешь, потом на фотосессию... И свободен. Пока...

Леха опять кивнул, чем вызвал ухмылку обоих ментов, а может и всех четверых. Эмоций собровцев за тканью масок не было видно.

Леху вывели из кабинета.

– Погоди!

Один из собровцев воткнул Малыгина в стену рядом. Второй вернулся обратно, не закрыв при этом плотно дверь. Леха, упертый лбом в стену, поймал обрывки фраз.

– Чего тебе, Трын? – несколько встревоженно спросил Олег Юрьевич.

²³ Специальный отряд быстрого реагирования. – Прим. ред.

– Забыл рацию... – пробасил собровец, – и, это, может, мы как этого щегла выпнем, на базу поедем? Основного-то загрузили уже...

– Да, Саня, можете ехать. Дежурное отделение пусть остается. Харлама в ИВС ²⁴свезти надо...

Саня, ступая по-медвежьи, вывалился из кабинета и Леха, увлекаемый за шкирку, услышал в закрываемую дверь:

– Вот видишь, Гоша, не насвистел Макар... Маслята-то у травниковских, а не у хачей. А ты к нам собирайся, через месяц переведем...

– Да, я, Юрьич...

Дверь захлопнулась, один из бойцов больно вывернул руку и полусогнутый Леха посеменил к лестнице.

На первом этаже Леху втолкнули в замызганную комнату, где усатый прапорщик с повязкой «Помощник дежурного» чернил краской пальцы какого-то паренька. В смежном помещении стенка озарилась фотовспышкой. Из дверей «фотостудии» вывели понурого завсегдага «Джема» кавээнщика Бобикова. Тот вскинул глаза на Леху, но тут же подзатыльник выводящего мента придал ему ускорение на выход.

Малыгина сначала сфотографировали на фоне ростовой таблицы, затем взяли отпечатки пальцев, с подробной описью фамилии-имени-отчества и прочего.

За минуту до окончания заполнения опросника зашел оперативник Койнов. Что-то негромко сказав на ухо прапору, он забрал из кабинета Малыгина и вывел на крыльцо отдела милиции.

– Короче, студент... – Койнов затянулся сигаретой, – чеши сейчас в церковь и ставь свечку, что для тебя всё так удачно закончилось...

Леха промолчал. Лишь неопределенно пожал плечами, мол, надо так надо.

– Дружок твой, Харлаша, – не обращая на его жесты внимания, продолжал Койнов, – подозревается в убийстве человека и заедет надолго. А ты дальше в своей охране шкуру отирай, понял?

– Да как-то не очень-то и хочется после сегодняшних событий... – искренне ответил Малыгин.

– А ты не бзди! – гоготнул оперативник, – мероприятие-то профилактическое. Надо же иногда бандюков в чувство приводить...

Он затянулся и цепко посмотрел в глаза студенту.

– А ты, если хочешь в своем институте сраном остаться, будешь ко мне приходиться после каждых выходных. Чайку попьем, про телок почешем и всякое-такое... С нами дружить надо, понял?

В конце явно просквозило угрозой.

– Понял...

– Ну раз понял, хороших оценок, педагог херов! – засмеялся Койнов и, разминая кисти, ушел в здание.

Леха вышел на начинавшую оживать улицу. Воскресный день всегда стартует чуть позже будничного, поэтому он, не торопясь, а где-то даже и наслаждаясь счастливым исходом, брел по пустынному тротуару. Не дойдя до пешеходного моста, Малыгин услышал, как его окликнули. Из-за угла одной из пятиэтажек призывно махал рукой Саша Бульдог. Леха, осмотревшись, нырнул в подворотню.

– Нагнали? – с ходу спросил охранник.

– Да... – Леха всё ещё озирался, ему казалось, что Койнов где-то рядом.

²⁴ Изолятор временного содержания. – Прим. ред.

– Меня тоже, – криво осклабился Бульдог, – дубиналом в дежурке огуляли, сфоткали и выкинули. Пойдем, Саня с тобой потереть хочет...

– Какой Саня? – удивился Леха.

Тут же всё понял – из неприметной «шестерки», приткнутой к дальнему подъезду, вылезал руководитель областной федерации самбо.

Травников был напряжен, но от этого ещё более сконцентрирован.

– Здорóво, – бросил он мощного краба своей пятерни, – как сам? Мусора сильно помяли?

– Да так, – Леха потер опухшее от затрещины ухо, – пару отцовских лещей...

– Бывает... – Травников оценивающе окинул Малыгина взглядом, – с адись в таз, переговоров. Бульдог, поляну секи!

В машине Малыгин рассказал Травникову о картине прошедшей ночи. Той части, которую пришлось ему пережить самому. Упомянул о том, что Харламов знал о готовящемся налете и хотел предупредить Травникова. Про вербовку оперативника Койнова и про его странный диалог с рубоповским начальником.

– Сука! – не выдержал, до сего момента молчаливо слушавший, Травников, – э то, подстава, нах! Чмошники синие!

Леха замолк, он до этого-то всего видел лидера криминального мира, что называется, с галерки, а сейчас так близко, да ещё и на эмоциях.

– Не наша тема это! – зло выдал Травников, – уроды...

– Какая тема? – всё ж спросил Малыгин осторожно.

– С Косарем... – мощные кисти смяли оплетку руля, – ладно, не забивай голову... Ты молодец, нормально держался. Харлам в тебе не ошибся, пока за него будешь.

– А с ним что? – наконец вспомнил о близком друге Леха, – опер молол, что надолго они его усадят...

– Патроны у него нашли, – тяжело вздохнул главный самбист области, – вроде как, той же серии, которыми Косаря на тот свет отправили...

Леха вспомнил пистолет, который он не раз видел у соседа по комнате. Боевой, с двумя магазинами, полными патронов. Иногда эта машинка для убийства хранилась в их общем шкафу, прикрепленная изолентой к нижней полке.

Видимо, что-то такое прочитал Травников в его глазах, увидел испуг сомнения или ощутил мелкого труса в конечностях.

– Не при делах мы, – отпустил он наконец руль, – ни я, ни Харлам, никто из наших. Нам этот Косарь в хер не тарактел... Может Фарид его понты козлячье терпеть устал... Ладно, давай до общаги докину. Отоспишься... Вечером, часам к шести, подходи к магазину «Восход», на Чайковского. Кто-нибудь из молодых подскочит, заберут тебя. Я пока за город, там и поговорим поплотнее.

Леха согласно кивнул и открыл дверцу на выход.

– И это, – придержал его Травников, – на всякий случай прошмонай комнатушку вашу в общаге. Мало ли чего... Их хату с Ольгой мы подчистили, но вдруг что неправильного у тебя осталось... Скинь или заныкай. Потом разберемся.

* * *

После тяжелого дневного сна, прерываемого периодическим стуком в дверь и движухой в коридоре, с горем пополам умывшись, Леха отправился на встречу с Травниковым. До начала учебы оставался один день и студент планировал как-то определиться по жизни. Единственным человеком, к которому он мог обратиться за советом, был Дима Харламов. Сидевший сейчас в следственном изоляторе по подозрению в убийстве. Поэтому у Травникова, пусть и

опосредованно, запутавшийся охранник рассчитывал получить минимальную информацию по дальнейшему развитию событий.

Полую тумбочку Харламова и наполовину пустой шкаф Малыгин обыскал сразу по приходу. Так как Дмитрий съехал ещё в мае, то к сентябрю, скорее всего, к Лехе подселили бы соседа. Старшекурсник за символическую взятку договорился с комендантом общежития поддержать комнату за собой. Никаких запрещенных вещей в мебели Леха не нашел. Только старая самбовка и изношенные борцовки в глубине шкафа. Когда же Леха отодвинул тумбочку, из-под задней фанерной стенки вывалилась, очевидно застрявшая за полочками, цветная фотография. На ней совсем юный Харламов в расстегнутом маскхалате стоял рядом с молодым офицером, в «афганке» с лейтенантскими звездами. Оба были с оружием, в разгруженных жилетах, лейтенант с автоматом, а Дмитрий со снайперской винтовкой и испачканной физиономией. Часть фона занимало глинобитное ограждение, за коим угадывались снежные вершины таджикских перевалов. На обратной стороне фотографии синела надпись. «Дима, не стреляй просто так... На память от замполита Олега Южанова». Леха вспомнил, что у Харламова была небольшая папка с документами, которую тот постоянно держал в тумбочке. Видимо, фотокарточка вывалилась оттуда при сборах на переезд. Её Леха внимательно рассмотрел и убрал в межстраничный схрон любимой книги «На западном фронте без перемен».

В назначенное время Леха прогуливался около магазина «Восход». Почти сорок минут ожидания и Малыгин, плюнув, побрел обратно в общагу. Прогоняя в голове различные варианты отмены встречи, подходя к крыльцу общежития, он наткнулся взглядом на замызганные «Жигули». В тех самых, где несколько часов назад общался с Травниковым. Вот только вместо него там сидело двое крепких парней. Один из них, смутно знакомый по ночным сменам в «Джеме», вывалившись из раскрытой дверцы, махнул Лехе рукой:

– Малыга! Ныряй в тачку!

Подивившись звучанию своего нового прозвища, Леха сел на заднее сиденье.

– Припозднились немного, братан, – коротко бросил пассажир, – делов много...

Водитель хмыкнул.

По деланным фразам и ухмылке водителя, Леха понял, что, скорее всего, травниковские бойцы проверяли не привел ли он за собой «хвост» и стоит ли ему доверять после жёсткой милицейской обработки. Однако маршрут поездки был не длинным. Через пять минут «шестерка» остановилась в, до боли знакомом Лехе, тупичке за трансформаторной будкой. Том самом, куда зимой его вытаскивали калечить друзья Юры Ермакова.

– Тебя Саня ждет в «Джеме», – вновь лаконично кивнул головой на выход пассажир, – зайдешь через кухню.

Травников сидел за служебным столиком в непривычно пустом зале. Напротив него с неестественно прямой спиной, на минимальном макияже, расположилась Ольга Фуштейн. Эксплуатационная «Джема», а ныне заместитель директора филиала крупного совместного предприятия. Всё это было довольно странно. Ни тот, ни другая не имели никакого официального отношения к ночному клубу, чтобы так беспрепятственно сюда попадать. Она уже не имела, а Травников, вроде бы как, пока.

– А больше никого и не будет, – заметив, блуждающий по пустым пространствам, взгляд Малыгина сказал Травников, – и нтимный разговорчик у нас.

Оля невесело улыбнулась. Леха присел на край дивана.

– Процентчики наши в Москву перебираются, – Травников махнул растопыренной пятерней где-то за головой, – в какой-то банчишко вложились, хех, брокеры херовы.

Леха молча ждал. Ольга достала из клатча тонкую ментоловую сигарету, щелкнула зажигалкой.

Травников скосил на неё глаза, хмыкнул, всем своим мощным корпусом развернулся к Малыгину:

– Садись поудобнее, разговор будет долгим...

После ментовского налета клуб, естественно, с большими потерями закрылся. Как по экономике, так и по репутации. Ломанувшиеся к своей «крыше» хозяева-ростовщики попытались озвучить претензии, но, уверенно плавающий в акватории интриг и козней, Травников разъяснил подкрышным коммерсантам суть милицейских претензий. С его слов, инициатором облавы стало экономическое подразделение управления по борьбе с организованной преступностью, чей глава решил баллотироваться в депутаты областного законодательного собрания. И, надо же какое совпадение, один из владельцев кредитного учреждения «Процент» тоже воспытал желанием стать полезным обществу. Да ещё и на том же избирательном участке, что и подполковник милиции. А какое самое больное место у кандидата от партии бизнеса? Правильно. Ночной клуб. Рассадник разврата и наркомании. Вот, менты бессовестные и решили туда нанести удар. А то, что крышуемый полез в депутаты без согласования с куратором от ОПГ – грех хоть и не страшный, но, как выяснилось, болезненный. С учетом того, что пострадал один из верных травниковских пацанов. Посему на коротком производственном совещании кооператоры и рэкетиры порешили, что надо бы прибыльный, но проблемный актив на кого-нибудь спихнуть. Переписать формально, самим оставаясь в тени. Желательно на своего, устраивающего обе стороны, человека. Так и возникла кандидатура Ольги Александровны. Человек здоровый, с клубным бизнесом знакомый и вполне компромиссный. И пусть поход к нотариусу запланирован на завтра, ключи от всех помещений клуба были вручены Ольге уже сегодня.

Леха слушал о новых для себя перипетиях человеческих судеб удивленно, но уже не в том детском наивняке, годовой давности. Всё ж прожитое, пережитое и познанное за последнее время оказало стероидное воздействие на разум вчерашнего школьника. Из-за небрежно побрасываемых фраз Саши Травникова, сквозь невеселый взгляд Ольги Фуштейн Леха видел наиболее вероятный финал этого бизнес-фарса. Земля под зданием оформлена на Травникова. Клуб с завтрашнего дня на Ольгу. Ростовщики со страху перед РУБОПом скрутили из города и явно в ближайшее время возвращаться не планируют. Короче, всё ясно. Ночной клуб «Джем» из «подкрышной» точки станет ещё одним элементом капитализации главного самбиста области. А вот за что сидит Харламов? Влюбленный в Ольгу и преданный Травникову.

– ...в общем, у нас пока висит лишь вопрос по охране, – женский голос вернул Малыгина из глубины размышлений в реальность, – если по девочкам, мальчикам и кухне я всё знаю, то безопасностью последние три года занимался Дима...

– Харлама будем вытаскивать, – Травников в упор смотрел на Леху, – а за него пока тебя хочу назначить. У меня по ноябрю должны двое пацанов из армии вернуться, в Чечне воюют... Они подхватят, но пару месяцев надо перекрыть. Справишься?

– Дима о тебе очень хорошо отзывался, – глаза Ольги повлажнели, – близким тебя называл...

Хоть и помудрее стал Малыгин за последний год, но так и не понял, что попал в классическую ловушку. Друг в беде, командир призывает, девушка (пусть и не твоя) смотрит в надежде.

– Но я, как бы, правильнее выразиться, – с трудом подбирая слова, ответил Леха, – в армии не служил, по организации не очень ещё...

– Научим, – окоротил Травников, – тут главное чуйка... И духа немного. А это все у тебя есть. Базарить умеешь, здоровье бычьё, вон, как Ермача разделал. И я на звонке, хех...

Он увесисто жажнул новоиспеченного начальника охраны по плечу, словно ставя точку. Леха кивнул, но при этом его лицо выражало неуверенность принудительндобровольного согласия.

– А почему ты про зарплату не спрашиваешь? – спросила Ольга.

– Я на пару месяцев, судя по всему. Чего губу-то раскатывать...

– Ты же старший смены? – Ольга игнорировала его ироничную фразу.

– Да, последние две недели...

– Умножай на четыре, – Ольга скосила глаза на Травникова, тот кивнул, – но все выходные ты здесь, на службе. Договорились?

Это уже звучало по-человечески. Без давящего взгляда, без принятия в стаю. Просто и по существу. Зарплата была очень достойная. Настолько достойная, что Малыгин уже и забыл про проблемность предлагаемой работы. Про пьяные драки, качели с блатными, про ментовские облавы, про цыган с гашишем на заднем дворе. Рывок из студенческой нищеты вновь приближал его к романтической встрече с самой красивой девушкой.

– Хорошо, я готов, – уже твердым голосом ответил Леха, – по людям надо прикинуть и желательно, чтобы пара машин на подскоке была. Мне, Димон рассказывал, что у вас, вроде, это проговаривали... С учетом макаровских закидонов и новой площадки для таксистов.

– Смотри-ка на ходу схватывает! – хохотнул Травников, – а я думаю, чего это тебя так Краснов подтягивает. И на сборы, и в Питер... Не, такие кадры нужны самому.

Это он уже говорил, поворачиваясь к Ольге.

Фуштейн благодарно взглянула на Малыгина:

– Я знала, что ты нас не бросишь.

Травников махнул рукой, мол, всё под контролем.

– По поддержке все решим, не ссы, – он хрустко потянулся, – с ментами тоже разрулим, у меня половина ОМОНа и СОБРа по юности в секции занималась. Вся муть из-за Косаря, земля ему камнем, дебилу. Я вот только понять не могу, на хера Харлам патроны с собой таскал, вольну-то он ещё неделю назад сдал. Она пока без надобности...

Последние слова Саша произнес, словно забывшись, уходя куда-то в свои мысли, очевидно, терзающие его беспрестанно.

– Теперь по таксистам, – вновь рульнул в русло обсуждения Травников, – до конца недели добьем паркинг, закроем шлагбаумом въезд. Кстати, надо парней на парковку присматривать уже. Кретинов много прорываться по перваку будет. «Джем» на выходные полгорода бомбил кормит...

– И поит, и девочек поставляет, – лисой скользнула фраза от Ольги.

– Да, – продолжал новый владелец бизнеса, – шлюхи, бухло паленое, дурь всё это у таксистов. Нам до их бизнес-уголка по херу, крышевать правильным пацанам это не по понятиям. Но! Воткнуть этим хероплетам аренду по-человечачьи нам никто помешать не может. Я за сентябрь объявлю конкурс, как у нас в армии ротный говорил, на лучшую сигарету, посмотрю, кто интереснее предложение сделает.

– Вокзальные полезут, – опять невзначай вставила Ольга, – они под Макаром, да и шлагбаума пока здесь не было, они постоянно торчали перед входом...

– Оля, ты свою голову светлую не забивай, – дипломатично встретил Травников, – ты уже не управляющая, а практически собственник. Мы решим эту проблему. Все будет, как часы, работать, ты, главное, с австрийцами усиди. Мне ты там больше нужна. Долю с клуба день в день будешь получать. Только запуститься помоги.

– Я помогу, – вздохнула Ольга, – хотя в холдинге через день командировки. По таким углам медвежьим, ужас. А я без охраны, без Димы...

– Диму вытащим, вопрос времени, – ещё раз успокаивающе баюкнул бизнес-партнер, – завтра один адвокат в СИЗО сходит, другой к следакам. Проясним и начнем работать.

Он несудимый, положительный, от федерации бумаги сделаем, от Госдумы ходатайство. Уйдем ментов, не переживай. Пока пацанов на сопровождение дам.

– Не надо мне твоих пацанов, – резко ответила Ольга, – я, когда проводницей работала, с блатными такие их захера колымские разруливала... Зачем мне твои качки бройлерные? Харлама мне вытащи, а я тебе ещё не одну тему взамен подгоню.

– Вытащу... Ты пока иди, вон, девчонок встречай. Мы с Малыгой за охрану еще поте-
лежим...

Он кивнул на главный вход, за стеклянными дверьми которого виднелись женские силу-
эты. Ольга пошла ко входу, оба мужчины смотрели вслед её красивой и уверенной походке. И
Леха вновь ухватил очередное понимание. Ольга – некий генератор полузаконных бизнес-идей,
которые она в силу своего гендерного положения реализовать не может. Но, окруженная
сильными и решительными мужчинами, девушка из глухой провинции научилась добиваться
поставленных целей, пользуясь лазейками открывающихся возможностей. Тема с монополиза-
цией приклубного такси, со слов Харламова, принадлежала ей. Комбинация с переписанным
клубом, очевидно, не прошла без деятельного участия бывшей управляющей, несмотря на то,
что Травников и отыграл роль благородного спасителя несчастных бизнесменов-депутатов. А
работа в лесном холдинге, это уже явно такой перспективный и долгоиграющий проект, что
Харлам, пройдя по краю бандитских разборок и нигде особо не засветившись, безоговорочно,
был отправлен туда своим шефом. Или всё же любовь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.